

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Государственный Канцлеръ
Графъ Румянцовъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

1828.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, СЛОВЕСНОСТИ

и

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

---

*Мы одно любимъ, одного желаемъ : лю-
бимъ Отчизну ; желаемъ ему благоден-
ствія еще болѣе, нежели славы ; желаемъ,
да не измѣнится никогда твердое основа-
ніе нашего величія ; да правнла Мудрости
Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и бо-
лѣе укрѣпляютъ союзъ частей ; да цвет-
нотъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго,
долго, вѣкъ на землѣ нѣтъ никого без-
смертнаго, кромѣ души вселенческой !*

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 2 8.

Psław-Gil 3.10
~~Star 20.98~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
11 DEC 1924

ПЕЧАТАТЬ П ОЗВОЛЯЕТСЯ
съ нѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи Узаконеній. Москва, 30 Января, 1828.

*Цензоръ, Майоръ и Кавалеръ
Сергей Глинка.*

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ:

№ I и II.

ОТДѢЛЕНІЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ ДРЕВНЯЯ,
СРЕДНЯЯ И НОВАЯ.

I.

ВОПРОСЪ О МѢСТѢ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ; Россія!

Онъ члены взялъ въ шебъ племскія,

Сошедъ къ шебъ ошъ горнихъ мѣстъ.

Ломоносовъ.

Дѣло невѣроятное! — Пётръ Великій, Государь несравненный, единственныи, на кошораго съ изумленіемъзирающъ народы всѣхъ знаемыхъ часпей свѣша; предъ именемъ кошораго благоговѣетъ каждый Россіанинъ; сей Государь — едва смѣю произносивъ слова сіи предъ согражданами — какъ спранникъ безвѣстный . . . невѣдомо гдѣ родился: ни одинъ Россіанинъ не указаль шого мѣста; гдѣ была колыбель Великаго!

Стихотворецъ Сумароковъ; по прошествіи осьмидесяти семи лѣтъ ошъ рожденія

I *

Монарха Державнаго, говоришь ушвердительно: *мнѣ извѣстно, что въ селѣ Коломенскомъ родился Великій Петръ, основатель нашего благополучія, Отецъ Отечества, честь народа своего, страхъ неприятелей и украшеніе рода человѣческаго!* По чему и самое село Сумароковъ называлъ *Россійскимъ Вилелемомъ* (1). Въ сему мнѣнію прислупили и другіе.

Неизвѣстный сочинитель повѣспи *О зачатіи и о рожденіи Великаго Государя Императора Петра Перваго, Самодержца Всероссийскаго, и о прочемъ*, говоришь прямо, что *сей Великій Императоръ родился въ (на) царствующемъ градѣ Москвѣ, въ селѣ Измайловѣ* (2). Нѣкто, Коллежскій Ассессоръ, Брыкинъ, въ концѣ упомянутой повѣспи, говоря объ ошцѣ своемъ, служившемъ 23 года въ селѣ Измайловѣ, и о матери своей, умершей 1758 года, въ старости маспишій, почши спа лѣшь, свидѣтельствувешъ, что онъ *слыхалъ* ошъ своей матери, будто *Государь Петръ Великій родился въ помянутомъ селѣ Измайловѣ* (3). Ешо мнѣніе шакже имѣло своихъ защишниковъ.

Голиковъ, сохраненіемъ чеспи и свободы обязанный шому достопамяшному дню, въ копорый былъ ошкрытъ въ Пешербургѣ славный памяшникъ Петру Великому, — Голиковъ, извѣстный по собранію богашѣйшаго запаса испорическаго о жизни Монарха, согласно съ Исторіографомъ Миллеромъ, писавшимъ прежде его о семъ предметѣ (4),

полагаетъ *Московский Кремлевскій Дворецъ* мѣсномъ рожденіи Петра Перваго (5). Одно-го съ ними мнѣніи былъ, современный Го-лжкову писатель, Туманскій, успѣшно на-черпавшій первыя лѣта жизни Государя (6). Ещо мнѣніе принято большею частію Рос-сіянъ.

Не лзя умолчать здѣсь объ одномъ об-щественельствѣ, весьма любопытномъ. Ещо ошвъшъ Іоанна Георгія Гревіуса изъ Уптрек-ша на письмо Николая Гейнзіуса, Послан-ника при Дворѣ Россійскомъ отъ Генераль-ныхъ Спашовъ Соединенныхъ Нидерландовъ, писавшаго къ нему, отъ 1 Іюля 1672 года, о рожденіи Царевича, именно *въ Москвѣ*, и о шѣхъ пророчествахъ, которыя сопро-вождали появленіе на свѣтъ Младенца не-обыкновеннаго (7).

Еще остаюися двѣ важныя, современ-ныя справки: *Исторія Петра Великаго* Тео-фана Прокоповича и *Разрядная записка*, соспавленная въ день рожденія Царевича; но участники мудрыхъ дѣлъ Монарха и Раз-рядная записка молчатъ о мѣствѣ его рож-денія.

Изъ шакихъ прошиворѣчій что же из-влечемъ мы положительнаго? Не уже ли Су-мароковъ, шолько осмьюдесятью семью го-дами ошдаленный отъ великаго для насъ со-бытія, Сумароковъ, котораго извѣстные стихи къ селу Коломенскому могла читашъ Императрица Елисавета, Дщерь Петра Вл-каго, не уже ли онъ не бесѣдовалъ съ спар-цами, которыя могли бы передашь ему вър-

ныя извѣстїи о рожденїи Монарха? Не уже ли свидѣтельствово сочинителя повѣстїи о зачатїи и о рожденїи Петра Перваго, написанное при жизни Государя, и другое свидѣтельствово Брыкина, переданное ему ошъ снольшней его машери, — не уже ли сїи свидѣтельствва не имѣють никакого вѣроянїя? Не уже ли Исторїографъ нашей Имперїи Миллеръ, кошораго шруды чїтала Екатерина Великая, сноль много любившая Исторїю Ошечесшва, не уже ли Голиковъ и Туманскїй писали безъ всякихъ соображенїй и основанїя?

Вонъ вопросы, кошорые должны рѣшїть Россїяне! Мѣсто рожденїя Петра Великаго для насъ важнѣе мѣста рожденїя Гомера, о кошоромъ семь славныхъ городовъ долгое время соспїзались.

23 Дек. 1827.

Примѣанїя.

(1) Сташья Сумарокова заключается слѣдующимъ осмысленїемъ:

*Россїйскїй Виллажъ: Коломенско село,
Которо на свѣтъ Петра прозвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало;
Въ тебѣ величїе Россїйско возсіало:
Младенца, коего шы зрѣло въ пеленахъ,
Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ,
И океанъ ему подъ область ошдалъ воды;
Дрожали ошъ него всея земли народы.*

См. Трудолюбивую пчелу, Апрель, 1759, стр. 240—242.

- (2) Такъ читаемъ въ рукописяхъ и въ Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго, изданномъ Федоромъ Туманскимъ, гдѣ помѣщена повѣсть о зачатіи и рожденіи Петра I. Спб. 1787. Ч. I. стр. 233.
- (3) Рукопись второй половины прошедшаго столѣтія; въ 4. Она принадлежала покойному Лейбъ-Медику В. М. Рахтеру. На концѣ повѣсти написано слѣдующее „сей *латинская о рожденіи Императора Петра* „I гдѣ въ дворянскомъ селѣ Измайловѣ, достигъ мнѣ „отца родившаго моего, брата моего отъ отца Измай- „ловъ приказной избы подьячего Саввы Григорьевича „Брицка (Брминна), который въ сіе званіе дошумалъ „1712 года Января 28 числа и продолжалъ службу до „1735 года; будучи же въ селѣ Декабря 28 дня умре. „Родивельница же моя Ксавеша Вареломѣвна, „будучи безъ малаго года дѣва, въ прошлое 1758 „году Сентября 6 дня умре, отъ которой я слышалъ, „что Государь Петръ Великій родился въ поманутомъ „селѣ Измайловѣ.“ Коллежскій Ассессоръ (дѣше не- „дописано).
- (4) Подлинныя свидѣтельства и записки доказываютъ, что Петръ Великій родился въ *Кремлевскомъ Дворцѣ*. Географич. Лекс. Росс. Госуд. О. Полунина, изд. Г. Ф. Миллеромъ, М. 1783, стр. 193 — Петръ Великій родился въ *Москвѣ*, 30 Мая 1672 года, въ день Преподобнаго Исаакія Далматскаго, за пол- *третья часа до свѣта*. Опыты трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія. М. 1780. Ч. V. стр. 87.
- (5) *Мѣсто рожденія* Петра I было, по мнѣнію однихъ село Коломенское, а по мнѣнію другихъ село Измай- *лово*; но *достовернѣе Московскій Кремлевскій Дворецъ*. Дѣянія Петра Великаго. М. 1788, Ч. I. стр. 137.
- (6) Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Великій родился въ *Москвѣ*. Полное описаніе дѣяній Императора Петра Великаго. Спб. 1788. Ч. I. стр. 155—158.

(7) Вошь точныя слова Гревіуса, въ Успрехна, 9 Апрѣля 1673 года, въ отвѣтъ на письмо Гейнзіуса: *Quae tempore, quo Princeps iuventutis Ruthenicae Petrus Moscuae in lucem editus, accidisse, et ex cursu stellarum observata fuisse scribis, Astrologi nostri, et quotquot vaticiniis inhiant, ac futurorum praedictis student, tanquam omnia memoratu digna, diligenter notarunt. Датѣ замѣчающа досономяшныя происшешвія, случившіяся въ Европѣ въ день рожденія Петра Великаго. На концѣ: sit suo tempore Petrus bonus pastor, ut tandem, acythicam barbaricam, qua septentrionales maxime: et pellitae gentes subiacantur, legibus salutaribus latis deinceps possit.* — Туманскій: жъ Голіковъ свидѣтельствуетъ, что письмо Гревіуса хранится въ нашей Академіи Наукъ; а мы замѣчаемъ, что имени Гейнзіуса нѣтъ, какъ лица дипломатическаго, въ оо-врежденныя списки Посланниковъ при Россійскомъ Дворѣ. Собран. свидокъ Туманскаго Ч. V. стр. 122.

ПУТЕШЕСТВІЕ ІОСАФАТА БАРБАРО, ПОСЛАНИКА
ВЕНЕЦІАНСКАГО, ВЪ ТАННУ, НЫНѢ АЗОВЪ, ВЪ
1436 ГОДУ (1).

ВВЕДЕНІЕ.

«Венеціанецъ Іосафатъ Барбаро былъ отправленъ, 1436 года, Венеціанскою республикою, Посланникомъ въ Танну, нынѣ Азовъ, городъ, тогда находившійся въ рукахъ Генуэзцевъ. — Описание сего путешествія было напечатано въ небольшомъ и рѣдкомъ собраніи въ Венеціи, въ типографіи Алдусъ, Антоніемъ Минуціемъ, 1548 года, и послѣ внесено въ собраніе Джіованна Баптиста Рамузіо. Слѣдующее есть возвращеніе сего путешествія. — Потомъ, въ 1471 году, Барбаро отправился Василанникомъ въ Персію къ Усдумъ Гассаку, или Ассамбею, Туркоманскому Князю, начальнику племени бѣлаго овна. Онъ пробылъ шестнадцать лѣтъ между Татарами; а по возвращеніи въ отечество сдѣлалъ описаніе обоихъ путешествій. Барбаро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ Венеціи, 1494 года.

Сие путешествіе написано безъ надлежащаго порядка и безъ означенія чиселъ. — Изъ онаго видно, что Барбаро провѣлъ нѣкоторое время въ Таннѣ; дѣлалъ различныя повѣздки въ Крымъ и къ народамъ, живущимъ между Дономъ, Волгою,

Чернымъ и Наспійскимъ морями, и потомъ возвратился въ свое отечество, Италію, чрезъ Москву, Новгородъ, Варшаву, Франкфуртъ на Одеръ и Германію. — Иосафатъ Барбаро осматривалъ описываемую имъ страну съ большимъ вниманіемъ и съ духомъ истиннаго наблюдателя (что приносить ему особенную честь), въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, частью сухимъ путемъ, частью водою.

Равнина Ташаріи съ востока омывается большою рѣкою *Ледилемъ*, *Едилемъ*, или Волгою; къ западу граничитъ съ Польшею; къ сѣверу съ Россіею; къ югу съ Большимъ или Чернымъ моремъ, *Аланіею*, *Нуманіею*, или *Команіею* и *Газаріею*, копорыя граничатъ съ моремъ *Тебачъ* (2). Аланія получила имя свое отъ народа Алановъ, копорые называютъ себя, на собственномъ языкѣ, *Асами*. Народъ сей исповѣдуетъ Христіанскую вѣру. Спрана, имъ занимаемая, была разорена и опустошена Ташарями, или Моголами. Область Аланія заключаетъ въ себѣ горы, рѣки и равнины; на сихъ послѣднихъ встрѣчаются иногда холмы, сдѣанные руками человеческими, служащіе надгробными памятниками; на вершинѣ каждаго холма находится плоскій камень, со впадиною въ срединѣ, въ коей укрѣпленъ каменный крестъ. Въ 1326 году (за 110 лѣтъ до путешествія Барбаро), Ташары, или Моголы, приняли Магомешанскую вѣру; хотя и до сего времени были

нѣкоторые Магомешане въ сей спранѣ, но каждому было позволено исповѣдывашь вѣру имъ избранную. Въ свѣдѣніе того, нѣкоторые поклонялись деревяннымъ идоламъ, коихъ они возили съ собою въ своихъ кибишкахъ, или подвижныхъ домахъ: но насильственное введеніе Магомешанской вѣры имѣеть начало свое со времени Гедигея, Эдигея, или *Жедигея*, военачальника въ правленіе Ташарскаго Власшишеля Сидагамеша Хана. Эпохѣ Гедигей былъ отецъ Навра, при жизни коего Улу-Магомешъ, или Магомешъ Великій, господствовалъ надъ Ташарамъ.

Между Навромъ и Ханомъ Улу-Магомешомъ возникли раздоры, коихъ были причиною, что Навръ удалился къ рѣкѣ Ледилю, сопровождаемый Ташарскими племенами, ему преданными, и соединился съ Кези-Магомешомъ (малымъ Магомешомъ), коихъ считался въ родствѣ съ Ханомъ, или Императоромъ. Навръ и Кези рѣшились воевать противъ Улу, почему и отправились съ соединенными силами, по дорогѣ къ Гишкеркану (Аспрахани) и чрезъ равнины Тюменскія, или большую степь, простирающуюся отъ Волги до Дона и даже до горъ Кавказскихъ. Идя къ западу, они держались южныхъ спранъ Черкасскія, и повернули къ Дону и Азовскому морю, коихъ были покрыты льдомъ. Чтобы удобнѣе находить кормъ для рогатаго скота и лошадей, они отправились, отдѣльными отрядами, и на такое большое разстояніе

одинъ опъ другаго , что нѣкоторые перешли рѣку близъ города Паласпра ; другіе же , въ то время , какъ рѣка была покрыта льдомъ , близъ Бозагаца , ошстоящаго опъ помянушаго города на 120 миль . Мѣры ими принятыя были споль хороши , что они совсѣмъ неожиданно напали на Улу Магомела , который былъ принужденъ бѣжать съ женою и дѣтьми своими , оставя все за собою въ большомъ безпорядкѣ . Нези Магомену послѣ него вспунилъ на престоль , и въ Юнѣ мѣсяцѣ опянь перешель чрезъ Донъ .

Осправляясь къ западу , влѣво опъ Таны , вдоль берега моря *Зебачи* , или *Палувъ Меотисѣ* , а оппуда на нѣкоторое разстояніе вдоль Большаго , или Чернаго моря , къ области Мингрелии , мы достигли , послѣ шредневной ѣзды , области *Кремуць* , *Кремукъ* , или *Кромукъ* , владѣтель которой называется *Биссерди* (3) , а сынъ его *Кертибей* , что значитъ *истинный господинъ* . Биссерди управляетъ прекрасною спраною , изобилующею плодоносными полями , значительными рѣками , хорошими лѣсами , и можетъ выспаивать до тысячи всадниковъ . Высшее сословіе народа въ сей спранѣ живеть , по большой части , грабежемъ каравановъ . Они имѣють прекрасныхъ лошадей ; народъ храбръ , приученъ къ войнѣ и довольно искусенъ ; но не имѣеть ничего особеннаго ни въ обычаяхъ , ни въ наружности своей . Спрана сія обилуетъ хлѣбомъ , рогатымъ скошомъ и медомъ ; но не производитъ вина . Близъ сей спраны нахо-

дѣлся другія области (которыя жилиши говорящъ разными языками), лежащія недалеко другъ ошъ друга (4). Начиная съ *Кремуна*, какъ первой, онъ сущъ: 2. *Елинего* (или *Киппике*); *Тартаркозія* (иначе *Ташакозія*, *Титаркосса*; *Ташаршофія*, или *Ташаршуссія*); 4. *Сабаи*; 5. *Нернетей* (иначе *Невертей*, *Нарбашей*, *Нербаршей* или *Кабарда*); 6. *Асъ*, или *Аланы*. Всѣ сїи области проспираюшся на двадцать дней ѣзды до самой *Мингреліи*, которая граничитъ съ *Кайпаками*, живущими въ окружности горъ *Каспійскихъ*, часпїю близъ *Георгіаны*, по берегамъ *Чернаго моря* и вдоль горъ, входящихъ въ *Черкассїю*. Съ одной спороны *Мингрелія* ограничивается рѣкою *Фазисомъ*, которая впадаетъ въ *Черное море*. Повелитель сей спраны называется *Бендіанъ* или *Даніанъ*. Онъ владѣетъ двумя крѣпостями близъ моря, изъ коихъ одна называется *Вати* или *Бадіасъ*, а другая *Севастополи* (5). Кромъ того, онъ имѣетъ другіе замки (castle) и укрѣпленныя скалы. Вся спрана безплодна и камениста; просо единственный родъ хлѣба, который она производитъ. Соль *Мингрелія* получаетъ изъ *Каффы*. Жилиши дѣлаюшъ нѣкоторыя грубыя матерїи, темнаго цвѣша; но вообще народъ необразованъ и почти дикъ. Въ сей спранѣ слово *тетарти* значитъ *бѣлый*, и также употребляется для названія серебряной монеты, подобно какъ Греки называютъ шаковую же монету *Аспро* (6), Турки *Анѣйа*

и Нашайяны *Тейев*, что на всѣхъ сихъ языкахъ значить *бѣлый*. Въ Ишаліи и въ Испаніи нѣкошорыя серебряныя монеты называются *біанчи*: это имѣетъ свое значеніе.

Теперь мы дадимъ нѣкоторое понятіе о *Георганѣ*, *Георге*, или Гургиспанѣ, которая противоположна упомянутымъ мѣстамъ и граничитъ съ Мингреліею. Государь, или правитель Георгіи, называется *Панкрашіемъ*. Онъ владѣетъ прелестною страной, которая производитъ въ большомъ изобиліи рогатый скотъ, рожь, вино и много плодовъ; виноградъ здѣсь сажаютъ вокругъ деревьевъ, какъ въ *Трапезундѣ*. Жители вообще смѣливы, имѣютъ пріятную наружность; но нравы ихъ и обычаи дурны и отвратительны, болѣе нежели у какого-либо народа, мнѣ встрѣчавшагося: Головы ихъ обрѣзаны, кромѣ немногихъ волосъ, распутившихъ вокругъ головы, какъ у нашихъ *Аббашевъ*; они носятъ большіе усы, дюймовъ въ шесть длиною. На головѣ у нихъ шапки различныхъ цвѣтовъ съ перомъ на верху; шло ихъ покрыто узкимъ, полспытымъ полукашаньемъ, котораго полы довольно длинны и сзади разрѣзаны отъ самой поясницы, потому что иначе было бы неудобно сидѣть на лошади; но я не хужу ихъ за эту моду: Французы имѣютъ платье такого же покроя. На ногахъ они носятъ сапоги, подошвы которыхъ такъ странно сдѣланы, что когда человекъ идетъ, то одни шпальки носки и пятки касаются земли;

середина же подняша шакъ высоко, что можно подсунуть подъ нее кулакъ, и пошому они ходящъ съ большимъ шрудомъ. Я бы спалъ охуждашъ ихъ за это, еслибъ не зналъ, что въ Персїи употребляется шакого же рода обувь. При ихъ обьздахъ замѣчательное слѣдующее обькновеніе, кошорое видѣлъ я въ домъ одного знашнаго человека. Они употребляютъ ченверугольный споль, аршина въ полшора шириною, съ выдавшимися краями; по серединѣ насыпаютъ довольное количество варенаго проса, безъ соли и масла, кошорое они ѣдятъ съ мясомъ, вмѣсто хлѣба. На другомъ, подобномъ споль, подъ коимъ находились горячія уголья, было наложено кабанье мясо, споль мало зажаренное, что кровь текла изъ него, когда его разрывали: это они особенно любящъ. Что до меня касаеться, я нашелъ шакую яспву ошврашишельною и принужденъ былъ довольствоваться небольшимъ количествомъ проса, пошому что иной пищи не было. Вино за споломъ лилося, и гостей подчивали имъ весьма усердно.

Спрана сія обилуетъ лѣсами и горами. Одинъ изъ уздовъ оной называется *Тифлисъ*, въ кошоромъ находишся и городъ того же имени, лежащій при рѣкѣ *Куръ*, или *Киръ*, кошорая впадаетъ въ Каспійское море. *Гори*, также укрепленное мѣсто въ сей обласни, и лежишъ ближе къ Черному морю. Идя ошъ Танны, по рѣкѣ *Дону* и вдоль моря Тебачъ или Азовскаго, до самой *Каффы*, держась лѣвой стороны сего моря,

мы прибыли къ Ишму, или къ узкому перешейку земли, кою соединяетъ полуостровъ Крымъ съ твердою землею, и называется *Зукала* (7). Онъ подобенъ перешейку, называемому *Ессемилл*, въ древности Коринескому, соединяющему Морею или Пелопонезъ съ твердою землею Греціи. Близъ перешейка *Зукалы* находящіяся большія соленыя озера, на которыхъ льдомъ соль кристаллизуется и славливается въ большомъ количествѣ, для продовольствія сосѣднихъ народовъ. Черная область внутри полуострова, лежащая къ морю Тебачь, или Азовскому, въ кою мы прибыли, есть *Куманія*, имя коей происходитъ отъ народа Кумановъ. Главная область называется *Газзарія* или *Казарія*, въ кою лежитъ *Каффа*. Мѣра длины, употребляемая купцами во всѣхъ сихъ областяхъ, именуется *Газзарскимъ* аршиномъ, который также употребляютъ и въ Таннѣ (8).

Низкая страна острова *Каффы* (9) занята Ташарами, коюрыя находятся подъ управленіемъ Князя именемъ *Улуби* (10), сына Азикарея. Въ случаѣ нужды они могутъ выставить отъ 3,000 до 4,000 всадниковъ. Народъ сей имѣетъ два города обнесенные стѣнами, но не весьма крѣпкіе. — Одинъ изъ нихъ *Соргати* (12), называется у нихъ также Инкремса или Кирміа, что значить укрѣпленіе. Другой *Нерларде* (12), что на ихъ языкѣ значить укрѣпленные мѣста (13). На островѣ, который Италіяны называютъ Киммеріанъ Босфоръ,

близъ самаго моря Азовскаго находящися Керчь, Керчь или Карсъ (14). Тамъ слѣдуешь Каѳа (15), Солдайя (16), Грассую (17), Цимбало (18), Сарсона или Керсонъ (19) и Каламиша (20). Далѣе опъ Каѳы лежишь Готія, а еще далѣе Аланія, находящаяся внѣ острова и лежащая къ Монкастро (21). Готы сихъ странъ говорятъ нарѣчіемъ Германскаго языка, какъ я узналъ опъ слуги Германца, сопровождавшаго меня въ моихъ пушешествіяхъ; потому что онъ говорилъ съ ними, и они понимали другъ друга довольно хорошо, шакъ шочно какъ уроженецъ Фіуля въ Папскихъ владѣніяхъ можешь понимать Флореншинца (22). Опъ соседства или смѣшенія Готеевъ съ Аланами происходитъ названіе Готипаланы. Алане были первые обитатели сей страны: Готы пришли въ оную спусня нѣкошорое время, и завоевали часть земли обитаемой Аланами; и когда оба народа смѣшались вмѣстѣ, вошло въ употребленіе и сіе смѣшенное имя. Всѣ сіи народы исповѣдують Греческую Христіанскую вѣру, а шакже и Тшеркасы или Черкессы.

Упомянувъ уже о Тюменѣ и Гиперканѣ, я хочу шеперь войти въ нѣкошорыя замѣчательныя подробности касательно сихъ мѣстъ. Идя опъ Тюменя на восшокъ, или лучше сказалаь на сѣверовосшокъ, мы прибыли къ рѣкѣ Ледилю (23), на берегу кошорой стоишь Гиперканъ (24), небольшой, мало значущій городъ, опустошенный и обращенный въ развалины. Сперва это былъ городъ

важный, знаменитый, въ то время, когда до разоренія онаго Тамерланомъ, пряные коренья и шелки идущіе въ Сирію (25) привозились къ Гишперкану, опшуда въ Танну, изъ коей уже на шести или семи большихъ галерахъ опсправлялись въ Венецію; попому что въ то время шолько одна Венеція шорговала съ Сиріею. Ледиль или Волга ешь большая и широкая рѣка, кошорая впадаетъ въ море Баку или Каспійское, на двадцать пять Ипальянскихъ миль ниже Аспрахани. Какъ рѣка сія, шакъ и Каспійское море, кошорое имѣетъ воду довольно соленую, изобилуюшъ рыбою, называемою *Тонами* и осепрами. По эшой рѣкѣ можно проѣхашъ внутрь Россіи шоль далеко, что будешъ на при дни ѣзды опъ Москвы; и жишели сего города ежегодно опсправляюшся на судахъ въ Аспраханъ для добыванія соли. Проѣздъ внизъ не зашруднишеленъ, попому что рѣка Москва впадаетъ въ Оку, а сія въ Волгу. На сей рѣкѣ находяшся нѣкошорые оспрова, а вдоль береговъ ея расшущъ лѣса. Иные изъ сихъ оспрововъ имѣюшъ до шридцати миль въ окружности; а въ лѣсахъ расшущъ деревья шакой шолцины, что изъ нѣкошорыхъ выдалбливаюшъ лодки, шребующія опъ одиннадцати до десяти лошадей, и вдвое болѣе людей, чшобы шянушъ ихъ вверхъ прошивъ шеченія. Переѣхавши чрезъ Волгу и идя въ продолженіе пяти дней къ сѣверо-западу вдоль рѣки, мы встрѣчались съ многочисленными ордами Ташаръ. Но поворошивъ къ сѣверу, къ границамъ Россіи, мы прибы-

ли въ небольшой городъ по имени Рязань (26), кошорый принадлежишь родшвеннику Великаго Князя Россійскаго. Жители сего города Христіане; они исполняютъ обряды Греческой церкви. Спрана сія обилуешь хлбомъ, рогатымъ скопомъ; медомъ и нѣкошорыми другими произведеніями; она получаетъ родъ пива, называемый Босса (27), и обилуешь лѣсами и деревьями многочисленными. Нѣсколько даље на половинѣ дороги, между Рязанью и Москвою, находится городъ, называемый Коломна. Укрѣпленія обоихъ городовъ, какъ Рязани, такъ и Коломны, построены изъ дерева, также и дома, такъ что ничего не увидишь построеннаго изъ кирпича или камня. Черезъ три дни ѣзды отъ Коломны мы прибыли въ городъ и обласъ Московъ или Москву; въ кошорой живешь Великій Князь Иванъ. Черезъ сію обласъ прошекаетъ рѣка того же имени, на кошорой построены различные мосты; и отъ кошорой вѣроятно городъ и обласъ получили свое названіе. Крѣпость Москвы лежитъ на холмѣ и окружена лѣсами (28):

Обиліе сей спраны; въ отношеніи хлбѣ и рогатаго скопа; можно видѣшь изъ того, что мясо не продается на вѣсъ; но разрѣзывается на большіе куски около чешырежъ фуншовъ вѣсомъ (29); и такимъ образомъ продается. Семдесять куръ можно купишь за червонецъ; цѣною въ чешыре или пять шиллинговъ; а гуся менѣе нежели за три пенса. Въ спранѣ сей зимній холодъ

чрезвычайно силенъ и всѣ рѣки обыкновенно замерзають. Пользуясь сими обстоятельствомъ, жиители привозятъ зимою на рынокъ быковъ и другой скотъ совсѣмъ убитой, ободранный и выпрошенный, копорыхъ, замерзшихъ шакъ крѣпко, какъ камень, они спавяшъ на рынкахъ на ноги, и въ шакомъ количествѣ, что можно разомъ купишь 200 или болѣе. Разрѣзываютъ ихъ на части, какъ на нашихъ рынкахъ, не возможно ошъ чрезвычайной швердосши, и они продають ихъ цѣлыми. Единшвенные плоды, копорые я могъ найши, были яблоки, орѣхи и небольшіе грецкіе орѣхи. Если Россіане желаютъ куда нибудь ѣхать и особенно если разшояніе далеко, то они всегда предпочитаютъ зимнее время, когда вся шпрана покрыта снѣгомъ и рѣки замерзли, пошому что тогда они ѣдутъ съ большимъ удобствомъ и скоросшію, будучи подвержены только сильному холоду. Въ сіе время они употребляютъ сани, на копорыхъ они возятъ съ большою легкосшію все, чего ни пожелають. Лѣшомъ дороги чрезвычайно грязны и неровны, что происходитъ ошъ того, что шпрана чрезвычайно лѣсиспа; и они никогда не дѣлають въ сіе время продолжительныхъ поѣздокъ, шакже и пошому что мала народонаселенность. У нихъ нѣтъ винограда, но они дѣлають нѣкопорый родъ вина изъ меду и что-то похожее на пиво изъ пшена (millet) просо, въ копорое они кладутъ хмѣль, запахъ копорого шакъ силенъ, что заславляетъ чихать и производитъ опьянѣлость подобно вину.

Почитаю за нужное упомянуть здѣсь, что назадъ тому лѣтъ двадцать пять, Великій Князь, замѣшивъ, что подданные его чрезмѣрно преданы пьянству, и отъ того не радуютъ о дѣлахъ своихъ, издалъ повелѣніе, которымъ воспрещалось дѣлать медъ и пиво; и симъ средствомъ онъ принудилъ ихъ къ жизни умѣренной и шудолюбивой. Кромѣ сего, онъ сдѣлалъ много другихъ распоряженій весьма полезныхъ для своей страны. Прежде царствованія сего Государя Россіане платили дань Ташарамъ; но теперь они завоевали обласъ, называемую Казань, которая лежишь на 500 миль къ востоку отъ Москвы. Главный городъ оной находится на лѣвомъ берегу Волги, если ѣдешь внизъ къ морю *Бокри* или Каспійскому (30). Сія обласъ Казанская производитъ значительную торговлю, особенно мѣхами; большое количество оныхъ опправляется опшуда чрезъ Москву въ Польшу, Пруссію и Фландрію. Мѣха сіи доставляются отъ сѣверо-востока изъ опдаленныхъ предѣловъ Царства Загатайскаго (31) и изъ Мокшіи (32), сѣверная часть которой обитаема Ташарами, изъ коихъ иные идолопоклонники, особенно Мокшане, даже и до сего времени.

Собравши нѣкоторыя извѣстія о сихъ Мокшаняхъ, я опишу нѣчто касающееся до обрядовъ ихъ вѣры. Въ извѣстное время, собравшись вмѣстѣ, они вводятъ въ среднюю сего собранія лошадей и привязываютъ оную крѣпко за голову и за ноги къ ялики

сполбамъ, нарочно для того выдоченнымъ въ землю; послѣ сего одинъ изъ нихъ, къ тому назначенный, отходитъ на нѣкоторое разстояніе съ лукомъ и стрѣлами и стрѣляетъ въ сердце животного до тѣхъ поръ, пока убьетъ его. Умершвивши его такимъ образомъ и исполнивъ нѣкоторый обрядъ, они съдаютъ мясо его. Потомъ, набивши кожу лошади соломой и зашивши ее, шакъ что кажется цѣлою, они вшыкаютъ въ ноги ея деревянные палки, чтобы набитое животное могло спрыгать какъ бы живое. Послѣ сего устраиваютъ помостъ, посреди вѣтвей густаго дерева, на которомъ укрѣждаютъ набитую кожу лошади и поклоняются ей какъ богу, принося въ жертву мѣха, соболей, горностаевъ, сѣрыхъ бѣлокъ и лисицъ, которыхъ они вшаютъ на сучьяхъ священнаго дерева, точно такъ какъ мы ставимъ восковыя свѣчи предъ изображениями святыхъ. Пища сего народа большею частію состоитъ въ мясѣ, особенно въ дичи, пойманной или убитой на охотѣ; но они ловятъ также рыбу — которая находится въ большомъ количествѣ въ ихъ рѣкахъ.

Нѣкоторые изъ Тацаръ идолопоклонники; они возятъ съ собою идоловъ, которыхъ поклоняются въ своихъ кибиткахъ или подвижныхъ домахъ; и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странное обыкновеніе, каждый день поклоняться тому животному, которое первое встрѣтится утромъ по выхода изъ дому.

Великій Князь Россійскій также завоевалъ Новгородъ (33). Сія обширная область была сперва республикою. Жители были люди безразсудные и между ними находилось много ерешиковъ; но теперь у нихъ усиливается Каеолическая вѣра, хотя многие и не доброжелательствуютъ ей. Между шемъ они ведутъ жизнь болѣе покойную, и у нихъ возстановлено правосудіе.

Польша отстоитъ на двадцать два дни вѣды отъ Москвы; и первое мѣсто, въ которе мы прибыли въ Польшу, есть укрѣпленный городъ Трокъ (34), или Троицкъ. Дорога къ нему идетъ чрезъ лѣса, горы и необитаемые пустыни. Сказавъ правду, путь встрѣчается нѣкоторымъ мѣстамъ, въ которыхъ путешественникъ можетъ отдохнуть и достать огня, но только если дастъ знать прежде; а иногда, хотя очень рѣдко, попадаются небольшія деревни нѣсколько въ сторону отъ дороги. За Троицкомъ встрѣчаются также пригорки и лѣса, въ которыхъ есть жилища. Послѣ девятидневной вѣды отъ Троицка, мы прибыли въ укрѣпленный городъ *Лонцль*, или *Лонинъ* (35). Послѣ того мы оставили еще часть Польши, называемую *Липвою*, и прѣехали въ часть, называемый *Варсонинъ* (36), который принадлежалъ одному вельможѣ и былъ вѣкорень *Назимиромъ*, или *Каскиромъ*, Королемъ Польскимъ.

Эта часть страны сей плодоносна и заключаетъ довольно число укрѣпленныхъ городовъ и деревень, хотя не весьма зна-

чишельныхъ. Отъ Варшавы до границъ Польши семь дней ѣзды, чрезъ спрану хорошую и прилшную; а тамъ встрѣчается *Мерсага* (37), городъ довольно порядочный, которымъ оканчивается Польша. Не имѣя досповѣрныхъ извѣстій, я не могу ничего сказать болѣе о сей спранѣ, какъ шолько то, что Король, дѣши его и все семейство добрые Христіане, и что старшій сынъ его Король Богемскій. Послѣ чешырежъ дней ѣзды отъ Польши, мы прибыли во Франкфуртъ, городъ, принадлежащій Маркграфу Бранденбургскому. Достигнуши такимъ образомъ Германіи, я не буду ничего говорить о ней, пошому что шеперь я нѣкоторымъ образомъ дома, и пошому что спрана сія многимъ очень хорошо извѣстна.

Примѣтанія.

1. Форстеръ, пушешествія и открытія на Сѣверѣ, стр. 165.

2. Также именуемое море Забачи, Ишабакъ-Денгисси, Палусъ Меописъ и море Азовское. — *Форстеръ*.

3. Говоряшь, что ешо значить *Deodati* или Богомъ данный. — *Форстеръ*.

4. Сѣ употребляется въ Итальянской ороографіи предъ е и і для означенія буквы к: слѣдственно *Cheremusch* ешь Керемукъ, и *Chertibei*, Кершибей. При непрестанномъ измѣненіи номенклатуры, отъ ошибочной ороографіи и отъ перемѣны владычества, часто шрудно указать шеперь на народы и области, здѣсь означенныя. Примѣромъ шому настоящій случай, и слѣдующій, гдѣ исчисляются небольшія племена Кавказскія,

лежащая между моремъ Азовскимъ и Каспійскимъ, и теперь болшею частію находящаяся подъ владычествомъ Россіи; мѣсто жительства и имена сихъ племенъ такимъ образомъ означены здѣсь, что мы не можемъ теперь никакъ узнать ихъ.

5. Иначе именуемый Севастополь, также Истурія или Діоскуріосъ. — *Форстеръ.*

6. Изъ сего видно, что Асперъ, обыкновенное названіе серебряной монеты въ новой Турціи, заняло отъ Грековъ. *К-тъ.*

7. Теперь Перекопъ. — *Керъ.*

8. Куманія и Казарія, названныя здѣсь областями Крыма или острова Каффы, должны бытъ небольшіе уѣзды сего полуострова, обитаемые племенами Куманіанъ и Газзаръ, жителями страны, лежащей между моремъ Азовскимъ и устьемъ Волги, теперь именуемой Кубанскою Татарією. Частю вся страна сія, вмѣстѣ съ землями, лежащими между Волгою и Ураломъ, принимаетъ имя Куманіи. Но разрушительныя завоеванія Татаръ такъ раздробили многіе народы, производили такія быстрыя и частыя перемѣны, что не возможно сдѣлать опредѣлительной топографіи, кромя озеръ, рѣкъ и горъ. — *Керъ.*

9. Древній Херсонесъ Таврическій, Крымъ нашего времени, именуемый теперь Россіянами Тавридою. *К-тъ.*

10. Вѣроятно Улу-бегъ, или Великій Государь. *К-тъ.*

11. Сорагати или Солгати, у Абулфеды именуется Солдешъ или Кирмъ; а нынѣ называется Гекихиримъ или древняя цитадель. *Форстеръ.* Очевидно, что отъ имени сего мѣста, Кирмія, Кирмъ или Крымъ, происходитъ названіе полуострова и жителей онаго, *Крима* и Крымскіе Татары. *К-тъ.*

12. Керкларея есть Керкри Абулфеды, и значитъ на Турецкомъ языкѣ крѣпкій человекъ. Нѣкоторые мѣсто сіе называютъ Киркъ, а Поляки называютъ его Киркъель. Оно лежитъ на неприступной горѣ, и составляло одну изъ крѣпостей, принадлежавшихъ Гот-

фамъ, жившихъ въ сихъ горахъ и неправильно именуемымъ нѣкошорыми писателями Иудеями; еще не долго были слѣды сего народа, языкъ кошораго содержитъ нѣкошорыя слова, походящія на слова Германскія. *Форстеръ.*

13. Я думаю, что сіе слово, данное здѣсь только одному мѣсту, сначала было общимъ названіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ Гошеамъ, которые долго защищались въ Херсонисѣ Таврическомъ. Смѣшное обращеніе сихъ Гошеовъ въ Иудеевъ можно предположить такимъ образомъ, что какой нибудь переписчикъ невѣжда, или копируя или писавши со словъ, перемѣнилъ *Тейтши, Teutschî, въ Иудеевъ. К-гъ.*

14. Паншикапей древнихъ Босфорскихъ Государей. Олъ Корсъ у Абулфеды. *Форстеръ.*

15. Это почти на томъ мѣстѣ, гдѣ была Теодозія Грековъ и Римлянъ. *Форстеръ.*

16. Иначе Солдадия, Солдаси, или лучше Сигдайя, или Судакъ или Судаѣ, кошорымъ именемъ называется и у Абулфеды. *Форстеръ.*

17. Гразуи или Грузуи, шеперь неизвѣстно; можетъ быть, находилась на мѣстѣ горада, шеперь называемаго Крузи-Музень, кошорый, кажется, сохраняетъ нѣкошорыя слѣды прежняго названія. *Форстеръ.*

18. Также называется Цимболо *Συμβολων ὄριων* или *Λιμνη*, Балаклава у новѣйшихъ, или Лимень. *Форстеръ.*

19. Иначе Херсонъ и *Schurschi*, кошорый сперва назывался Херсонъ Трахеа, и былъ построенъ боо лѣтъ прежде Христіанской еры, жителями Гераклии при Понтиѣ. Онъ также назывался Херсонесъ, или полуостровъ; но это слово означало собственно всю часть полуострова между сею гаванью и Цимболономъ или Лименомъ, кошорая совершенно была занята Греками. Россіяне завладѣли симъ мѣстомъ во время Владиміра Великаго, и въ ихъ лѣтописяхъ оно называется Корсунью. У Турокъ именуется Карай-Бурнь. Кто, дождо, оцмдчашъ ошъ другаго Херсона на Дици-

ръ, лежащаго не въ большомъ разстояніи, но въ полу-острова. *Форстеръ.*

20. Это, кажется, испорченное слово Климата; такъ какъ всѣ сѣн города сперва принадлежали *мабтра тау* жидата Грековъ, а потомъ незадолго до сего времени Туркамъ. *Форстеръ.*

21. Это есть мѣсто, лежащее при устьѣ Дитшра, называемое Турками Акъ - Кіерманъ; Валахами Тиедешолба; Бѣгородъ Россіянами; Аспро Кашра Греками, и Монкастро Генуезцами. Это была Алба Юлія Римлянъ. *Форстеръ.*

22. Сіе обстоятельство было прежде замѣчено Рубруквисомъ, также упомянуто у Бусбека. Отецъ Мондорфъ встрѣтился съ нѣкоторыми невольниками на галерахъ въ Коношаншинополѣ, которые приходили отъ Гошеовъ и говорили нарѣчіемъ Германскимъ. Теперь, какъ Крымъ принадлежитъ Россіи, желательнѣе бы было, чтобы постарались отыскать оставшіеся слѣды Гошфскаго языка; потому что сей языкъ могъ бы послужить къ объясненію дошедшихъ до насъ остатковъ Евангелія, на Гошеской языкъ Улфилою переведеннаго; также имена и обычаи сего народа вмѣстѣ съ нѣкоторыми выраженіями и оборотами, могли бы объяснить обычаи и нравы древнихъ Германцевъ. Даже возможно предположить, что нѣкоторыя семейства между ними, высшаго сословія, владѣютъ нѣкоторыми книгами, писанными на ихъ древнемъ языкѣ, что бы было открытіемъ весьма важнымъ. *Форстеръ.*

23. Иначе именуемая Ердырь, Ердиль, Ашель, Аполь, Ешиліа и шеперь Волга. *Форстеръ.*

24. Также называемая Ципракакъ и Аспракакъ. *Форстеръ.*

25. Здѣсь находится грубая ошибка, и въ извѣстіи о сей торговлѣ надо разумѣть слѣдующее: „Что торговля шелками и пряными кореньями, съ Востокомъ, которая шеперь идеть чрезъ Сирію, шла сухамъ пушемъ изъ Астрахани въ Танну, а ошшуда моремъ въ Венецію.“ Последнее выраженіе, что лика-

кой другой народъ, кромя Венеціанъ, не торговалъ съ Сирією — совсѣмъ неизяснимо; пошому что Сирійская торговля не могла производиться въ Венецію чрезъ Астрахань и Танну. Различные торговые пути изъ Индіи, или съ востока на западъ, или въ Европу, прежде открытія Португальцами морскаго пути, хорошо изяснены Д. Робертсономъ, и будутъ представлены въ семь сочиненіи. *К-тъ.*

26. Рязань на Окѣ, главный городъ области того же имени. *К-тъ.*

27. Даже и въ сіе время въ Россіи дѣлается пѣной напитокъ изъ проса, называемый *буза*, который довольно крѣпокъ, и вѣроятно шощь самый, который здѣсь названъ *Боссá*. *Форстеръ.*

28. Мы кажешся, что это мѣсто переписано ошибочно, и что иушь должно быть сказано, что крѣпость обнесена деревянными стѣнами, пошому что всѣмъ хорошо извѣстно, что крѣпость Кремлевская окружена городомъ Москвою. *К-тъ.*

29. Это выраженіе не имѣеть смысла. Барбаро вѣроятно написалъ, что въ Москвѣ четыре фунта мяса стоить столько, сколько въ Венеціи одинъ. *К-тъ.*

30. Каспійское море, кромя именъ Бокри и Баку, также имѣеть названіе Козарскаго и моря Табристанскаго. *К-тъ.*

31. Загатай былъ одинъ изъ сыновей великаго завоевателя Чингисъ - Хана, и получилъ въ наслѣдство на свою долю часть Государства, которая заключаетъ въ себѣ Туркестанъ, Мавараннагоръ и Каваримъ; послѣ сія обширная страна приняла отъ него имя Загатая. *Форстеръ.*

Мѣха, упомянутые здѣсь, не могли быть привозимы изъ сей страны, которая сверхъ того лежала къ юго - западу отъ Казани. Къ сѣверо - западу находилась Сибирь, настоящее мѣсто, гдѣ достаются дорогіе мѣха, и которую Барбаро по ошибкѣ назвалъ Загатаемъ, хотя можеть быть также, что она въ то время составляла часть сего обширнаго Государства. *К-тъ.*

Nov. 27, 1824.

Mr.

Dear Sir!

I have the honor to
 acknowledge the receipt
 of your kind letter of
 the 21st inst. in relation
 to the ^{pleasure on my part}
 of ~~conceding~~ ^{conceding} the
 same, and in answer
 to inform you that
 I have the honor to
 acknowledge the receipt
 of your kind letter of
 the 21st inst. in relation
 to the ^{pleasure on my part}
 of ~~conceding~~ ^{conceding} the
 same, and in answer
 to inform you that

I have the honor to
 acknowledge the receipt
 of your kind letter of
 the 21st inst. in relation
 to the ^{pleasure on my part}
 of ~~conceding~~ ^{conceding} the
 same, and in answer
 to inform you that

32. Мокшія есть страна Мордым — племя, которое само себя называетъ Мокша или Мокса. *Форстеръ.*

33. Слово сіе значитъ новый городъ; въ Европейской Россіи есть два города и двѣ области сего имени, собственно Новгородъ и Нижній Новгородъ: здѣсь разумѣется первый. *К-тъ.*

34. Это податъ Вильны въ Литвѣ. *Форстеръ.*

35. Я думаю, что здѣсь разумѣется Слонимъ, сперва мѣсто значительное, и бывшее обыкновенно удѣломъ одного изъ Князей Литовскихъ. *Форстеръ.*

36. Варсоничъ, очевидное испорченное слово Варсовичъ, или Варшава, столица Мазуріи или Мазовіи. *Форстеръ.*

37. Трудно опредѣлить положеніе *Мерсага*. Но здѣсь вѣроятно разумѣется Мезерицъ, потому что, по словамъ Автора, Мерсага лежитъ на границахъ Польши съ Бранденбургомъ и въ направленіи къ Франкфурту на Одеръ. *Форстеръ.*

(Изъ общей Исторіи и собранія путешествій Роберта Керра. Лондонъ. 1824 года. Томъ I ѳ, ошъ стр. 501 до 512.)

П. Горбуновъ.

III.

ПИСЬМО ИСТОРИОГРАФА КАРАМЗИНА О ТУШИНСКОМЪ СТАНѢ ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ, И ОТВѢТЪ НА ОНОЕ.

1.

Въ надеждѣ на ваше доброе ко мнѣ расположеніе и любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ, убѣдительно прошу васъ побывать въ селѣ *Тушинѣ*, въ 12 верстахъ

опть Москвы, и описашь мѣсто, гдѣ стоялъ
второй Лжедимишрѣй, или сообщись мнѣ
комменсарій на слѣдующее Польское описаніе:

„Лагерь Самозванца съ южной, запад-
ной и сѣверной спороны былъ окруженъ
„двумя рѣками, Москвою и Тушиномъ.“
(Такъ ли? Есть ли шухъ рѣка Тушинъ?)
„Къ востоку простирались равнины, укрѣ-
пленные валомъ и рвомъ.“ (Остались ли
слѣды?) „Тухъ стояли Донскіе козаки, а
„Татары вдоль Москвы рѣки; на другой
„сторонѣ лагеря пѣхоша и конница Поль-
„ская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россія-
„не, служившіе Самозванцу.“

Вы меня одолжише, и чѣмъ скорѣе, шѣмъ
лучше.

Будьше благополучны и благосклонны
къ вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

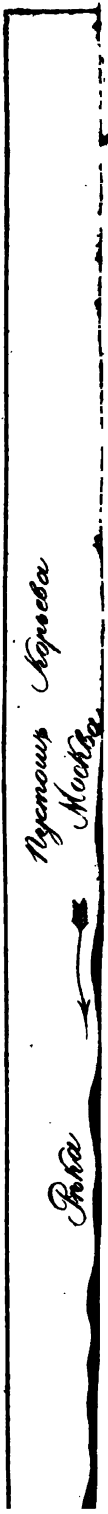
Царское Село.

27 Авг. 1824.

Пишущъ, что у Самозванца было около 80,000
человѣкъ.

Гушнотий: саггс второго Агредимприс.

Руба

Пустошь Корова
Моква

н
у
б,
тв.
тх.

въ
ва
тв.
тв
дв
п-
у.
н-
з-
гу
и
н-
тв
тв
в-
о)
с-
тв
тв
в-
н
н

2.

Получивъ 30 Августа Ваше письмо, я на другой же день отправился въ село *Тушино* и, осмотря внимательно по мѣсто, гдѣ огибала вшорый *Лжедимитрій*, поспѣшаю сообщать В. П. точное онаго описаніе.

По большой Волоколамской дорогѣ, въ концѣ 13 версты отъ Москвы, поспѣшь за селомъ *Тушинымъ*, представляюща по обѣимъ сторонамъ дороги довольно высокіе валы: они кое-гдѣ распаханы, въ другихъ мѣстахъ разрыты ископанными кладовъ; индѣ сохранились въ прежнемъ видѣ съ оспашками рва, выкопаннаго къ селу *Тушину*. Валъ, идущій вправо отъ дороги, простирается до 47 сажень, упирается въ крутизну праваго берега рѣки *Всходни* (попроси *Сходни*), которая въ водополье, оспрываетъ песчаный грунтъ, уноситъ его въ быстрину. *Всходня* течетъ къ *Тушину*, за коимъ впадаетъ въ *Москву* рѣку. Съ крутизны вала, гдѣ рощетъ ёлка, прямо *пустошь Наумкова*, по шу сторону рѣки; поправѣ, на тойже сторонѣ (лѣвой по теченію) *городище* — возвышенность, поросшая лѣскомъ, и близъ оной *три кургана*. Влѣво, глядя съ крутизны, по сю сторону, съ правой руки по теченію *Всходни*, виднѣтъ еще насыпный валъ, простирающійся сажень на 260 къ *Святымъ воротамъ*. Сей валъ выше двухъ первыхъ, съ глубокими

рвами, гдѣ оспались еще заслонны, поросшія осокою, въ иныхъ мѣстахъ распаханъ, въ другихъ опъ времени сравнялся съ землею. Онъ именуется *Цариковою горою*. У самаго вала пролегаетъ опъ большой дороги проселочная къ Свяшымъ ворошамъ. Сіи вороша сославляютъ *узкій проходъ* (дефилю), прорышый, какъ видно, искусшвомъ въ природномъ склоненіи проселочной дороги къ равнинѣ. Свяшья вороша ведутъ къ прекрасной кругловошой лощинѣ, огражденной природнымъ возвышеніемъ, гдѣ, рассказываютъ, былъ *городъ* (главная кваршира) Самозванца. Лощина называется опъ крестьянъ *Півочникомъ*: ибо въ болошѣ, въ оной лежащемъ, (кошорое шеперь осушается), прежде важивались *півки*.

Съ лѣвой стороны дороги валъ невысокъ, съ большимъ въ одномъ мѣстѣ разрывомъ опъ перепашки. Онъ идетъ въ прямой линіи съ валомъ, находящимся на правой рукѣ, и упирается въ природное у берега Москвы рѣки возвышеніе, покрытое лѣскомъ, кошорое называютъ *Поповъ угоръ* (*бугоръ*). Все вроспраншво вала опъ дороги до возвышенія, считая и разрывъ, сославляетъ до 110 сажень. Берегъ рѣки саженьхъ въ 13 опъ Поцова бугра. Смотри съ сего возвышенія прямо на шу сторону рѣки, правую по шеченію, видише *Корьеву пустошь*; правѣ, къ селу Спасскому, *Литвинову пустошь*.

Я проѣхалъ и въ село *Спасское* (Преображенія), лежащее на 14 вершѣ опъ

Москвы, на лѣвомъ берегу рѣки сего имени, копорое въ межевой книгѣ и на планѣ не раздѣляется отъ Тушина: ибо въ семь послѣднемъ, обвѣщавшая деревянная церковь, во имя Св. Сергія Радонежскаго, упразднена и крестыяне приписаны къ Спасскому приходу. Тушинская церковь была на крушомъ берегу Вскосди, гдѣ шеперь маленькая часовня: сіе мѣсто именуется *Монастырскою горою*, пошому, вѣрояшно, что село Тушино съ приходомъ Спасскимъ принадлежали *Троицкому Сергіеву* монастырю до ошобранія недвижимаго имѣнія отъ обшелей. Въ Спасской церкви, копорой архшешкура и кирпичи показываютъ несомнѣнную шарину, я повѣрилъ по плану и межевой книгѣ предшавляемое Вамъ описаніе. Неисповые Лишовцы, какъ увѣряешъ преданіе, во время бѣдшвія нашего Ошечесшва, преврашили церковь сію въ конюшню. Въ селѣ Спасскомъ живешъ осмидесятишлѣтній шарикъ, сохранившій, при крѣпосши силъ, свѣжую память; къ сожалѣнію, я не засшалъ его дома. Отъ негошо мой проводникъ, грамошный, умный крестыянинъ, Козма Михайловъ Малышевъ, провѣдалъ о досшопамяшномъ собышій въ своемъ селеніи. Шарикъ знаешъ по преданію, что на большой дорогѣ, копорая и за двѣшши лѣшъ пролегала на шомъ же мѣстѣ, было нарочшое укрѣпленіе между валами: что шакое же укрѣпленіе находилось и въ ущельи, именуемомъ Свяшыми ворошами. По словамъ его, *Скопинъ* (прозвание героя

въ Тушинѣ всѣмъ извѣстное) съ городища, переправясь черезъ рѣку Восточную и пройдя лугъ, ударилъ на Самозванца; враги побѣжали поперегъ большой дороги, закрываясь валомъ, мимо Попова бугра, и, переплывъ Москву рѣку, помчались по Липвиной пустоши, гдѣ шеперь зеленѣютъ сочные луга. Преданія вѣрояныя! онѣ оправдываются положеніемъ мѣстнымъ: только не Шуйскій, а другой Военачальникъ былъ подъ Тушинымъ.

Въ берегахъ рѣкъ Москвы и Восточной прежде находили серебряныя копѣйки, шаковыя же серьги и перстни. Здѣшніе крестьяне, какъ и вездѣ, пропускаютъ сказки, что въ валу, именуемомъ *Цариковою горою*, зарыто множество кладовъ; но они, какъ извѣстно, безъ *разрыва травы* въ руки не даются.

Теперь нѣсколько словъ о Польскомъ описаніи. „Лагерь Самозванца съ южной, западной и *сѣверной* стороны былъ окруженъ двумя рѣками, Москвою и Тушиномъ.“ — Въмѣсто *сѣверной* должно *восточной*. Рѣки *Тушины* нѣтъ; а эшо, безъ сомнѣнія, *Восточня*, копорая, можешь бытъ, имѣла прежде помянутое названіе, о чемъ однако же никто не знаетъ изъ жителей селенія. — „Къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и ровомъ.“ Такъ: Царикова гора, Свяшья ворона и городъ (Пявочникъ) показываютъ ясныя слѣды сего укрѣпленія. — „Тутъ спояли Донскіе козаки, а Ташары вдоль Москвы рѣки.“ Не

прошивно мѣстному положенію: Татары могли расположились по лѣвому берегу. — „На другой споронѣ лагерь (гдѣ?) пѣхоша „и конница Польская, шаже вдоль рѣки „(какой?).“ Думаю, по правому берегу Москвы, гдѣ Липвинова пустошь. — „За рѣ- „кою Россіане, служившіе Самозванцу.“ Эпаго я не понимаю; если измѣнники поспавлены были за Востодною, по находились прямо въ лицѣ нашихъ, безъ всякой защиты: ибо вѣрные Россіане, расположившіеся лагеремъ на Ходынкѣ, какъ видно, владѣли и лѣвымъ берегомъ Востодни, имѣя въ своихъ рукахъ и самое село Тушино; а ежели измѣнники спояли за Москвою рѣкою, по рядомъ съ войсками Польскими.

Вопъ В. П. подробности моего изслѣдованія. Вы можете винить меня шолько въ излишесствѣ; но я желалъ передать вамъ все, что видѣлъ и слышалъ, для дальнѣйшихъ соображеній. Планъ, къ сему описанію присоединяемый, довольно вѣрно снятъ съ мѣстнаго положенія: я, бытъ можете, не сохранилъ шолько шѣхъ правилъ, какія пошребны для сего искусства.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію честъ имѣю бытъ, и проч.

Москва.

3 Сеншлября, 1824.

(Сіе письмо помѣщено съ нѣкоторыми поправками. Незабвенный Карамзинъ ошѣчалъ на оное, опъ 16 Сеншлября 1824 года,

сѣдущее: „Опѣ всего сердца благодарю васъ
„за споль обязательное исполненіе моей
„просьбы, за описаніе Тушинскаго спана.“)

А Р Х Е О Л О Г І Я .

IV.

Надгробный Памятникъ Марѣи , вудто вы
Посадницы Новгородской.

Мы мало знаемъ досповѣрнаго , историческаго о сей Марѣи, Посадницѣ Новгородской , героинѣ извѣстной повѣсти Н. М. Карамзина , въ кошорой она занимаетъ споль важное лице. Впрочемъ льпоиски повѣстпуюшъ о ея сильномъ учаспїи въ дѣлахъ Новагорода , при совершенномъ его покоренїи Державѣ Великаго Князя Московскаго ; упоминаюшъ о ея характерѣ , знаноспїи и богашспвѣ. Борецкая обладала умомъ хпспрымъ и особеннымъ велерѣчіемъ. Современники говоряшъ и о *чудномъ ея домѣ* и о шѣхъ пирахъ , кошорые созывали въ ея свѣсплыя грїдницы мпшежныхъ гражданъ — для совѣсповъ о дѣлахъ важнѣйшихъ. На одномъ изъ шакихъ пировъ былъ Св. Зосима , Игумень Соловецкїй , кошораго прежде Марѣа , повѣря клеветѣ , съ безчеспїемъ опвергла , когда онъ искалъ ея защпты и покровпшельсва въ припѣспенїяхъ Двинскихъ жпщелей монастырю Соловецкому.

Мадеробный Камень
Марови, мажетъ свѣтъ
Посадницы.

ЛѢТЯ Я
ПОЛОЖЕНА СЯ
ПРЕСТАВИС
АРАБА БЖН
АМАРД АНАПА

Мареа, узнавъ пощомъ о невинности Зоси-
 мы, раскаялась и пригласила вмѣстѣ съ
 знашными госпями на обѣдъ къ себѣ мужа
 праведнаго. Мы ославляемъ нашему красно-
 рѣчивому Вишии, Свяшищелю Росцовскому
 Димитрію, самому повѣспивованъ о помѣ-
 спранномъ видѣніи, которое явилось на
 семь пиршесствъ очамъ добродѣтельнаго
 Зосимы (1). „И вшедшу ему (Зосимѣ) въ
 „домъ ея (Марены),“ говоритъ Свяшищель,
 „благословися боярыня ошъ Свяшаго, съ
 „сынами и дщерми своими, и посадиша его
 „посредѣ пира. Всѣмъ же ядущимъ и пію-
 „щимъ и веселящимся, Преподобный съ
 „смирениемъ и кропосшію ѣдючи молчаше,
 „мало пици вкушаючи по обычаю своему.
 „Возрѣвъ же на возлежащия, удивися и
 „поникъ долу ничпоже вѣщаше: видѣ бо
 „чудное видѣніе. И паки возрѣвъ пожде
 „видѣ, и пониче долу, и прешницею прило-
 „жа возрѣши на возлежащия, видѣ пожде
 „видѣніе: — видѣ бо безъ главъ сѣдящихъ
 „шестъ начальнѣйшихъ мужей на пирѣ шомъ
 „и удивлящеса рабъ Божій зримому, како
 „щии человекы сѣдять и пируютъ, а главъ
 „не имущъ; разумѣвъ же имущая быши, по-
 „кива главою, и воздохну, и прослезися,
 „и кшому не вкуси ничпоже ошъ предлагае-
 „мыхъ на обѣдѣ, аще и прошеніями прину-
 „ждаемый бѣ. По обѣдѣ же боярыня Мареа
 „просящи прощенія у Преподобнаго за
 „оскорбленіе ошъ нея ему содѣянное, даде
 „монашью его деревню при рѣцѣ Сумѣ
 „на пристанищи (2), и оппусти его

„съ миромъ. 'Изшедшу же Преподобному изъ
 „дому ея, ученикъ его Даніиль имѣяй дерз-
 „новеніе къ нему, вопрошаше съ прильж-
 „нымъ моленіемъ, почто во время обѣда
 „позрѣвъ прижды на возлежащія, покива
 „главою, и воздохнувъ проплака, и не вку-
 „си кпому ошъ предсавляемыхъ брашенъ?
 „И глагола Преподобный ученику: чадо,
 „ожеспочилъ еси просипи, якоже и Елисей
 „Илію, обаче не скрюю судьбъ Божіихъ не-
 „изреченныхъ имущихъ сбышися въ свое
 „время, но сохрани пайну сію, дондеже
 „будеть исполненіе Божіихъ вельній. Ви-
 „дѣхъ азъ щеспъ мужей начальнѣйшихъ бо-
 „ляръ градскихъ, сѣдящихъ на пиршѣспѣ
 „безъ главъ, шо видя удивляешся со ужа-
 „сомъ на мнозѣ, и не возмогахъ ни яспія,
 „ни пипія принесли ко успомъ моимъ ошъ
 „ужаснаго видѣнія, и мню симъ мужемъ
 „обезглавленнымъ быши вскорѣ: блюди же,
 „о чадо! да никому же повѣси сего, еже
 „слышиши ошъ мене.“

Пророчество скоро исполнилось: Вели-
 кій Князь Іоаннъ, покоривъ Новгородъ, каз-
 нилъ мяшежныхъ бояръ Новгородскихъ, ве-
 лѣлъ взять подъ спражу, а Февраля 1478
 года, славную Марѳу Борецкую и опвезши
 ее въ Москву вмѣспѣ съ другими сановника-
 ми республики (2),

Не извѣспно, гдѣ кончила жизнь сія
 злохипривая жеѳа, какъ называешъ ее со-
 временникъ, принадлежащая испоріи.
 Думали, что Борецкая умерла, не доѣхавъ
 Москвы, и погребена въ *Млевскомъ Троиц-*

комъ монастырь, въ Бѣжевской пачинѣ, на лѣвомъ берегу Тверцы, отъ Вышняго Волочка къ сѣверу въ 20 верстахъ, кошорый монастырь былъ причисленъ къ Новгородскому Кириллову (3).

Справедливо или нѣтъ, что Марѳа кончила жизнь на пуши къ Москвѣ, въ селѣ Млевѣ, нынѣ въ Тверской Губерніи, въ чемъ сомнѣвается Свяшитель Димитрій (4); но по дощовѣрно, что въ помѣ селѣ, при церкви Спаса Нерукопвореннаго, найдена, въ 1781 году, надгробная каменная плита, — длиною 2 аршина съ полвершкомъ, шириною вверху 1 аршинъ и полвершка, внизу пол-аршина, — на кошорой *вырѣзана* (5) слѣдующая надпись: *лѣпа* *У* положена *А* преставился раба божія Марѳа на па . . . . . Мееодій, Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, любитель и знашокъ древностей опечесшвенныхъ, получивъ свѣдѣніе о семъ камнѣ отъ его письмоводителя Морошкина, приказалъ Вышневолоцкаго Казанскаго Собора Протоіерею Василию Пепрову немедленно опшправиться на мѣсто находки и донести о послѣдствіяхъ даннаго ему порученія. Досшойный Протоіерей въ шочности исполнилъ волю своего пастыря, и 29 Мая 1811 года далъ отъ себя рапортъ (полученный 5 Іюня) слѣдующаго содержания:

„Находящійся при походной В. В. кон-
„портъ письмоводитель Алексій Морошкинъ
„объявилъ мнѣ приказаніе В. В., дабы я, ни
„мало не медля, опшправился Вышневолоцка-
„го уѣзда въ село *Млево*, бывшій монастырь,

„и найденный камень гробъ съ надписью *Мар-*
 „*еы Новгородской посадницы* освидѣтель-
 „ствовалъ: 1, какой величины шощъ гробъ
 „Мареы Посадницы? 2, на какомъ именно
 „металлѣ или камнѣ вычеканена надпись?
 „и сколько она велика въ длину и ширину?
 „и 3, съ самой надписи списашъ шощъ въ
 „шощъ копію, шакими же лишерями, ка-
 „ковыми она писана, и шѣмъ же порядкомъ,
 „каковымъ расположена; а ежели будешъ
 „удобно, срисовашъ надпись и рисунокъ оный
 „представишъ къ Вашему Высокопреосвя-
 „щенству при рапорщѣ съ обисаніемъ и
 „прочаго, ежели чшо шолько найдено бу-
 „дешъ по сему предмету достопамяшнаго.
 „И во исполненіе приказанія Вашего Высо-
 „копреосвященства, сегошъ Мая 26 го дня,
 „въ село *Млесо* я отправился, и при Спас-
 „ской церкви ошискавъ выбишю на про-
 „шпомъ камень надпись, разсмащривалъ, и по-
 „шпомъ какъ съ камня, шакъ и съ самой над-
 „писи шощъ въ шощъ, шѣмижъ лишерями и
 „шакимъ же порядкомъ она расположена на
 „бумагѣ. Рисунокъ при семъ къ В. В. почшен-
 „нѣйше препровождаю съ шаковымъ донесе-
 „ніемъ, чшо оный камень, по показанію ша-
 „мошнихъ жипелей, въ 1781 году найдень
 „при погребеніи Г. Загряжскаго двороваго
 „человѣка *Василія Алексѣева*, для коего при
 „копаніи могилы вырышъ изъ земли, въ ко-
 „шпорой былъ онъ глубиною ошъ поверхно-
 „шщи на аршинъ или болѣе, и по вынушіи
 „положенъ надъ шѣмъ дворовымъ человѣкомъ
 „на поверхности могилы его, гдѣ и нынѣ

„находишся. Село *Млево* чщобъ было ког-
 „да-либо монаспыремъ, никакого описанія не
 „имъется; а была прежде сего мужескiй *Ки-*
 „*рилловъ* монаспырь шамъ, гдѣ нынѣ Троиц-
 „кiй *Млевскiй* погоспъ, кошорый ошшоитъ
 „ошъ села *Млева* чрезъ рѣку *Мешу* въ вер-
 „спъ съ цоловиною. Болѣе же по сему пред-
 „мешу достопамяшнаго ничего не оказа-
 „лось.“

Карамзинъ въ Иощорiи Государспва Рос-
 сiйскаго (6), упоминая о семъ камнѣ, гово-
 рить: „Надпись дѣйствительно кажешся
 „древнею: но числишельная буква *З* указы-
 „ваешъ на семипысячный годъ, а *Борец-*
 „*кая* ошправлена изъ *Новагорода* въ 6986
 „году ошъ сошворенiя мiра. Мы замѣшимъ
 „съ своей спороны, что знакъ *У*, какъ вид-
 „но изъ рисунка, снящаго *Прощоiереемъ* *Пе-*
 „*провымъ*, болѣе похожъ на числишельную
 „букву *С*, у кошорой правильно нарѣзана
 „или невѣрно нарисована верхняя съ пра-
 „вой спороны черша. — *Прощоiерею* *Пеш-*
 „*рову* былъ неизвѣстенъ *Млевскiй* мона-
 „спырь, на мѣспѣ кошораго нынѣ Троиц-
 „кiй *Млевскiй* погоспъ. *Кириллова* монаспы-
 „ря съ симъ *Млевскимъ* монаспыремъ смѣ-
 „шивашъ не должно.“

28 Янв. — 1828.

Примѣанія.

- (1) Смолр. житіе Преподобнаго Зосимы Соловецкаго въ *Миней гетьяхъ*, подѣ 17 числомъ Апрѣля.
- (2) Исторіи Россійской Іерархіи (Ч. IV. стр. 629 и 632). Напечатана грамота, данная Марѣю Корельскому Николаевскому монастырю; гдѣ погребены ея сновья, упошїе въ морѣ. — Исторіографъ Карамзинъ сомнѣвается въ древности сей грамоты; мы согласны съ его мнѣніемъ.
- (3) Исторія Рос. Іер. Ч. V. стр. 90, 91.
- (4) „Болярыня та (Марѣа) повелѣніемъ Великаго „Князя послана бысть въ заточеніе въ *Нижній Новгородъ*, а имѣніе ея разграблено, и остана домъ ея „пустъ, по пророчеству Преподобнаго Зосимы“ — говоришь краснорѣчивый писатель *житій Святыхъ*.
- (5) Должно замѣнить, что въ XV вѣкѣ надгробныя надписи были вырѣзываемы вглубь.

Б И О Г Р А Ф И Я,

V.

Нѣкоторыя черты жизни и дѣяній Генераль-
Маіора Давыдова.

Всѣ истинные любители изящнаго, умѣющіе вѣрно оцѣнивать достоинства таланта на поприщѣ Литтературномъ, еще болѣе всѣ тѣ, которые умѣютъ цѣнить великія заслуги знаменитыхъ людей, ихъ достославные подвиги, возвысившіе Россію, — всѣ они, говорю, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ прочитаютъ сіи за-

писки, содержащія драгоценныя черты жизни храбраго Генерала, Дениса Васильевича Давыдова, писанныя однимъ изъ друзей — сослуживцевъ знаменитаго Русскаго полководца и оригинальнаго отечественнаго поэта нашего времени. Дальновидные и проницательные изъ читателей, можетъ быть, угадаютъ имя почтеннаго Автора. По крайней мѣрѣ мы, не смѣя оскорбить его скромности, оставимъ оное подъ непроницаемою завѣсою неизвѣстности, и познакоимъ Публику съ таинственнымъ Анонимомъ. Вотъ что находимъ мы въ занимательныхъ запискахъ друга Дениса Васильевича, съ которымъ Генераль сей, еще отъ самаго дѣтства, привыкъ дѣлиться чистосердечными чувствами открытой души своей, которому любилъ всегда передавать свои мысли, пересказывать заветные свои подвиги.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ 1784 года Юля 16 го дня, въ годъ и день смерти Дениса Дидероша. Общояшельство сіе шѣмъ примѣчательно, что оба сіи Денисы обрапили на себя вниманіе земляковъ своихъ, Богъ знаешь, за какія заслуги на словесномъ поприщѣ!

Давыдовъ, какъ всѣ дѣши, съ младенчества своего оказалъ спрасъ къ маршированію, мешанію ружьемъ и проч. Спрасъ сія получила высшее направленіе въ 1793 году опъ нечаяннаго вниманія къ нему

Графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотрѣ Полтавскаго легкоконнаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ родителя Давыдова, замѣшилъ рзваго ребенка и, перекрестя его, сказала: „ты выиграешь три сраженія.“ Маленькій повѣса бросилъ букварь, замахалъ саблею, выколочилъ глазъ дядкѣ, прошкнулъ шлыкъ нянѣ и опрубилъ хвостъ у борзой собаки, думая шѣмъ исполнишь пророчество великаго человека.

Розга обратила его къ миру и къ учению. Но какъ тогда учили? Напирали ребяшъ наружнымъ блескомъ, гошова ихъ для удовольствія, а не для пользы обществя: учили лепешашъ по Французски, шанцовашъ, рисовашъ и музыкѣ. Тому же учился и Давыдовъ до 13 лѣшъ своего возраста. Тушъ пора-было подумашъ и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захопалъ арапникомъ, пошѣлъ со спяею гончижъ собакъ по мхамъ и по болошамъ и шѣмъ заключилъ свое воспитаніе.

Между порошами и брызгами, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоплыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ Пансіонѣ. Они доставили ему случай прочитать Аониды, полупериодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ его, напечатанные подъ нѣкоплыми шансами и пѣсенками, помещенными въ Аонидахъ, зажгли его чешполубіе: онъ спалъ писашъ,

мысли шолпились, но, какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Ошъ нешерпѣнїя онъ думалъ побѣдишь препяшспвія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья; но не шупъ - шо было! Тогда онъ обрашил-ся къ переводамъ, и вошъ первый опышъ его сшихосложенія:

Пасшущка Лиза, пошерявъ

Вчера свою овечку,

Грустила и эху говорила

Свою печаль, что эхо повторило:

О милая овечка, когда я думала, что шы меня

Завсегда будешь любишь,

Увы! по моему сердцу судя,

Я не думала, что другу можно измѣнишь.

Въ началѣ 1801 года запрягли кибिशку, дали Давыдову въ руки 400 рублей ассигнаціями и ошправили его въ Пешербургъ на службу. Малый росшъ препяшспивовалъ ему всшупишь въ Кавалергардскій полкъ. Наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе бошфоршы и покрыли свяшилище поѣшическаго его генія мукбю и шреугольною шляпою.

Въ шаковомъ нарядѣ слѣшилиъ онъ къ двоюродному брашу своему А. М. К. . . . . му, чшобы порадовашъ его своею радостію; но увы! какой приѣмъ! вмѣшо поздравленія, вмѣшо взаимныхъ восшорговъ, сей ошлич-ный человекъ осыналъ его язвительными насмѣшками и упреками за вошупленіе на службу неучемъ. „Что за солдатъ, братъ

„Денись“, заключил онъ поразительный монологъ свой, — „что за солдатъ, который не надѣется быть Фельдмаршаломъ! а какъ тебѣ снести званіе сіе, когда ты не знаешь ни чего того, что необходимо знать Штабъ - Офицеру?“ Самолюбіе Давыдова было скорбно пронушо и, съ того времени, гонимый словами Н. . . . го, какъ грозными призраками, онъ не шокмо обратился къ военнымъ книгамъ, но шакъ приспрасшилъ къ нимъ, что не имѣлъ уже нужды въ пугалищахъ, чшобы занимашься чпеніемъ.

Между пѣмъ онъ не ославлялъ и бесѣды съ Музами: призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ и въ казармы и въ гошпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Чашо на пирахъ Солдатскихъ, на сполікѣ больнаго, на полу порожняго спойла, гдѣ избиралъ свое логовище, онъ писывалъ сашкры и эпиграммы, коими началъ свое ограниченное словесное поприще.

Въ 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ея ударами, принудили повѣсу нашего выдши въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда Кіевской Губерніи въ окрестностяхъ Звенигородска. Двадцатилѣтній гусарскій Роммиспръ закрушилъ усы, покачнулъ киверь на ухо, *затянулся, натянулся* и пуспился плясать мазурку съ Полячками.

Въ сіе бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, кошорая ихъ не понимала, и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншь

Б. . . . . ву, кошорый чипашь его не могъ, ошъ шого, чшо самъ писалъ мыслете.

Въ 1806 году, бывъ пореведенъ въ Лейбъ-гусарскій полкъ Поручикомъ, Давыдовъ явился въ Пешербургъ. Вскоръ война загорѣлась съ Францією и Князь Баграціонъ избралъ его въ свои Адъютаншы. Давыдовъ поскакалъ въ армію, прискакалъ въ авангардъ, бросился въ сѣчу, попался въ пѣнъ и спасенъ былъ козаками.

По заключеніи мира онъ возвратился въ Пешербургъ, гдѣ написалъ *Договоры, Мудрость* и нѣсколько другихъ спихошвореній.

Зимомъ 1808 года объявлена война Швеціи. Давыдовъ являешся въ армію, ждешъ обѣщаннаго присшупа къ Свеабургу и, узнавъ о начашіи переговоровъ для сдачи сей крѣпости, спѣшилъ къ Кульневу на сѣверъ: идешъ съ нимъ до окрестностей Улеабурга, занимаешъ съ командою козаковъ островъ Карлое и, возвратясь къ авангарду, опшшупаешъ по льду до Бошническаго залива къ С. Пигаіокамъ, а опшшуда до Гамлекарлеби. При С. Хоманго, въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, онъ перевелъ Делилеву басню: *la Rose et l'Etourneau*.

Въ печеніе сей кампаніи Давыдовъ неопшлучно находился при авангардѣ Кульнева въ Сѣверной Финляндіи: съ нимъ былъ при завоеваніи Аландскихъ острововъ, съ нимъ разшавлялъ пикеты, наблюдалъ за непріятелемъ, раздѣлялъ суровую его пищу и спалъ на соломѣ подъ крышею неба.

Лѣшомъ 1809 года, Князь Баграціонъ назначень былъ Главнокомандующимъ Задунайскою арміею; Давыдовъ находился при оемъ блисшпашельномъ Полководцѣ во всѣхъ сраженіяхъ шого года.

1810 года Князь Баграціонъ опрываетъ ошь арміи; Графъ Каменскій заспунаешъ его мѣсно, и Давыдова приписываютъ снова къ авангарду Кульнева. Въ поучительной школѣ сего опшличнаго война онъ, шакъ сказашъ, кончаешъ курсъ аванпосшной службы, начашый въ Финляндіи, и познаешъ цѣну Спаршанской жизни, необходимой для всякаго шого, кто *рѣшился нести службу, а не играть со службою.*

Возвращаясь послѣ Рущукскаго приспуна къ Генералу своему, Давыдовъ находился при немъ въ Житомирѣ и Луцкѣ безъ дѣйствія, если исключимъ курьерскія поѣздки и бесѣды съ соименнымъ ему покорителемъ Индіи (1).

Начинаешся опечешвенная война, — Давыдовъ поступаетъ въ Ахшырскій гусарскій полкъ Подполковникомъ и командуетъ имъ башаліономъ онаго до Бородина (2). Первый подаешъ мысль о выгодѣ *Партизанскаго дѣйствія*, опшправляетъ съ горстію козаковъ (130 человеками) въ шылъ непріяшеля, дѣйшвуетъ съ ними десять дней и, усиленный шестью спами новыхъ козаковъ, сражаешся нѣсколько разъ въ окрешносняхъ Вязьмы и подъ самымъ городомъ (3). Раздѣляетъ славу Графа Орлова-Денисова, Фигнера и Сеславина подъ *Ляховымъ*; раз-

бываетъ и трехтысячное Кавалерійское Дѣло подѣ *Копысомъ*, разсѣваетъ непріятеля подѣ *Бѣлымицами* и продолжаетъ веселые и залешные свои поиски до береговъ Нѣмена. Подѣ *Гродною* нападаетъ онѣ на четырехтысячный отрядѣ Фрейлика, составленный изѣ Венгерцевѣ. Давыдовѣ въ душѣ гусарѣ и любитель природнаго ихѣ напѣшка: за спухомѣ саблей зашучали спаканы и — городѣ нашѣ!!!

Тухъ «оршуна» обращается къ нему за-домѣ: Давыдовѣ предѣстаетъ предѣ лице Генерала Вѣнценгероде и поступаетъ подѣ его начальство. Съ нимѣ онѣ проходитъ Польшу, Силезію, и вступается въ Саксонію. Не спало шерпѣня! — Давыдовѣ рванулся впередѣ и занялъ половину города Дрездена, защищаемого корпусомѣ Маршала Даву. За такую вѣ дерзость онѣ лишень былѣ командѣ и отозванѣ въ главную квартеру.

Справедливость Царя — покровителя была щипомѣ безпокровнаго: Давыдовѣ снова является на похищенное у него поприще, на коемѣ продолжаетъ дѣйствовать до береговъ Рейна.

Во Франціи командуетъ онѣ въ арміи Блюхера Ахшырскимѣ гусарскимѣ полкомѣ. После Краонскаго сраженія, въ коемѣ всѣ Генералы 2й гусарской дивизіи (что нынѣ 3я) были убиты или ранены, онѣ управляетъ двое сутокъ всею дивизією, а потомѣ принимаетъ въ начальство свое бригаду, составленную изѣ гусарскихѣ полковѣ;

Ч. I. Но I и II.

4

Аштырскаго и Вьлорусскаго. Съ ними онъ проходитъ чрезъ Парижъ.

1814 года Давыдовъ возвращается изъ Парижа въ Москву, гдѣ занимаешься Сло-весносною и сочиняешь всѣ извѣстные свои Олеги.

Въ послѣдствіи занималъ онъ разные мѣста въ арміи. Нынѣ проводишь дни въ уединеніи, наслаждаясь семейственныиъ благополучіемъ.

Давыдовъ немного писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обшьяшельствамъ, изъ числа нѣхъ Поэтовъ, кошорые должны до-вольствоваться пока рукописною или кар-манною славою.

Общество *Любителей Россійской Сло-весности*, учрежденное при Московскомъ Университетѣ, удостоило его избраніемъ въ число своихъ дѣйствительныхъ Членовъ, и онъ примкнулъ въ немъ себя къ полнѣ мало-дѣйствующимъ. Однако же послѣднее сочи-неніе его: *Опытъ теоріи Партизанскаго дѣйствія*, даетъ ему право на Адрессъ-ка-лендарь Глазунова и на уголокъ въ Импе-раторской Публичной Библиотекѣ.

Заклучимъ: Давыдовъ не нюкаетъ ша-баку съ важноснію, не смыкаетъ бровей въ задумчивосши, не сидишь въ углу, въ без-молвіи. Голосъ его понокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ, какъ уже мы видѣли, писалъ стихи, любилъ вино и жен-щинъ — сего доспапочно, чшобы заслу-жишь имя недѣловаго и даже неоснова-тельнаго человека. Напрошмвъ того, боль-

шая чашь офицеровъ арміи почитаютъ его умнымъ, неуспрашимымъ и предприимчивымъ воиномъ. Мы ославляемъ другимъ рѣшишь, справедливо или нѣтъ сіе мнѣніе. Чшобы одною чершою выразишь Давыдова, скажемъ, что въ головѣ его эпиграмма, а въ сердцѣ олегія; что онъ соединяетъ въ себѣ два, рѣдко соединяемыхъ качествъ: *добраго малаго и остраго малаго*. Вошь весь Давыдовъ.

-
- (1) Бахусомъ или Вакхомъ, иначе *Діонисіемъ*.
- (2) Здѣсь дружеская скромность автора не позволила высказашъ всѣхъ геройскихъ подвиговъ нашего Генерала, о которыхъ узнаемъ мы отъ сочинителя *Исторіи нашествія Наполеона на Россію*. — Принявъ подь свое начальство упомянутый баталіонъ, неуспрашимый Давыдовъ громилъ дерзкія полчища Французскаго Императора въ сраженіяхъ подь *Миромъ, Романовымъ, Дашковкой* и во всѣхъ аванпостныхъ дѣлахъ до самой *Гжати*. Воспламеняясь часъ отъ часу болѣе рвеніемъ къ подвигамъ славы, онъ полагалъ, что ничего не сдѣлалъ, ибо убѣжденъ былъ, что еще будешь полезнѣе въ ошдѣльныхъ дѣйствіяхъ. Одушевленный симъ благороднымъ порывомъ, основаннымъ, какъ мы уже видѣли, на опытныхъ соображеніяхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, Давыдовъ принялъ себѣ за правило: *на все напрашиваться и ни отъ чего не отказываться*. Такое шрешеніе духа должно оправдывашься дѣлами; юный герой уже извѣстенъ былъ по дѣламъ своимъ, а пошому и препроводилъ къ Князю Багратиону слѣдующее письмо: „*Ваше Сіятельство! вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто вашего Адъютанта, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ Аштырскій гусарскій полкъ, имѣлъ въ виду партизанскіе*

службу, и по чинамъ лѣтъ моихъ и по опытности и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей, обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ ряды моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю, слѣдственно и не могу ни предпринимать, ни исполнять ничего отъ себя. Князь! вы мой единственный благодѣтель; позвольте мнѣ вѣнчаться къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній. Если оныя будутъ вамъ удобны, употребите меня по желанію моему, и будьте увѣрены, что тотъ, кто носилъ имя Адыутанта вашего пять лѣтъ сряду, поддержитъ тестя оію со всею ревностію, какой требуетъ бѣдственное положеніе нашего Отечества.“

- (3) Онъ взорвалъ великаго Полководца Кушузова не скрылся полемъ юнаго орла. Воспользовавшись успешною ошважносшю Давыдова, онъ усилилъ ошрядъ его; усстроилъ новые ошряды и ввѣрилъ начальство надъ оными другимъ паршизанамъ, кошорые, соревнуя идиши по слѣдамъ перваго паршизана, вскорѣ возгремѣли въ полкахъ Русскихъ, и поразили спрахомъ войска гордаго Наполеона. Тщешно предпринялъ онъ сильныя цонски прошивъ нашихъ паршизановъ; они низпровергали замыслы враговъ умомъ, расшоронносшю, ошпорожносшю и благоразумною неуштрашимосшю. Истор. наш. Наполеона и Русск. Истор. С. Глинки Ч. XII, стр. 150.

Ф И Л О Л О Г И Я.

I. Взглядъ на коренныя языки.

Всѣ бывшіе и сущесшвующіе языки сущъ идиомы одного всеобщаго, первоначальнаго. Даже по пошопѣ, говоришь Св. Писаніе, *бѣ. вса земля устнѣ единѣ и гласѣ единѣ есѣмѣ* (Быш. гл. XI. ст. 1). Чшо было при-

чиною раздѣленія сего всеобщаго языка на многія опрасли, на сіе укажетъ Моисей далѣе. Но каковъ былъ языкъ сей? сохранился ли онъ до нашихъ временъ? существующъ ли, по крайней мѣрѣ, осмашки его? вошь вопросы, не легкіе для разрѣшенія. Еще менѣе можемъ мы сказать о первоначальномъ языкѣ, о языкѣ общаго нашего праопца. Всякое изслѣдованіе объ ономъ было бы для насъ суешнымъ любопытствомъ. Одно по можно сказать съ достовѣрностію, что и древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ языковъ не есть первоначальный, и что всѣ языки земли суть измѣненіе, искаженіе того всеобщаго, о кошоромъ упоминаетъ свяшій бышописатель, великій Моисей. Мы не принимаемъ мнѣнія нѣхъ Философовъ - грамматиковъ, кошорые, восходя къ первоначалію языка, повѣспиваютъ о какомъ-то младенческиующемъ состояніи челоука, забывая высокое его происхожденіе; зашпаляютъ его произносишь дикіе, опривисные звуки, при видѣ неизвѣстныхъ ему предметовъ; разсказываютъ о постепенномъ изобрѣшеніи слова. Здравый разумъ убѣждаетъ насъ, что челоукъ не могъ изобрѣсти слова; а Св. Писаніе удостовѣряетъ, что челоукъ одаренъ онымъ (1).

Принявъ за неоспоримую истину, что всѣ языки земли суть измѣненіе, искаженіе одного всеобщаго, и что здѣсь должно искашь ихъ основаній, мы можемъ осмѣлиться распоргнуть завѣсу временъ, мо-

жемъ углубишься въ изысканіе коренныхъ всеобщихъ началъ слова человѣческаго, считая многочисленныя идіомы онаго и повѣряя слѣдствія, нами выведенныя, законами здравой кришки, науки различенія.

Цѣль настоящаго разсужденія не есть помянутое изысканіе; но только указаніе, взглядъ на нѣ древнѣйшіе, или, какъ говорятъ обыкновенно, коренные языки, которые несутъ на себѣ печать благороднѣйшую. И самое разсужденіе сіе есть, большею частію, извлеченіе изъ Авшоровъ, писавшихъ о семъ предметѣ (2).

Изъ древнѣйшихъ языковъ заслуживающъ особенное вниманіе нѣ, кои сохранили до нашихъ временъ писанія важнѣйшія. Азія — земля, истинная земля по значенію сего слова, обращаетъ на себя взоры наши. Древнѣйшіе языки оной суть: *Китайскій*, *Самскритскій* и *Еврейскій*. Каждый изъ сихъ языковъ сохранилъ книги нарочитой важности: Китайцы имѣютъ свою *Кинѣ*, Индѣйцы *Веды*, Евреи книгу Моисея, *Сеферъ*. Каждая изъ сихъ книгъ восходитъ ко всеобщимъ началамъ вещей; каждая заключаетъ ученіе высокое; каждая обращаетъ на себя вниманіе просвѣщеннѣйшихъ умовъ. Безъ сомнѣнія Христіанинъ, отдавая должную справедливостъ мудрецамъ Индіи и Китая, умѣетъ оплачивать въ писаніяхъ ихъ истину отъ заблужденія, знаетъ неравняемое превосходство книги Богомъ вдохновеннаго Мужа.

Китайцы. Языкъ Китайской есть одинъ изъ древнѣйшихъ. Основанія его прослы и

односложны. Пріѣзди начало между людьми грубыми, ошдвленными ошъ другихъ великими переворотами, происшедшими съ родомъ человѣческимъ, онъ заключился въ шѣснѣйшихъ предѣлахъ, сокращая корни вещешвенные и немногіе, и не восходя выше просныхъ понашій чувешвенныхъ. Чувешвенный въ своемъ началѣ, онъ напоминалъ уму ошъ однихъ физическихъ предметахъ; немногія слова сосшавляли его; и слова сіи, бѣдными ограниченнымъ значеніемъ своимъ, ошносились шолько къ предметамъ частнымъ и мѣшнымъ. Такъ говорятъ новѣйшіе Филологи.

По размноженіи людей, говорившихъ Кишайскимъ языкомъ, языкъ сей могъ вновь искашиться ошъ ошженія съ другими идиомами; но напура видимыхъ его знаковъ предохранила его ошъ дальнѣйшей порчи и, шакъ сказашъ, прикрыла оный непроницаемымъ эгидомъ. Знаки сіи выражаютъ не шолько звуки, но и самыя идеи. Нѣкешорые писатели ушверждаютъ напр., что вначалѣ идею о человѣкѣ вырашали Кишайцы изображеніемъ человека: двѣ ноги нѣскольکو раздѣленные, съ шуловищемъ и головою. Впослѣдшвіи, для сокращенія, сохранили шолько двѣ расходящіяся линіи, соединенныя вверху (наши буквы П или Л): вошъ знакъ человека вообще, сущешва разумнаго. Горизонтальною чершою, проведенною надъ сею фигурою, означали начальника, Царя. Другою горизонтальною чершою означали сущешво разумное, свободное эшъ

уаъ шѣлесныхъ — духа, Ангела. Третья горизонтальная черта послужила эмблемою высочайшаго Умнаго Существа — Бога. И шакъ сіи знаки выражали идеи, копорыи всякой могъ чищашь на своемъ особенномъ языкѣ — свойство, которое имѣюшъ и наши цифры, называемыя Арабскими, и копорыи начальнымъ происхожденіемъ своимъ одолжены Индіи.

По мѣрѣ размноженія народа Китайскаго, по мѣрѣ приобрѣшенія новыхъ идей, и самый языкъ Китайскій развивался, обогащался новыми словами. Число начальныхъ видимыхъ знаковъ онаго не увеличилось; они только получили нѣкопорыя прибавочныя черты. Изъ частныхъ они сдѣлались общими; ошъ значенія именъ вещей они перешли въ глаголы. Тогда увидѣли необходимость изобрѣсти новые символы, копорые, соединяя шѣ и другія части слова, были бы способны выражашь всѣ отношенія идей. Явились гени — изобрѣшашели, и ничто болѣе не препятствовало успѣхамъ ихъ языка, копорый, не измѣняя началъ своихъ, не приѣмля чуждыхъ формъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ былъ досташоченъ для народа многочисленнаго, даровавъ ему священныя книги, сохранившія чистоту свою при всѣхъ переворотахъ, и обогатился всѣмъ, что Метаматематика и Мораль могли произвѣсти самаго высокаго.

Перейдемъ къ Самскрипскому языку, копорый для насъ заслуживаетъ болѣе вниманія, какъ праошецъ, говорящъ шакъ, нашего.

2. *Самскритскій языкъ*. Это языкъ ученыхъ Индіи, языкъ книжный. Одинъ знаменитый Филологъ полагаетъ, что народъ, древнѣйшій Индіанъ, обитавшій въ иной землѣ, водворился съ незапамятныхъ временъ въ Бара-Верщъ (нынѣ Индоспанъ), и принесъ съ собою славный языкъ, называемый Бали или Пали, котораго важныя ошачки находяща еще въ Сингалъ, столицѣ острова Цейлана, въ Королевствѣ Сіамскомъ, въ Пегу и во всемъ владѣніи Бирмановъ. Вездѣ языкъ сей почитается священнымъ.

Слово *Самскритъ* состоишь изъ кореннаго *Сам*, которое находится еще во Французскихъ словахъ *rassembler*, *ensemble*, въ Нѣмецкихъ *sammeln*, *sammt*, или въ Славяно-Русскомъ *самъ*, и изъ кореннаго *крит*, которое примѣнно въ Латинскомъ *creare*, *ge* гдѣ слогъ даетъ идею о вещи, а *cre* значить шворить. И такъ Самскритскій языкъ значить: языкъ, составленный изъ разныхъ началъ, самообразованный, что совершенно ему приличествуетъ: ибо мудрецы Индіи образовали языкъ свой такъ остроумно, что успрадили всѣ несовершенства, всѣ злоупотребленія, всѣ самопроизвольности, которыя безобразить прочіе языки. Самскритскій почитается нынѣ совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ.

Въ самой вещи, всѣ Европейскіе ученые, которые изучили Самскритскій языкъ и которые сравнивали оный съ другими извѣстными языками, соглашающа въ томъ,

что языкъ сей превосходитъ всѣ прочіе какъ удивительнымъ механизмомъ своимъ, такъ и богатствомъ, силою выраженій, благозвучіемъ. Самскрипскій языкъ имѣетъ великое множество письменныхъ памятниконъ, между коими важнѣйшее мѣсто занимаютъ Веды, у Индіанъ священными почитаемыя. Корень сего слова, *Веды*, пришеянъ въ словахъ *videre*, *voir*, *видѣть*, *сбдать*. И такъ шворцы сихъ Ведъ почитались пророками (видцами, вѣдцами, *vates*), коихъ пронцашельный умъ объежлетъ прошедшее, насюящее и будущее.

Славнѣйшіе Филологи Европейскіе взираютъ на языкъ сей, какъ на предметъ важнѣйшихъ своихъ изысканій. Они уже нашли, что языки Азіи, начиная съ Индіи до западныхъ береговъ сей части свѣта, всѣ языки Европы и сѣверной Азіи содержатъ въ себѣ великое множество корней Самскрипскаго. Какое побужденіе изучать языкъ мудрыхъ Индѣйцевъ!

Самскрипскій языкъ отличаетъ изумляющею ясностію въ выраженіяхъ и изложеніи мыслей, слѣдуя естественному порядку идей. Въ семь-то заключаетъ шайна его краснорѣчія, то есть искусства красноречиво говорить. Писатели Индіи не гонялись за фигурами, для украшенія слога: онъ самъ собою былъ прекрасенъ и не шребовалъ сихъ излишнихъ украшеній, часто служащихъ только забавою.

Древніе Индіане не имѣли пошвовъ; они не знали стиховъ. Мудрецы ихъ занима-

лись только изысканіемъ истиннѣ полезныхъ и высокихъ; они разсмащривали отношенія вещей, какъ онѣ были прежде, каковы онѣ суть и какими будутъ нѣкогда. Они думали, что сего слишкомъ доспащочно для ограниченнаго ума человѣческаго, и что занимаешь его изобрѣшеніями часшо одной праздности, значить перяшь время. Глубокія размышленія опщуждали всякіе вымыслы. Древніе мудрецы Индіи почишали воображеніе, ихъ порождающее, истиннымъ врагомъ вѣднія, которое бываетъ наградою только за неутомимые шруды. Въ послѣдствіи однакожь явились и поэшы въ Индіи — и гармонія языка ихъ чрезвычайно благопріятствовала Поэзии.

Великая гибкость Самскрипскаго языка способствовала образованію составныхъ словъ, дающихъ выраженію большую силу. Но писатели Индіи въ послѣдствіи впали въ непрощительное заблужденіе, составляя слова изъ 10, 15 и 20 слоговъ; они просперли даже до того сіе злоупотребленіе, что начали вмѣщать въ одно слово опъ 100 до 150 слоговъ. Сіе своеволие распроспранило темношу въ сочиненіяхъ ихъ; неученые переспали разумъ ихъ, и Самскрипскій языкъ измѣнился въ ухахъ народа, имъ говорившаго. Однакожь священныя книги, Веды, сохранили навсегда свое разборчивое богатство; ясность и чистота слога ихъ удержаны до нашихъ временъ во всей своей силѣ.

3. *Древній Еврейскій. Абаръ*, корень слова Еврей, и *Арабъ*, одно слово; разность между ними произошла отъ перестановки согласныхъ *б* и *р*. То и другое значить *западный*; и въ самой вещи Евреи были, Арабы же и теперь суть западные, въ отношеніи къ прочимъ народамъ Азіи.

Другіе же говорятъ, что Еврейскій народъ и языкъ получили имя свое отъ Евера (что значить *пришлецъ*), пятаго Папріарха по пошопъ, родоначальника Богомъ избраннаго племени. Всеобщій языкъ, бывшій удѣломъ всѣхъ племенъ по пошопъ, оспался языкомъ Еверовымъ, тогда какъ прочія племена, участвовавшія въ сполпшвореніи, разсѣялись по лицу земли и раздѣлились въ мысляхъ, желаніяхъ, мѣспноспяхъ и самыхъ языкахъ. Во время пятаго послѣ него Папріарха Фарры, нечесіе коснулось избраннаго племени, и высокія предамія религіи, вмѣспъ съ языкомъ, гошovy были искаспшсь. Тогда избранъ былъ Богомъ свящій мужъ, Авраамъ, въ хранишеля истіины, долженспшовавшій выдши изъ спраны ошцовъ своихъ въ землю чуждую. Потомспшо его подпало продолжштельному игу иноплеменныхъ, но въ самомъ угнешеніи своемъ возрасло въ народъ великій. Могъ ли тогда языкъ Евера оспавашься во всей чшспшъ своей? Явился Моисей. Роденный въ Егшпшъ, воспитанный при дворѣ Фараона мудрыми Егшпша, онъ посланъ былъ Богомъ известш Израильшянъ изъ рабспва и, по повелѣнію Божію, далъ имъ

письменный законъ. Сеферъ (что значить *книга*), первая книга на Еврейскомъ языкѣ, писана была, вѣроятно, шѣмъ нарѣчїемъ, какое засталъ Моисей, хотя и не предназначалась для всего народа. Послѣ Моисея были и другіе священные мужи, писавшіе симъ языкомъ; таковы Давидъ, Соломонъ, Исаія и другіе. Въ продолженіе плѣна Вавилонскаго, народъ Еврейскій забывалъ мало помалу родной языкъ свой и замѣнялъ его тогдашнимъ нарѣчїемъ Халдейскимъ. Впрочемъ, не смотря на перевороты, которые испыталъ сей необыкновенный народъ, Сеферъ Моисея сохранялся съ величайшимъ тщанїемъ. Но сохранилось ли истинное разумнїе языка онаго? достигло ли оно до нашихъ временъ? По признанію ученѣйшихъ мужей новѣйшаго времени, языкъ Еврейскій во многихъ случаяхъ остается для нихъ загадкою.

Вошъ что можно замѣтить особенно въ языкѣ Еврейскомъ: 1. Корни Еврейскихъ словъ суть глаголы (прошедшее время оныхъ) и состоятъ или изъ одной согласной буквы, или изъ двухъ и шрехъ, но не болѣе, перелагаемыхъ всѣми возможными образами; отсюда видно великое богатство корней сего языка: ибо взявши изъ двадцати двухъ только двѣ буквы, можно переложенїемъ сославить болѣе 400 словъ; а если взять шри, то выйдетъ огромное число. Безъ сомнѣнїя сочешанїя непрїятныя слуху не имѣли употребленїя. 2. Близкія между собою идеи по-Еврейски выражающія почти

одною перестановкою буквы, или буквами одного органа, или, наконецъ, присовокупленіемъ буквъ *работныхъ*, шакъ на пр. *ала*, *алѣцъ*, *алѣсѣ* значить *возвышаться*, *торжествовать*, *веселиться*, *скакать*; или одно и то же слово заключаетъ въ себѣ многіе различные смыслы, шакъ что читающій разумѣетъ шолько то, что сообразно его пониманію, напр. слово *рухъ* означаетъ и *духъ* и *вѣтръ*, *дуновение* и *все невидимое*, *все безтѣлесное*, *ту часть земли*, *неба*, *откуда дуетъ вѣтръ*, *неприятелей опустошающихъ землю* и проч. и проч. 3. Упопребленіе гласныхъ въ древнемъ Еврейскомъ, шакъ какъ и въ другихъ древнихъ языкахъ Азіи, не было столь опредѣленно, какъ въ нашихъ позднѣйшихъ идіомахъ; напр. согласныя *м*, *л*, *х* даютъ въ Еврейскомъ идею о царѣ, но слово сіе произносилось иногда *мѣлехъ*, иногда *мѣлихъ*, иногда *мѣлохъ*. Посему, вѣроятно, древнее произношеніе многихъ Еврейскихъ словъ пошеряно (3). Еврейскій языкъ не имѣетъ яснаго различія временъ. По крайней мѣрѣ изъ двухъ формъ онаго, прошедшей и будущей, каждая можетъ упопребляться въ значеніи и наспоющаго и прошедшаго и будущаго. И въ нашемъ древнемъ Славянскомъ языкѣ наспоющее не различалось отъ будущаго, а прошедшее время, безъ отношенія къ лицу взятое (форма прѣшняго лица), едва ли шакже не корень глагола, по своей крашкоспи. 5. За то Еврейскій языкъ имѣетъ великое множество формъ

для выраженія различныхъ образовъ дѣйствія; такъ напр. по-Еврейски можно сказать однимъ словомъ: *дѣлалъ, былъ дѣланъ, часто дѣлалъ съ усиліемъ, часто былъ дѣланъ съ усиліемъ, заставлялъ дѣлать, заставленъ былъ сдѣлать — сдѣлаться, часто дѣлался, часто представлялъ себя дѣлающимъ, дѣлалъ для другаго, показывалъ себя дѣлающимъ для другаго, заставленъ былъ показаться дѣлающимъ для другаго, взаимно дѣлалъ, взаимно былъ дѣланъ, взаимно дѣлался, показавъ себя другому дѣлающимъ, показавъ другому сдѣланнымъ, непрестанно дѣлалъ, съ усиліемъ дѣлалъ, съ усиліемъ былъ дѣланъ, съ усиліемъ дѣлался, съ чрезмѣрнымъ усиліемъ дѣлалъ, съ напряженіемъ дѣлалъ, представлялъ себя дѣлающимъ и проч. и проч.* Однакожь не всѣ сии формы въ равномъ употребленіи. И мы, имѣя мало времени, имѣемъ много видовъ глагола; такъ напр. иное значить *дѣлалъ*, иное *сдѣлалъ*, *надѣлалъ*, *додѣлалъ*, *отдѣлалъ*, иное *дѣлывалъ*, *выдѣлывалъ*, *вдѣлывалъ*, *додѣлывалъ*, *задѣлывалъ* и проч.

Изъ сего бѣлаго взгляда на коренные языки можно усмотрѣть всю важность изученія оныхъ, какъ вообще отношительного познанія коренныхъ началъ слова человеческого, такъ и особенно въ отношеніи къ нашему опечесшвенному языку. Но скоро ли въ нашемъ опечесшвѣ являшся мужи, посвятившіе себя, вполне сему изученію? — Немногія исключенія не дѣла-

юшь правила. Скоро ли спанемъ мы смопрѣшь на Филологію, какъ на философскую науку? Скоро ли самые учителя наши, бросивъ устарѣлыя предразсудки, осмѣляясь идиши пушемъ, вновь пролагаемымъ великими мужами новѣйшаго времени, — рѣшашся очистиши Грамматику нашу опъ всѣхъ нелѣпостей, введенныхъ въ нее временами варварства, — рѣшашся *опростить* изученіе языка? Вошь вопросы, шакже не легко рѣшимые.

Ив. Калайдовичъ.

1827 года, въ Іюнь.

(1) Высокопреосвященный Филаретъ, въ своемъ начертаніи Церковно - Библейской Исторіи, на стран. 13 говоритъ: „Знаніе вещей естественныхъ получилъ Адамъ вмѣстѣ съ бышіемъ. Опытъ глубокаго сего знанія показалъ онъ, когда нарекъ имена всѣмъ жившнымъ. Имена сіи конечно изображали ихъ свойства: ибо конецъ, для котораго Богъ торжественно повелѣлъ дать оныя, могъ бытъ одинъ шомъ, чшобъ испышашъ и показашъ пошомству Адама, его мудрость. Памятникъ сея мудрости онъ оставилъ по себѣ въ первоначальномъ языкѣ, котораго совершенству доселѣ удивляшся можно въ осшашкахъ его, находящихся въ Св. книгахъ Еврейскихъ.

„Сіи осшашки довольно еще показывающъ, что слова сего языка были натуральны. А въ семъ смыслѣ и Пиеагоръ утверждалъ, что шомъ, кто далъ имена вещамъ, долженъ былъ имѣть высокую мудрость. То-же говоритъ и Платонъ, in Cratylō.“

(2) Мнѣнія новѣйшихъ Авшоровъ я не считаю совершенно неоспоримыми; но предлагаю оныя для лю-

большинства шѣхъ соотечественниковъ, которые не имѣли случая читать ихъ.

- (3) Г. Профессоръ Еврейскаго языка Священникъ Павскій замѣчаетъ то-же и въ нашемъ языкѣ: коренныя буквы слова *городъ* суть *г, р, д*; но мы произносимъ оное и *городъ* и *градъ*. Въ послѣдствіи, онъ же замѣчаетъ, что у Евреевъ, какъ и у насъ, произношеніе гласныхъ стало давать иной смыслъ слову; примѣръ въ Русскомъ: *порохъ, прахъ*.
-

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1828 ГОДЪ.

Друзья! вошь вамъ изъ ошдаленья
Въ спихахъ визишннй мой билешъ,
И съ Новымъ годомъ поздравленья
На много радостей и лѣшъ.
Раздайся весело будильникъ
На новой, годовой заръ,
И, всѣхъ благихъ надеждъ свѣшилникъ,
Зажгись на новомъ олшаръ!

Друзья! по вздоху, полной чашѣ
За старый годъ! и по шройной.
За новый! Будущее наше
Спншь въ колыбели роковой.
Годъ новый! каждый, новой страстнью
Волнуясь, молишь новыхъ благъ:
Кшо радъ испышанному счастью;
Кшо ошь приволья ни на шагъ.

Судьба на алчное желанье
Въ насъ обрекла жрецовъ и жертвъ.
Желанье ешь — души дыханье:
Кшо не желаетъ, шощъ ужъ мертъвъ.
Оно — въ лампадѣ жизни масло;
Какъ выгорншь — хошь выкинь прочъ!

Жаръ и сѣнь — все погасло ;
Знать, скажи : покойна ночь.

На все тогда гляди безстрашно
И чувство въ *убылыхъ* пиши ;
Огнью жизни бьешь напрасно
Въ кремень беспламенной души :
Не выбьешь искры вдохновенной ,
Не бросишь звука въ мертвый слухъ ,
Во шмъ священи ураздненной
Безъ жизни — жершвенникъ пошухъ

Во мнѣ еще живаго много ,
И сердце полно черезъ край ;
Но опытность насъ учить строго :
Иного про себя желей.
И шакъ въ признаньяхъ задушевныхъ
Я сердца не опорожню ;
А жъ желаній ежедневныхъ
Божь-чшо бѣгло начерню.

Будь въ ешошъ годъ — бѣдамъ помѣта ,
А на добро — попушый вѣтръ ;
Будь меньше слезъ , а болѣ смѣха ;
Будь все на *лсномъ* барометрѣ !
Будь счастье къ скорби сердобольно ;
Будь скорбь въ смиреніи горда ;
Будь торжештво не своевольно ,
А слабость совѣшью шверда.]

Будь , какъ у насъ бывало древле ,
На православной ешоронѣ :
Другъ и Шампанское дешевле ,
А совѣшь , умъ и рожь въ цѣнѣ.

Будь искренность не горькимъ блюдомъ ;
 Въ храмъ счастья чистое крыльцо ;
 Рубли и мысли — не подь спудомъ ,
 А сорь и вздоръ — не на лицо.

Будь въ ешопъ годъ , другимъ иравимъ ,
 Всѣ наши умники — умны ;
 Мольеры Русскіе забавны ,
 А Кребильоны не смѣшны .
 Будь наши истины не сказки ;
 Стихи не проза ; свѣшъ не шама ;
 И не шенеша ближнихъ ласки ;
 И чувшва не игра ума .

На зло безграмошныхъ нахаловъ
 И всѣхъ , кто шолько имъ съ родни .
 Дай Богъ намъ болѣ Журналовъ ;
 Плодятъ чшашелей они .
 Гдѣ есть повѣрше на чшенъе .
 Въ чесши шамъ грамоша , перо ;
 Гдѣ грамоша — шамъ просвѣщенъе ;
 Гдѣ просвѣщенъе — шамъ добро .

Козловъ и Пушкинъ съ Баратынскимъ !
 Когожъ еще бы къ вамъ причесшь ?
 Дай вамъ подрядомъ исполинскимъ ,
 Чшо день , стиховъ намъ спавишь деедъ !
 А вамъ , посшавщикамъ всѣхъ бреднай
 На мельницахъ Поэмъ и Одъ ,
 Дай , Муза , рнемою послѣдней
 Вамъ захлебнушься въ Новый годъ !

Дай Богъ , за скръпой и печашаю ,
 Сшвершишься прочной мировой !

У пишущихъ — съ капризной лѣтѣю ;
 У сердца — съ гордой головой ;
 У ошцвѣщающихъ красавицъ —
 Съ красавицами въ цвѣтѣ дней ;
 У юридическихъ пѣвицъ —
 Съ поживкой шяжебныхъ сѣшей.

Но какъ ни бѣгай риемой прышкой,
 Риемъ ко всему прибраться не лѣзя.
 Къ новорожденному понышкой
 Съ одной мольбой поидемъ друзья :
 Пусшь все худое въ вѣчность канешъ
 Съ послѣднимъ вздохомъ Декабря ,
 И все прекрасное проглянешъ
 Съ улыбкой первой Января.

Князь Вяземскій.

Цареградская обѣдня.

(Въ Бессарабін мнѣ рассказывали Греки сіе преданіе о малолѣтнемъ Князѣ Гикѣ, сынкѣ Господаря Молдавскаго, и о чудномъ видѣніи, въ олтарѣ Сафійскаго Собора, послѣдняго Патріарха Григорія, сего знаменитаго мученика вѣры, видѣнномъ имъ въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія. — Я только передаю то что слышалъ. —)

„Когдажъ я увижу Софійской олшарь? —

Къ чему обѣщанья пустыя? —

Ты, Ходжія (і), шы сего храма ключарь!

Открой мнѣ враша золошья !“
 Такъ спража сѣдаго Князь Гика просеяль ;
 Но шарець младенцу рѣчами грозилъ :

*

„За шѣмъ ли ошець — Молдаванѣ Господарь —
 Мнѣ вѣрилъ швое воспитанье ,
 Чшобъ я на погибель ошкрылъ сей олшарь ,
 И съ неба навлекъ наказанье ? —
 Мой сынъ ! — не укроешь отъ гнѣва судьбы
 Ни кудрей зашыхъ , ни сѣдой головы ! —

*

Хошя въ сей мечеши чишають Коранъ ,
 И гимны Аллѣ раздаються , —
 Не смѣешь никшо изъ благихъ Музульманъ
 Къ врашамъ олшаря прикоснушься !
 Дерзнешь ли — и здѣсь же сразишь его громъ ! —
 Такъ — вѣчнымъ мечеши олшарь сей пяшномъ !“

*

„Нѣшъ , Ходжия ! — Туркамъ олшарь сей грозилъ ,
 Гонимелямъ Греческой вѣры ! —
 Но мнѣ православному онъ не закрышь :
 Младенцу ошверзуща двери !“ —
 — „Останься , мой сынъ ! ахъ , останься ! — Поаѣрь ,
 Въ пучину геенны ведешь сѣя дверь !“

*

Но шщечно , младенець не вземлетъ модьбамъ ,
 Отъ старца поспѣшной стопою
 Бѣжишь и съ улыбкой подходишь къ дверямъ ,
 Пляняешься пышной рѣзбою ,
 Парчевую занавѣсь хочешь поднять —
 Вдругъ дверь отворилась — его не видашь !

*

Ошчаянный Ходжія съ вѣспью бѣжалъ
 Къ отцу малолѣшнаго Гики;
 Съдой Господарь со слезами упалъ
 Къ подножію прона Владыки;
 Объ участи сына узнать онъ молилъ;
 „Но кто же узнаешь?“ — Султанъ возразидъ.

*

— „Есть старецъ — развѣнчанный нашъ Патриархъ,
 Низшедшій съ Вселенскаго прона,
 Григорій — укрылся въ Аеонскихъ горахъ; —
 Онъ — вѣрный блюститель закона! —
 Въ бронѣ своихъ дѣлъ — прикоснешся врагамъ,
 И тайны священики повѣдаешь намъ!“ —

*

Въ Софійской мечети — духовныхъ соборъ,
 Съ свяшою водой и крестами;
 Толпился на крылосахъ юношей хоръ
 И храмъ очищаешь мольбами;
 Межъ ними смиренно стоишь Господарь
 И влажныя очи вперилъ на олшарь.

*

Свящитель идетъ въ облаченьи къ дверямъ,
 Завѣсу ошдернулъ съ мольбою,
 Взглянулъ..... что предстало смятеннымъ очамъ?
 Онъ дрогнулъ и, быстрой рукою
 Задержувъ завѣсу, вступилъ на амвонъ —
 И словъ его ждешь ужаснувшійся сонмъ!

*

Григорій — въ священномъ восторгѣ стоить,
 Земное — далеко! далеко!...
 Глаголь прорицаній уша шевелить,

Горишь вдохновенное око! —
 Ему суждено искупителемъ бытъ
 И кровью свободу опчизнѣ купишь!

*

„Внимайте! внимайте! — Въ пошь день роковой,
 Когда Визаншїя упала, —

Тѣхъ дней Пашріархъ, недоступной мольбой,
 Молилъ, чшобы казнъ миновала,
 И полнымъ соборомъ обѣдню служилъ,
 Но шѣла и крови еще не вкусилъ,

*

Когда среди вопля, убійствъ и огней
 Ворвались въ храмъ Янычары,
 Достигли по трупамъ до Царскихъ дверей, —
 Ужъ близки мечей ихъ удары! . . .

Внезапно захопнулся съ трескомъ олшарь
 И пала завѣса предъ сонмъ Янычаръ!

*

Я первый содвинулъ завѣсу съ вѣковъ —
 И мнѣ шѣже лица предспали,
 Въ шомъ видѣ, въ кошоромъ ихъ шучи враговъ
 Въ минушту обѣдни застали! —
 Съдой Пашріархъ, наклонясь на престолъ,
 Шоипшъ надъ дарами, внимая Символь.

*

И два Архидьякона мнштру надъ нимъ
 Обмершей рукою подъемлютъ;
 И два Архирея, надъ шѣломъ живымъ,
 Недвижимо воздухъ колеблютъ;
 И два Иподьякона съ вѣчнымъ огнемъ —
 Безжизненнымъ блескъ отражаютъ лицемъ.

*

Вокругъ — мишроносныхъ двенадцашъ чиновъ ,

Какъ трупы сходящъ безъ движенья ,

Не внемля печенію долгихъ вѣковъ ! —

И чуждые порабощенья ,

Какъ будто не зная о нашихъ цѣпяхъ , —

Сходящъ , неприступные , въ вѣчныхъ мольбахъ !

✱

И самое время расшоргло для нихъ

Кровавые смерщи завѣшны ! —

Лишь помная блѣдносшь на лицахъ свяшыхъ

Легла — ошпечашкомъ сполюшій !“ —

— „Гдѣжь сынъ мой ?“ — воскликнулъ Князь Гика въ
слезахъ ,

— „Близъ образа Дѣвы , съ кадиломъ въ рукахъ !

✱

И знайте : — шогда лишь сей службѣ конецъ ,

Когда наша цѣпь разорвешся ,

Падешъ съ Ошшоманъ Констаншиновъ вѣнецъ ,

Здѣсь знамя креста разовьешся ,

И сонмъ одновѣрцевъ очистишь сей храмъ ,

И вождь Христіанъ прикоснешся дверямъ !

✱

Тогда лишь ошыдушъ на вѣчный покой

Ушавшіе въ долгомъ соборѣ ! —

Но прежде . . . . я слышу шенанья и вой !

Я вижу кровавое море !

Ошчизна ! всѣ ужасы , всѣ на шебя

Обрушашъ ! — и первую жершвою — я !“ —

(*) *Ходжил* = духовная особа у Турокъ.

Р а и ч у.

Какимъ вѣнкомъ намъ увѣнчашь
 Пишомца Русскаго Парнасса,
 На коемъ возлегла печашь
 Могучихъ вдохновеній Тасса?

Ты лавровъ не захочешь, нѣтъ, —
 Они душѣ швоей посшмыли
 Съ шѣхъ поръ, какъ дивный швой Поешь —
 Твой Тассъ — и на краю могилы

Не могъ ихъ данью взяшь съ земли!
 Но дѣвы павшаго Сіона
 Другой вѣнокъ шебѣ сплели
 Изъ сельскихъ кринь и розъ Сарона.

25 Декабря,
 1827 года.

**

П р о з а.

Д Ъ Й С Т В І Е ПЕРВОЕ.

Изъ трагедіи Гёте: Гецъ Фонъ Берлихингенъ.

ШВАРЦЕНБЕРГЪ ВО ФРАНКОНИИ.

Г о с п и н н и ц а.

Мецлеръ, Сиверсъ за столомъ, два Регистара у огня, Хозяинъ.

С и в е р с ь.

Хозяинъ! ну-ка еще рюмку водки, — да мѣрйй, брашъ, похристіански.

Х о з я и н ь.

Ты ненасыпная упроба.

Мецлеръ (*тихо къ Сиверсу*).

Разскажи еще разъ о Берлихингенъ! Бамбергцы памъ дуошся; шого и гляди, что преснушъ съ досады.

С и в е р с ь.

Бамбергцы? А за чѣмъ попали они сюда?

М е ц л е р ь.

Вейслингенъ уже два дня въ замкъ у Графа; они провожали его. Я не знаю, ошкуда онъ ѣдешъ. Они ждущъ его, и ошправашся вмѣспъ въ Бамбергъ.

С и в е р с ь.

Что это за Вейслингенъ?

М е ц л е р ь .

Правая рука Епископа, владыцѣ сильный, копорый и подъ Гецею подыскивается.

С и в е р с ь .

Чпобъ не попасшь ему самому въ про-
сакъ !

М е ц л е р ь (тихо) .

Ну, начинай же ! (*Вслухъ*) Да съ коихъ же поръ Гецъ поссорился опять съ Епископомъ ? Говорили было въ народѣ , чшо они совсѣмъ спакнулись и сладили.

С и в е р с ь .

Сваришь пы пиво съ Аббатами ! Какъ Епископъ увидѣлъ, чшо ему не шяга, — чшо вездѣ одолъвають его, — шакъ и прикинулъ ся овечкою, и спалъ хлопощать о мирѣ. А добрый человекъ Берлихингенъ и поддался ему : онъ всегда усшупаешъ , когда ему везешъ.

М е ц л е р ь .

Дай Богъ ему всякаго благополучія ! Чешный господинъ !

С и в е р с ь .

А каковы они ! Послѣ мира полонили его малаго, когда шопъ ѣхалъ спущя рукава. Не спыдное ли дѣло ? Только оно не пройдешъ имъ даромъ.

М е ц л е р ь .

Жаль, чшо не удалась Гецу послѣдняя шшукка. Ему было до зла - горя.

С И В Е Р С Ъ.

Правда. Давно уже чай не случилось съ нимъ шакой напасши! Ему - было обо всемъ шепнули подь рукою: когда Епископъ поѣдешъ съ водъ, со сколькими рейшарами, по какой дорогъ, и если бы не измѣнили ему лукавые люди, шо накоспылялъ бы онъ шею Вамбергцу шакъ, чшобъ шощъ не забылъ до новыхъ вѣтниковъ.

П Е Р В Ы Й Р Е Й Т А Р Ъ.

Чшо вы судачише о нашемъ Епископѣ? Вы на задоръ лѣзешъ!

С И В Е Р С Ъ.

Знай сверчокъ свой шешокъ. До нашего шпола вамъ дѣла нѣтъ.

Д Р У Г О Й Р Е Й Т А Р Ъ.

Кшо позволилъ вамъ говоришь непочиншительно о нашемъ Епископѣ?

С И В Е Р С Ъ.

Развѣ я долженъ опщавашъ шебъ опщешъ? вишь выскочка!

(Первой Рейтаръ даетъ ему треуха.)

М Е Ц Л Е Р Ъ.

Убей его — собаку.

(Нападаютъ другъ на друга.)

В Т О Р О Й Р Е Й Т А Р Ъ.

Попробуй, сунься - ка сюда.

Хозяинъ (разнимаетъ ихъ).

Уймешесь-ли вы, прокляшые! Чоршъ васъ побери. Спунайше на дворъ и грызишесь

шамъ, если вамъ есть за что грызться. Въ моей горницѣ все должно идти порядкомъ, на чесши. (*Выталкиваетъ Рейтаровъ.*) А вы, ослы, что дѣлаете?

М е ц л е р ь.

Не ругайся, не по мы погладимъ шебя по лысой головѣ. — Пойдемъ, шоварищъ, поколошимъ ихъ шамъ.

(*Входятъ два Рейтара Берлихингена.*)

П е р в ы й Р е й т а р ь.

Что здѣсь шакое?

С и в е р с ь.

Гей Пешръ, здорово! Здорово, Вейшь! Ошкуда?

Второй Рейтаръ (*тихо Сиверсу*).

Не могли сказывать, у кого мы въ службѣ.

С и в е р с ь (*тихо*).

Такъ господинъ вашъ Гець недалеко ошсуда?

П е р в о й Р е й т а р ь.

Держи языкъ за зубами! (*Вслухъ*) Что у васъ — ссора?

С и в е р с ь.

Вы встрѣтились съ Бамбергцами?

П е р в о й Р е й т а р ь.

Что они дѣлають здѣсь?

М е ц л е р ь.

Вейслингенъ въ замкъ у Графа: они бу-
душъ провожаютъ его.

ПЕРВОЙ РЕЙТАРЪ.

Вейслингенъ ?

ВТОРОЙ РЕЙТАРЪ *(тихо)*.

Вошь лихая находка, Пешръ! *(Вслухъ)*
Давно ли онъ шамъ ?

М Е Ц Л Е Р Ъ.

Ужь два дня. Но нынче онъ уѣзжаетъ,
сказываль одинъ изъ эшихъ шелапаевъ.

ПЕРВЫЙ РЕЙТАРЪ *(тихо)*.

Не говорилъ-ли я шебъ, что онъ шамъ? —
Еслибъ мы еще погодили немного! Пойдемъ,
Вейшь.

С И В Е Р С Ъ.

Да пособише намъ, брашцы, поколо-
шишь Бамбергцевъ.

ВТОРОЙ РЕЙТАРЪ.

Вась и шакъ двое; намъ некогда. Про-
щайше. *(Уходитъ.)*

С И В Е Р С Ъ.

Эши Рейшары подлецы: даромъ шага не
спуниашъ.

М Е Ц Л Е Р Ъ.

Я божусь, что у нихъ въ головѣ ешь
замысль. У кого они въ службѣ ?

С И В Е Р С Ъ.

Мнѣ не вѣльно сказывашъ. Они служатъ
у Геца.

М Е Ц Л Е Р Ъ.

Ага! — Ну, пойдѣмъ-же, раздѣлаемъ
съ своими пришедами. Какъ у меня дуби-
на въ рукахъ, шакъ я не боюсь ихъ пикн.

С и в е р с ь .

Хорошо , если-бы мы также могли раздѣлываться съ шѣми, копорые сдирають съ насъ кожу.

ГОСТИНИЦА ВЪ ЛѢСУ.

Г в ц ь . (у двери подѣ липою).

Куда дѣвались мои люди! Спану ходишь взадъ и впередъ, а шо сонъ одолѣешь меня. Сряду пяшь дней и ночей я на спорожѣ. Солона доспаешся иному капля жизни и свободы; за шо, поймавъ шебя, Вейслингень, ошдохну на проспорѣ. (*Наливаетъ*). Опяшь нѣшь ничего! — Георгъ! — Пока ешь вино и храбрость, я смѣюсь надъ власполюбіемъ и всѣми кознями Князей! — Георгъ! — Разсылайше вашего ласковаго Вейслингена по кумамъ и по свашамъ, очерняйше меня передъ всѣми; я держу ухо воспро. — Ты ускользнулъ ошъ меня, Епископъ! За эшо поплашишся мнѣ швой любезной Вейслингень. — Георгъ! Оглохъ онъ вѣрно! Георгъ! Георгъ!

Г е о р г ь (*въ большихъ латахъ*).

Чего изволише?

Г в ц ь .

Куда ты пропалъ? Спалъ чшоли? Тѣѣу къ чоршу; какъ ты нарядился! Подойди сюда: нарядъ къ тебѣ присталъ, не сшдыся. — Ты молодець хошь куда, дай срокъ! — На тебѣ Гансовы лапы?

Ч. I. Но I и II.

6

Г е о р г ъ .

Ему захопѣлось вздремнуть, и онъ раздѣлся.

Г е ц ъ .

Нѣженка !

Г е о р г ъ .

Не сердись, я унесъ у него похи-
хоньку ланы и надѣлъ ихъ на себя, снялъ
башюшкинъ старый палашь со спицы, выбѣ-
жалъ на лугъ, вынулъ палашь изъ ноженъ. . .

Г е ц ъ .

И давай рубишь имъ на право и на лѣво?
Чай доспалось кушамъ? Гансъ спишь?

Г е о р г ъ .

Вы разбудили его; онъ закричалъ мнѣ,
что вы зовете меня. Я хотѣлъ было ски-
нуть ланы, какъ услышалъ вашъ голосъ въ
другой и шрепшій разъ.

Г е ц ъ .

Слушай, опнеси ему назадъ панцырь,
и скажи, чшобъ былъ гошовъ и смошрѣлъ
за лошадыми.

Г е о р г ъ .

Лошадей и выкормилъ и взнуздаль. Вы
можете вхашъ, когда угодно.

Г е ц ъ .

Принеси мнѣ кружку вина; Гансу дай
шакже рюмку и не вели спашъ: шакъ надоб-
но. Я ожидаю всякую минушу своихъ гонцевъ.

Г е о р г ъ .

Ахъ, рыцарь !

Г е ц ъ.

Что такое?

Г е о р г ъ.

Не лзя ли и мнѣ съ вами?

Г е ц ъ.

Въ другой разъ, Георгъ, когда мы по-
ѣдемъ на купцевъ, на обозы.

Г е о р г ъ.

Въ другой разъ! Вы давно ужь такъ го-
ворите. Возмите меня въ эшопъ разъ: я
хоть издали буду ходишь за вами, буду под-
бирашь шпрѣлы.

Г е ц ъ.

Въ слѣдующій разъ, Георгъ. Тебѣ надобно
прежде имѣшь панцырь, шишакъ и дрошикъ.—

Г е о р г ъ.

Возмите меня съ собою. Еслибы я былъ
съ вами въ послѣднюю схватку, вы не по-
шеряли бы самоспрѣла.

Г е ц ъ.

Почему ты знаешь эшо?

Г е о р г ъ.

Вы пушили ее въ голову непріятель-
скому воину, а какой-шо Рейшаръ поднялъ,
да и унесъ.

Г е ц ъ.

Мои люди рассказали тебѣ эшо?

Г е о р г ъ.

Они. За то я свищу имъ на всѣ голо-
са, когда они чиспяшь лошадей, и учу ихъ
всякимъ пѣснямъ.

Г в ц ь.

Малый лихой!

Г в о р г ь.

Возмите меня съ собою, и я покажу эшо на дѣлѣ.

Г в ц ь.

Въ слѣдующій разъ, мое честное слово. Безоружному не лзя выходишь шебѣ на сраженіе. Припомъ и къ будущимъ временамъ понадобитсяъ мужи. Я говорю шебѣ, молодой человекъ, придетъ пора, когда ихъ будетъ мало. Князья не пожалѣють своихъ сокровищъ за человека, кошораго шеперь гоняшь. Сшупай, Георгъ, отдай Гансу назадъ его лашы, и принеси мнѣ вина. (*Георгъ уходитъ.*) Гдѣ мѣшкають мои люди? Непоняшно! Кауцинь! Ошкуда взялся онъ!

М а р т и н ь (*приходитъ*).

Г в ц ь.

Добрый вечеръ, честный отецъ! Ошкуда шакъ поздно? Мужъ, обрекшій себя на святое спокойствіе! шы присшыжаешь воиновъ.

М а р т и н ь.

Благодарю васъ, благородный рыцарь! Я принадлежу къ числу нищихъ брашій, — вошь всѣ мои шишла. Августиномъ меня нарекли въ монашырѣ; но я лучше люблю имя Маршина, данное мнѣ при крещеніи.

Г в ц ь.

Ты усшалъ, брашь Маршинъ, и вѣрно хочешь пить? (*Георгъ входитъ*) Испши вошь и вино.

М А Р Т И Н Ъ.

Для меня нѣсколько капель воды; вина я не смѣю пить.

Г е ц ь.

Развѣ это прошивъ вашего объѣда?

М А Р Т И Н Ъ.

Нѣтъ, благородный рыцарь, пить вино не прошивъ моего объѣда; но поелику вино прошивъ моего объѣда, то я не пью вина.

Г е ц ь.

Я не понимаю швоей рѣчи?

М А Р Т И Н Ъ.

Счастливы вы, что не понимаете. Въ пицѣ и пищѣ заключаеться, по моему мнѣнiю, жизнь человека.

Г е ц ь.

Правда.

М А Р Т И Н Ъ.

Принявши пицу и пищу, вы чувствуете въ себѣ новую жизнь, получаете новую силу, бодрость, способность ко всякому дѣлу. Вино веселишь сердце человеческое, а веселiе естъ мать добродѣтелей. Когда вы напьетесь вина, у васъ все удвоится: вамъ легко думать, легко предпринимать, легко исполнять.

Г е ц ь.

Правда, правда.

М А Р Т И Н Ъ.

Объ этомъ я и говорю. Но мы. . . .

Г е о р г ъ (св. водою).

Г в ц ъ (тихо къ Георгу).

Слушай на Даксбахскую дорогу и приложишь ухомъ къ землѣ: не слыхашь ли лошадиного шопоша, да ворошишь скорѣе.

М а р т и н ъ.

Но мы, по принятіи пищи и питія, нарушаемъ свои обязанности и непосредственно и посредственно. Желудокъ у насъ шрудно варишь пищу и разсудокъ помрачается; въ разслабленіи, отъ излишняго покоя происходящемъ, у насъ возникають желанія, которыя иногда часъ отъ часу увеличивающся.

Г в ц ъ.

Одна рюмка, братель Маршинъ, не помѣшаетъ тебѣ спать. Ты нынѣ много ходилъ. (*Подноситъ ему*) Во славу рыцарей.

М а р т и н ъ.

Буди по глаголу вашему. (*Чокаются.*) Я шерпѣшь не могу шунейдцевъ. Вошъ на примѣръ я ночеваль нынѣ въ монастырь Св. Вейша. Насшоятель водилъ меня по своему саду. Чего хочешь шамъ, шого просишь: полная чаша. Какой салашь чудесный! Капустя цвѣшная душъ услажденіе; аршишоки, какихъ нѣтъ во всей Европѣ.

Г в ц ъ.

И шакъ, шы не любишь своего званія. (*Встаетъ, смотритъ въ ту сторону, куда пошелъ Георгъ, и возвращается.*)

М А Р Т И Н Ъ.

Ахъ! еслибъ Богъ сотворилъ меня садовникомъ или земледѣльцемъ, я былъ бы счастливъ. Мой Аббашъ любитъ меня. Я изъ Эрфуртскаго монастыря изъ Саксоніи; онъ знаетъ, что я не могу жить въ покоѣ, и разсылаешъ меня по разнымъ надобностямъ. Теперь иду я къ Криспанцскому Епископу.

Г в ц ь,

Еще рюмку, Счастливаго исполненія!

М А Р Т И Н Ъ.

И вамъ шого же.

Г в ц ь,

Что ты такъ приспально смотришь мнѣ въ лице?

М А Р Т И Н Ъ.

Восхищаюсь вашимъ панцыремъ.

Г в ц ь,

Не хочешь ли ты самъ надѣшь такой-же? Нѣтъ, почтенный опець, такая ноша тяжела.

М А Р Т И Н Ъ.

А что не тяжело на семь свѣтъ? Нищета, цѣломудріе и покорность — при обща, изъ коихъ каждый, самъ по себѣ взятый, представляешъ величайшее затрудненіе природѣ человеческой . . . какъ же несомны они вмѣстѣ? И всю свою жизнь влачишь въ уныніи подъ симъ бременемъ, или еще ужаснѣе, съ мучительными угры-

зеніями совѣспи. О рыцарь! что значашъ ваши шрудности въ сравненіи съ скорбями нашего соспоянія!

Г в ц ъ.

Если бы объшь вашъ былъ не шакъ священъ, то я посшарался бы уговорить шебя надѣшь панцырь, даль бы шебѣ лошадь и мы ошправились бы вмѣшъ.

М а р т и њ ъ.

О если бы Богъ даровалъ моимъ плечамъ крѣпосшь носить панцырь и моей рукъ силу низлагашъ непріателя съ коня! Бѣдная, слабая рука, издавна приобыкшая носить крестъ, знаменіе мира, и кадило, — шебѣ ли управляшь мечемъ и копіемъ! Глашь мой, воспѣвавшій аллилуіа, послужилъ бы непріателю герольдомъ моей слабости, между шѣмъ какъ вашъ глашь наводишь на него шрепешъ. Иначе никакой объшь не удержишь бы меня ошъ вспуленія въ орденъ, учрежденный моимъ Создашелемъ!

Г в ц ъ.

Сшасшливаго возвращенія!

М а р т и њ ъ.

Мое возвращеніе домой, въ свою шемницу, я почишаю всегда несчастіемъ. Позвольте мнѣ выпить шолько за ваше. Благородный рыцарь! вы можете говоришь о сшасшій, возвращаясь послѣ долговременнаго ошсушспвіа въ свой замокъ, въ чувспіѣ вашего мужества, крѣпости, которую никакая усшалосшь побѣдиль не можетъ, —

ложась на постель безъ мысли о непріятеляхъ, склоняясь ко сну, кошорый для васъ бываетъ пріятнѣе, чѣмъ для меня пышіе послѣ продолжительной жажды.

Г е ц ь.

Это бываетъ рѣдко.

М а р т и н ь *(съ большою зорчностію)*.

За то бываетъ райскимъ наслажденіемъ! — Вы возвращаетесь, обремененные добычею непріятелей, и припоминаете себя: шого свергнулъ я съ коня, прежде нежели онъ успѣлъ выспрѣлншь, шого — зарубилъ я вмѣстѣ съ конемъ его, — и пошомъ подъѣзжаете къ вашему замку, и —

Г е ц ь.

Что ты хочешь сказать?

М а р т и н ь *(наливаетъ)*.

За здоровье вашей супруги! *(Утираетъ себѣ глаза.)* У васъ есть супруга?

Г е ц ь.

Прекраснѣйшая женщина!

М а р т и н ь.

Благо шому, кто обладаетъ добродѣтельною женщиною! Онъ вдвое живетъ. Я не знаю женщинъ, хоть женщина была вѣнцемъ шворенія!

Г е ц ь *(про себя)*.

Мнѣ жаль его! онъ страдаетъ подъ своимъ копишомъ.

Г е о р г ъ (*вбѣгаетъ*).

Рыцарь! Я слышалъ лошадей . . . скачущъ во весь опоръ . . . и кажешься, двѣ! Это вѣрно они.

Г е ц ъ.

Выводи скорѣй мою лошадь, вели Гансу садиться. Прощай, честный ошець; Богъ съ тобой! будь добръ и шерстьливъ. Сшернишься — слюбишься.

М а р т и н ъ.

Позвольте мнѣ узнатьъ ваше имя ?

Г е ц ъ.

Извини меня! не лъзя сказать. Прощай!
(*Подаетъ ему лѣвую руку.*)

М а р т и н ъ.

Почему вы подаете мнѣ лѣвую руку ? Развѣ я не достоинъ правой руки рыцаря ?

Г е ц ъ.

Да если-бы ты былъ и Императоромъ, то и тогда я подаль бы тебѣ лѣвую. Моя правая не чувствуетъ дружескаго прикосновенія, хошь и служишь мнѣ на сраженіи: она одно съ своею перчашкою — изъ желъза.

М а р т и н ъ.

Такъ вы Гець фонъ-Берлихингенъ! Благодарю Тебя Боже, что Ты сподобилъ меня узрѣшь сего мужа, кошораго ненавидяшь Князи, и къ кошорому прибѣгаютъ ушесненныя! (*Онъ беретъ у него правую руку*) !

Позвольте, позвольте мнѣ облобызашъ сію руку.

Г е ц ь.

Не надо, не надо.

М а р т и н ь.

Позвольте! О драгоценнѣйшая рука, въ коей протекала кровь священная! ты теперь мершвое орудіе; (но себя оживляешъ благороднѣйшее упованіе на Бога.

Г е ц ь.

(Надѣваетъ шлемъ и беретъ копье.)

М а р т и н ь.

Въ нашемъ монастырѣ былъ монахъ, кошорой видѣлъ, какъ опшпрѣлили ее подъ Ландсгушомъ. Онъ намъ рассказывалъ, сколько вы спрадали, сколько соболѣзновали ошомъ, что не можете болѣе дѣйшвовашъ по вашему призванію, — и какъ вы вспомнили, что ошъ кого-то слышали объ одномъ храбромъ рыцарѣ, кошорый и и съ одной рукою служилъ додго; — эшого я никогда не забуду.

(Два рейтара входятъ.)

Г е ц ь.

(шепчетъ съ ними).

М а р т и н ь *(между тѣмъ продолжаетъ).*

Я никогда не позабуду, какъ вы, въ благороднѣйшемъ, чистосердечнѣйшемъ упованіи на Бога, говорили: Если бы у меня было и двѣнадцать рукъ, но безъ благода-

ши Божіей, что́ бы мнѣ въ нихъ. И шакъ могу одною. . . .

Г е ц ь.

Въ Гаслахскій лѣсъ. (*Оборачивается къ Мартину*) Прощай, честный ошець Маршинь! (*цѣлуетъ его.*)

М а р т и н ь.

Не забудьше меня, какъ я васъ не забуду.

Г е ц ь (*увѣждаетъ*).

М а р т и н ь.

Какъ спрашно у меня было на сердце, когда я смопрѣлъ на него! Онъ ничего не говорилъ; но духъ его носился предо мною въ чертахъ очевидныхъ. Усладительно видѣшь великаго мужа!

Г е о р г ь.

Вы у насъ ночуете, честный ошець?

М а р т и н ь.

Есть ли у васъ посель?

Г е о р г ь.

Нѣтъ, ошець честный! Я знаю поселю только по слуху: въ нашей гостинницѣ нѣтъ ничего, кромѣ соломы.

М а р т и н ь.

И то хорошо. Какъ зовушь себя?

Г е о р г ь.

Георгомъ, ошець честный!

М а р т и н ь.

Георгомъ? У тебя храбрый папронь.

Г Е О Р Г Ъ .

Говорятъ, что онъ былъ рыцаремъ, и я хочу быть такимъ же.

М А Р Т И Н Ъ .

Поспой! (*вынимаетъ молитвенникъ и подаетъ мальчику образокъ*) На тебѣ его. Шестивуй по спонамъ его, будь храбръ и бойся Бога! (*Уходитъ.*)

Г Е О Р Г Ъ .

Какой прекрасный, бѣлый конь! Если бы мнѣ доспался когда нибудь пакой-же! и золотыя лапы! — и свирѣпый змѣй! — а я спрѣляю шеперь воробьевъ. — Свяшый Георгій! пошли мнѣ крѣпосшь и силу, дай мнѣ копые, лапы и коня, а шамъ высылай ко мнѣ змѣевъ.

Я К С Т Г А У З Е Н Ъ .

Г е ц е в ъ з а м о к ъ .

Марія, Елизавета, Карлъ — маленькой сынъ ея.

К а р л ъ .

Пожалуйше, пешенька, расскажите мнѣ еще разъ о добромъ мальчикѣ. Какъ хорошо это!

М а р і я .

Расскажи прежде самъ, шалунишко; я увижу, внимашельно ли ты слушаешь?

К а р л ъ .

Погодите — я вспомню. Жилъ былъ — да, жилъ былъ мальчикъ, и маменька у него занемогла, вошь онъ и пошелъ —

М А Р І Я.

Нѣтъ еще. Прежде маменька сказала:
другъ мой. . . .

К А Р Л Ъ.

Я больна. . .

М А Р І Я.

Не могу выдти со двора. . .

К А Р Л Ъ.

Дала ему денегъ и сказала: поди и купи
себѣ завшракъ. Вошѣ пришелъ нищій. . .

М А Р І Я.

Мальчикъ пошелъ, и съ нимъ встрѣшил-
ся шарикъ, кошорый былъ . . . ну, Карлъ!

К А Р Л Ъ.

Кошорый былъ шаръ. . . .

М А Р І Я.

Разумѣется. Кошорый насилу ходилъ, и
сказалъ: диняшко!

К А Р Л Ъ.

Подай мнѣ чтонибудь, Христа ради; у
меня крошки во ршу не было ни вчера, ни
нынѣче. Мальчикъ и ошдалъ ему деньги. . .

М А Р І Я.

Кошорыя ему дали на завшракъ.

К А Р Л Ъ.

Тогда шарикъ сказалъ. . .

М А Р І Я.

Тогда шарикъ взялъ диня. . .

К а р л ь.

За руку и сказалъ . . . и оборотился
вдругъ Святымъ, прекраснымъ и свѣтлымъ,
и сказалъ: любезное дитя! . . .

М а р і я.

За твою благошворительность Матерь
Божія посылаешь тебѣ со мною награжденіе:
если ты прикоснешься къ больному. . .

К а р л ь.

Рукою — правою, кажешься?

М а р і я.

Да.

К а р л ь.

То онъ выздоровѣетъ.

М а р і я.

Тогда мальчикъ побѣжалъ домой и опъ
радости не могъ выговорить ни слова. . .

К а р л ь.

И упалъ на шею къ своей маменькѣ и
плакалъ опъ радости.

М а р і я.

Тогда маменька вскричала: что дѣлаешь
со мною! и вы . . . ну, Карль.

К а р л ь.

И вы . . . и вы. . .

М а р і я.

Ты уже не слушаешь! — И выздоровѣ-
ла. И мальчикъ выѣчивалъ Королей и Импе-

рашоровъ , и такъ разбогашълъ , что выстроилъ большой монастырь .

Е л и з а в е т а .

Не могу пенять , гдѣ мой мужъ . Пясть дней и пясть ночей его нѣтъ дома , а онъ надѣялся кончить свое дѣло скоро .

М а р и я .

На меня давно уже напала шоска . Если бы мой мужъ безпрещанно спалъ предаваясь такимъ опасностямъ : то я умерла бы на первомъ году послѣ замужства .

Е л и з а в е т а .

Я благодарю Бога , что Онъ мнѣ послалъ большую швердосшь .

К а р л ъ .

Но развѣ папенька долженъ выѣзжать , если такъ опасно ?

М а р и я .

На это есть его добрая воля .

Е л и з а в е т а .

Онъ долженъ , любезный Карлъ .

К а р л ъ .

Ошъ чего ?

Е л и з а в е т а .

Помнишь ли шы , какъ онъ выѣзжалъ въ послѣдній разъ и привезъ тебѣ гостинець ?

К а р л ъ .

А нынче онъ привезешъ мнѣ что нибудь ?

Е л и з а в е т а .

Я думаю. — Видишь ли — поршней из Спунгарда, масшеръ сирьяльъ, выигралъ намедни на сирьяльнѣ первый призъ.

К а р л ь .

Дорогой ?

Е л и з а в е т а .

Во што шалеровъ. А ему не хотѣли пла-
тишь.

М а р и я .

Это вѣдь дурно, Карль, — не правда-ли?

К а р л ь .

Негодяи !

Е л и з а в е т а .

Поршней и пришелъ къ своему отцу ,
и просилъ его выхлопашъ деньги. Онъ
выѣхалъ и захватилъ двухъ купцовъ, и дер-
жалъ ихъ до шѣхъ поръ, пока опдали день-
ги. — Такъ ли бы поступилъ шы на его мѣстѣ?

К а р л ь .

Нѣтъ ! вѣдь надобно проѣзжать черезъ
густой лѣсъ, а шамъ Цыганы, вѣдьмы.

Е л и з а в е т а .

Хорошъ мальчикъ, боишься вѣдьмъ !

М а р и я .

Ты сдѣлаешь лучше, Карль, если будешь
жить въ своемъ замкѣ благочестивымъ хри-
стіанскимъ рыцаремъ. И въ собственныхъ
своихъ владѣніяхъ можно найти много слу-
чаевъ благошворить. Самые честные ры-

Ч. I. No I и II.

царя въ походахъ своихъ дѣлаютъ больше несправедливаго, чѣмъ справедливаго.

Е л и з а в е т а .

Сестра! ты не думаешь о томъ, что говоришь. Дай Богъ, чтобы нашъ сынъ сдѣлался со временемъ храбрымъ рыцаремъ, и не походилъ никогда на Вейслингена, который такъ вѣроломно поступаетъ съ своимъ мужемъ.

М а р і я .

Не суди рѣшительно, Елизавета. Братъ очень раздраженъ, ты также. Я смотрю на это дѣло со стороны и могу судить безпристрастно.

Е л и з а в е т а .

Его оправдать не возможно.

М а р і я .

Молва о немъ возбудила мое участіе. Сколько добраго и прекраснаго рассказывалъ объ немъ самъ мужъ мой! какъ счастливо было ихъ дѣшство, когда они вмѣстѣ служили пажамъ у Маркграфа!

Е л и з а в е т а .

Согласна; только скажи мнѣ пожалуйста: можешь-ли ты помочь человѣку имѣть въ себѣ чтонибудь хорошее, который спроситъ ковы лучшему, вѣрнѣйшему своему другу, продаетъ свои услуги непріятелямъ моего мужа, и ложными, низкими доносами спрашивается обольстить Императора, къ намъ такъ милосердиваго?

Н а р л ѣ .

Тешенька, шешенька! Слышите — спорожь зацѣль пѣсню: насшежь, насшежь во-роша!

Е л и з а в е т а .

Онъ возвращаешся съ добычею.

Р е й т а р ѣ (сходитъ).

Мы поймали! наша взяла! наша взяла! Желаю здравствовать, сударыни!

Е л и з а в е т а .

Вейслингенъ въ вашихъ рукахъ?

Р е й т а р ѣ .

И съ шрема рейшарами.

Е л и з а в е т а .

Опъ чего вы шакъ замѣшкались?

Р е й т а р ѣ .

Ждали его долго между Ниренбергомъ и Бамбергомъ. Онъ все не ѣхалъ, а мы знали, что онъ долженъ бытъ въ дороге. Наконецъ уже пронюжали, что онъ выбрался спороною и преспокойно себѣ пируетъ у Графа въ Шварценбергъ.

Е л и з а в е т а .

Имъ хотѣлось вооружить Графа прошивъ мужа.

Р е й т а р ѣ .

Я донесъ шопчасъ рыцарю. На коней! и поскакали въ Гаслахскій лѣсъ. Вошъ была славная шпука. Мы идемъ ночью и видимъ насшуха со спядомъ; вдругъ ошкуда

ни взялись пашь волковъ и ну душишь овецъ. Рыцарь заомылся и скажалъ: это къ добру, шоварищи! Мы всь обрадовались хорошему знаку, а пушь и выѣзжаетъ Вейслингенъ съ чешырьмя рейшарами.

М А Р І Я.

Сердце у меня бьешся.

Р Е Й Т А Р Ъ.

Мы съ камрадомъ, по приказанію рыцаря, наперли на него почши къ горлу, какъ будно срослись, шакъ, что онъ не могъ ворохнушься. А рыцарь и Гансъ напали на рейшаровъ и взяли ихъ въ полонъ. Одинъ ускользнулъ.

Е Л И ЗА В Е Т А.

Какъ хочешся мнѣ видѣшь его! Скоро пріѣдушь они?

Р Е Й Т А Р Ъ.

Теперь ѣдушь по долинь. Черезъ чешерьшь часа будушь здѣсь.

М А Р І Я.

Онъ очень печалень?

Р Е Й Т А Р Ъ.

Да, понасушилъ брови.

М А Р І Я.

Мнѣ больно будешь взглянушь на него.

Е Л И ЗА В Е Т А.

Я пойду шряпашь поскорѣе. Вѣрно вы всь голодны?

Р Е Й Т А Р Ъ.

Какъ собаки!

Е л и з а в е т а .

Возьми ключъ опшъ погреба и принеси
лучшаго вина: вась должно угоспишь за
шруды. (*Уходитъ.*)

Н а р я .

Я пойду съ шобою, пешенька.

М а р я .

Пойдемъ, щалунъ. (*Уходятъ.*)

Р е й т а р ь .

Мальчикъ не въ опца, а шо онъ побъ-
жалъ бы за мною въ конюшню.

Г е ц ь , Вейслингенъ , Рейтары.

Г е ц ь (*кладя на столъ мечъ и шлемъ*).

Разсегнише мой панцырь и дайше мнѣ
камзолъ. На льгопъ мнѣ будетъ лучше, —
шы сказалъ правду, брашь Маршинъ. — Вы
не давали намъ перевесни духу, Вейслин-
генъ! (*Вейслингенъ, не отвѣчая ни слова,
ходитъ взадъ и впередъ.*)

Г е ц ь .

Будше повеселѣе. Снимише съ себя
оружіе. Гдѣ ваше плашье? Я надюсю, что
все цѣло. (*Къ Рейтару*) Кликни его рей-
шаровъ, развяжише узлы и смошрише, чтообъ
не пропало ни нишки. Я могу впрочемъ
ссудишь вась своимъ. —

В е й с л и н г е н ь .

Все равно. Оспавъше меня, мнѣ ничего
не надо.

Г е ц ь,

Какъ угодно. У меня есть прекрасное чистое плащье, хошя впрочемъ и полошнiное. Оно мнѣ спало узко. Это плащье было на мнѣ во время свадьбы нашего милосшиваго Пфальцграфа, именно въ то время, какъ вашъ почтенный Епископъ на меня озлобился; за двѣ недѣли предъ тѣмъ я пошпилъ у него двѣ барки на Майнѣ. Какъ шеперь помню: — я всхожу по лѣсшницѣ съ Францемъ Сикингеномъ въ госшинницѣ оленя въ Гейдельбергѣ, — На этой лѣсшницѣ, не доходя до верху, есть площадка съ желѣзными перилами. Тушъ споялъ Епископъ и подалъ Францу руку, какъ онъ поровнялся съ нимъ, а потомъ и мнѣ, шедшему за Францемъ. Я разсмѣялся про себя, и послѣ подойдя къ Ландграфу Ганау, кошорый очень любилъ меня, сказалъ ему; Епископъ пожалъ мнѣ руку, — я бьюсь объ закладъ, что онъ не узналъ меня. Это Епископъ услышалъ, — ибо я нарочно говорилъ громко, — подошелъ къ намъ съ гордосшiю и сказалъ: „Разумѣеся, я пожалъ вашу руку потому шолько, что не узналъ васъ.“ Я самъ замѣшилъ, милосшивый государь, что вы не узнали меня, отвѣчалъ я ему, — потомъ-то шакъ скоро и опшиалъ свою руку назадъ. Мой Епископъ покраснѣлъ съ сердцовъ, какъ ракъ, и побѣжалъ въ комнашу къ Пфальцграфу Лудвигу и Князю Массау, и жаловался на меня. Послѣ мы часшо смѣялись надъ шимъ.

Вейслингенъ.

Оспаваше меня одного, прошу васъ.

Г е ц ь.

За чѣмъ же? Пожалуйте, будьте повеселѣ. Вы въ моей власни, правда, но я не сдѣлаю вамъ никакого зла.

Вейслингенъ.

Я не боюсь. . . . это рыцарская обязанность.

Г е ц ь.

И вы знаете, что она для меня священна.

Вейслингенъ.

Я въ плѣну. Но всему прочему я равнодушенъ.

Г е ц ь.

Вы не должны шакъ говорить. Дѣло другое, если бы вы попались къ Князьямъ, которые посадили бы васъ на цѣпь въ какомъ нибудь подземельѣ, да велѣли бы спражъ не давашъ вамъ спать пѣснями.

С л у г а съ платьями.

(Вейслингенъ переодѣвается.)

(Король входитъ.)

К о р о л ь.

Здравствуй, папенька.

Г е ц ь.

(Цѣлуетъ его). Здорово, малюшка! Какъ ты поживаешь?

Н а р л ь . . . . .

Очень умно, даянька. Тешенька сказа-
ла, что я очень уменъ.

Г в ц ь .

Право?

Н а р л ь . . . . .

Ты привезь мнѣ гостинцу?

Г в ц ь .

На эшотъ разъ ничего.

Н а р л ь .

Я много учидся.

Г в ц ь .

Э!

Н а р л ь .

Разскажешь шебѣ о добромъ мальчикѣ?

Г в ц ь .

Послѣ обѣда.

Н а р л ь . . . . .

Я еще знаю кое-что.

Г в ц ь .

Чтожъ бы такое?

Н а р л ь .

Яксшгаузенъ естъ селеніе и замокъ на
Яксшъ, и двѣши лѣшъ ужѣ принадлежишь
Господамъ Берлихингенамъ по праву на-
следства и собственности.

Г в ц ь .

Знаешь ли ты Господина Берлихингена?

Н а р л ь .

(Смотритъ на него пристально.)

Гвѣцъ (сбъ сторону).

У него ума за разумъ зашено, и онъ ошь излишней учености не узнаешь ошца, кому принадлежишь Яксшгаузенъ?

Н а р л ъ.

Яксшгаузенъ еспя селеніе, и замокъ на Яксшѣ.

Г в ѣ ц ъ.

Объ ошомъ я не спрашиваю шебя. Я зналъ всъ пропинки, дороги и броды прежде, нежели узналъ имя рѣки, селенія и замка. Мать въ кухню?

Н а р л ъ.

Въ кухню, папенъка. Она варитъ рѣпу и жаритъ баранину.

Г в ѣ ц ъ.

Ты знаешь и эшо, кухмейсперъ?

Н а р л ъ.

А для меня къ обѣду шешенъка испекла лблочко.

Г в ѣ ц ъ.

Развѣ сырыя хуже?

Н а р л ъ.

Какъ можно! — печеное вкуснѣе.

Г в ѣ ц ъ.

Ты брашь лакомка. Вейслингенъ! я скоро ворочусь къ вамъ, Мнѣ надобно повидашся съ женою. Пойдемъ со мной.

Н а р л ъ.

Кшо эшо?

Г е ц ь.

Поклонись ему и попроси его, чтобы онъ былъ повеселее.

К л а р ь.

Да — я поцѣлую тебя рыцарь; будь веселее, обдавай скоро.

Вейслингенъ (*поднимаетъ его на руки и цѣлуетъ*).

Счастливое дитя! у тебя — одна печаль, если супъ подаюшь не скоро на столъ. Дай Богъ вамъ, Берлихингенъ, радовашься на этого мальчика!

Г е ц ь.

Гдѣ много свѣшу, шамъ много и шѣни. Хорошо бы вашими уснами медъ пишь. Но чему бышь, шому не миновашь. (*Уходитъ*.)

Вейслингенъ.

О еслибъ я проснулся! если бы все это видѣлъ я шолько во снѣ! Во власши Берлихингена, онъ кошораго я насклу освобожденъ, о кошоромъ вспоминашь боялся, — кошораго надѣялся одолюшь! А онъ — шарый, добросердечный Гець! — Боже мой! Чѣмъ все это кончишя? Ты опяшь, Адельбертъ, въ этой залѣ! Здѣсь шы обыкновенно игрываль съ нимъ въ дѣшшпвѣ, — шогда шы любилъ его, какъ душу. Кшо могъ ненавидѣшь его, живши съ нимъ вмѣстѣ? — Теперь не значу я здѣсь ничего! Прошло шчастлиное время, когда, бывало, шарый Берлихингенъ сидишь у камина, а мы око-

ло него играемъ. Какъ безпокоишься будешь Епископъ и друзья мои? Я знаю, что вся наша сторона приметъ участие въ моемъ положеніи. Но что мнѣ за польза! Могутъ ли они дать мнѣ то, чего я ищу?

Гецъ (объ бутылкою вина и стаканами).

Пока кушанье неготово, мы выпьемъ вмѣстѣ. Садитесь сюда — какъ будто бы вы были дома! Думайте, что вы опять въ гостяхъ у Геца. Давно ужé не были мы вмѣстѣ, давно ужé не опоражнивали вмѣстѣ бутылочку. (Подноситъ ему) Ну, веселѣ!

Вейслингенъ.

Времена переходчивы.

Гецъ.

Да, — мы ужé не будемъ пить шакъ весело, какъ при дворѣ Маркграфа; день и ночь, бывало, мы неразлучны. Съ удовольствіемъ вспоминаю я о своей молодости. Помните-ли вы еще ссору мою съ Полякомъ, у котораго нечаянно расшрепалъ я рукавомъ курчавые и насаленные усы?

Вейслингенъ.

Эпо было за обѣдомъ, и онъ бросился на васъ съ ножомъ.

Гецъ.

Я поколошилъ его тогда порядкомъ, а вы поссорились за эпо съ его поварищемъ. Мы всегда вели себя честно и храбро, — и всѣ ошдавали намъ справедливостъ (наливаетъ и подноситъ ему). Наспоръ и Поллуксъ!

мнѣ всегда пріятно было слышать, когда Маркграфъ называлъ насъ сими именами. —

Вейслингенъ.

Епископъ Вирцбургскій выдумалъ это названіе.

Г е ц ь.

Вошь былъ ученый человекъ и добрая душа! Но смерть свою я буду вспоминать объ немъ: — какъ онъ ласкалъ насъ, какъ хвалилъ нашу дружбу. Я уважаю шого человека, говорилъ онъ, который любитъ друга какъ роднаго брата.

Вейслингенъ.

Переспаньше.

Г е ц ь.

За чѣмъ переспавашъ? Послѣ трудовъ для меня нѣтъ ничего пріятнѣе воспоминаній о прошедшемъ времени. Мы жили тогда душа въ душу, дѣлили и радость и горе, во всемъ за одно; я мечталъ, что такъ будешь во всю жизнь нашу. Чѣмъ утѣшался я, когда опсирѣлили мнѣ руку подъ Ландсгутомъ? Тобою, — ты ходилъ за мной, какъ за роднымъ братомъ. Я надѣялся, что Адельбертъ будешь впередъ моею правою рукою. А шеперь? —

Вейслингенъ.

Ахъ!

Г е ц ь.

Если бы ты согласился тогда на мое приглашеніе и поѣхалъ со мною въ Бра-

баншъ, но все осшалось бы по прежнему. Тебя удержала несчастная придворная жизнь, ты полюбилъ увиваться около женщинъ суешныхъ и порочныхъ; бывало, какъ по писанному, ты почишь имъ балы о несчастныхъ свадьбахъ, обольщенныхъ дѣвушкахъ, о жесткой кожѣ шакого — по рыцаря и о прочемъ, что онъ любяшъ слушаешъ; — я всегда говорилъ тебѣ: ей, Адельбертъ, ты избалуешься!

Вейслингень.

Къ чему все это?

Г е ц ъ.

Да, я желалъ бы позабышь это, желалъ бы, чтобы все было иначе. Вейслингень! ты родился свободнымъ, благороднымъ и независимымъ подданнымъ Императора; — за чѣмъ ты служишь васалламъ? Что тебѣ за дѣло до Епископа? Онъ сосѣдъ швой, скажешь ты, можешь вредить тебѣ; но развѣ нѣтъ у тебя рукъ и друзей, готовыхъ опмстишь за тебя? Нѣтъ, ты забываешь достоинство свободного рыцаря, который зависить только отъ Бога, Императора и самого себя! Ты забываешь честь, избялся въ при дуги предъ какимъ нибудь высокоумнымъ и злобнымъ Аббашомъ.

Вейслингень.

Позволь мнѣ говорить. . . .

Г е ц ъ.

Что хочешь ты сказать?

Вейслингенъ.

Ты смотришь на Нязей, какъ волкъ на пасшужовъ; однакожь, можно-ли порицашь ихъ за то, что они защищаютъ своихъ людей и ихъ доспояніе? Имъ нѣтъ покоя отъ несправедливыхъ рыцарей, которые по большимъ дорогамъ нападаютъ на ихъ подданныхъ, опускаютъ ихъ селенія и замки? — Съ другой стороны — земли дражайшаго нашего Имперашора подвержены нападеніямъ наслѣдственнаго врага; онъ проситъ помощи у чиновъ, а чины едва могутъ защищать собственную жизнь свою: — при такихъ обстоятельстввахъ, не по внутренію-ли благаго духа они ищутъ средствъ успокоить Германію, водворить право и справедливость, и доставить возможность большимъ и малымъ наслаждаться выгодами мира? — А насъ упрекаешь ты, Берлихингенъ, за то, что мы прибѣгаемъ подъ покровъ нашихъ сосѣдей, между тѣмъ какъ Имперашоръ самъ себя защищать не можешь.

Г е ц ь.

Да, да! я понимаю. Вейслингенъ! еслибы Нязья были шакovy, какъ ты изображаешь ихъ, то намъ нечего-бы жаловаться на нихъ. Миръ и спокойствіе! — Всякая хищная птица желаетъ спокойствія, чтобы пожирать свою добычу на просторѣ. Благосостояніе каждаго гражданина! Съ этой заботы они не посѣдьютъ. И какимъ непристойнымъ образомъ послушаютъ они съ Имперашоромъ! Онъ имѣетъ благія намѣре-

нiя и спремишся къ лучшему, — да безпрещанно подсовывающся къ нему пущоголовые совѣшники, копорые судяшъ и рдяшъ и въ косъ и криво, а чинамъ шо и на руку: они удяшъ рыбу въ мушной водъ и говоряшъ о спокойшви и безопасности государства, давя пяпою низкое сосшонiе. Я побожусь, что многiе изъ нихъ благодаряшъ Бога за шо, что Турка держишъ Имперашора за руки.

Вейслингенъ.

Вы сморшите на ашо по своему.

Гецъ.

Какъ и всякiй. — Дъло въ помъ, на чьей споронъ свѣшъ и справедливосшъ, — а надо признашся, по крайней мъръ, что вы любите дъшшвоваль въ пошемкахъ.

Вейслингенъ.

Говорите что хошите, — я вашъ пльвникъ.

Гецъ.

Если ваша совѣшъ чиспа, по вы свободны. — Что дълалось въ продолженiе мира? Я помню еще объ одномъ Сеймъ, на коемъ я былъ, по шешнадашому году, съ Маркграфомъ. Какими обморочками являлись памъ Князья, а духовные больше всѣхъ. Епископъ вашъ прожужжалъ уши Имперашору о справедливости, какъ будшо душу свою положишъ былъ гошовъ за нее; — а нынъ самъ захвашилъ у меня чловѣка,

въ то время, какъ раздоры наши были кончены, и у меня не было никакого зла на сердца. Развѣ не все рѣшено между нами? Чшо дѣлаешь онъ съ моимъ человекомъ? —

Вейслингенъ.

Эшо случилось безъ его вѣдома. —

Гецъ.

За чѣмъ же не освободилъ онъ его?

Вейслингенъ.

Онъ велъ себя не такъ какъ должно.

Гецъ.

Не такъ какъ должно! Я клянусь, чшо онъ поскупалъ какъ должно, и эшо сколько же вѣрно, какъ и то, чшо его взяли въ плѣнь съ вѣдома вашего и Епископа. Не думаете-ли вы, чшо я только нынѣ родился и не понимаю, къ чему все эшо клонится? Ныпѣ, спараго воробья на мякинѣ не обманете! —

Вейслингенъ.

Вы подозрительны и обвиняете насъ несправедливо.

Гецъ.

Вейслингенъ! говорилъ ли мнѣ опкровенно? Я у васъ бѣльмо на глазу, при всей своей незначительности, точно также, какъ Сикингенъ и Зельбицъ, потому, чшо мы твердо рѣшились благодарить за свою жизнь одного Бога и служить вѣрно одному Императору. Потому-то они и спавяпѣ мнѣ вездѣ съши, чернятъ меня предъ.

Императоромъ, своими друзьями и моими сосѣдями, и подглядывающъ за мною. Они хошяшъ выжишъ меня со свѣпа, во что бы по ни спало. Человѣка моего захвапили за шо, что онъ посланъ былъ, какъ вы провѣдали, за извѣспіями; а вель онъ себя не шакъ, какъ должно, пошому что не предаль меня вамъ. И шы, Вейслингень, и шы служишъ имъ орудіемъ!

Вейслингень.

Берлихингенъ!

Гецъ.

Ни слова больше! я не охотникъ до объясненій. При нихъ обманываешъ или себя, или другаго, а по большей часши обоихъ.

Карль.

Кушашъ, бапюшка!

Гецъ.

Добрая вѣспъ. Пойдемше; я надвюсь, что мои бабы развеселяшъ васъ. Прежде вы любили ихъ, и дѣвушки не могли наговориться съ вами. Пойдемше! (*Уходятъ.*)

ВЪ ЕПИСКОПСКОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ БАМ-
БЕРГѢ.

С т о л о в а я.

Епископъ Бамбергскій, Авбатъ Фульд-
скій, Оларій, Ливетраутъ; придворные за
Ч. I. Но I и II. 8

*столомъ. Приносятъ закуски и большіе
показы.*

Епископъ.

Много дворянъ Нѣмецкихъ училися въ
Волоніи?

Оларій.

Дворянъ и разночинцевъ. И не хваспов-
ски скажешь, они заслуживаютъ себѣ вели-
чайшую похвалу. Въ Академіи Нѣмецкое
прилежаніе вошло въ пословицу. Между
тѣмъ, какъ разночинцы прилагаютъ досто-
хвальное стараніе вознаградишь паланшами
низосишь происхожденія, дворяне съ досто-
хвальнымъ соревнованіемъ спараются на-
слѣдственное достоинство возвыситъ бли-
стательнѣйшими заслугами.

Аввѣтъ.

Каково!

Ливетраутъ.

Вошъ до какихъ чудесъ доживаютъ на
свѣтѣ! Прилежаніе Нѣмецкое вошло въ по-
словицу! Ошъ роду моего не слыхалъ я
ничего подобнаго.

Оларій.

Да, да, всю Академію удивляютъ они,
и нѣкошорые изъ нихъ, спаршіе и способ-
нѣйшіе, скоро пріѣдутъ сюда Докшорами.
Счастливъ Имперашоръ будетъ, если поса-
дитъ ихъ на первыя мѣсна.

Епископъ.

Такъ, я думаю, и будешь.

А в в а т ь.

Не знаете ли вы, на примѣръ, одного
молодаго дворянина? — Онъ изъ Гессена.

О л е а р і й.

Тамъ много Гессенцевъ.

А в в а т ь.

— Его зовушь... онъ... Не знаешь ли кто
нибудь изъ васъ? — Мать его была родомъ...
ошець, кривой, служилъ Маршаломъ.

Л и в е т р а у т ь.

Баронъ Вильдентгольцъ?

А в в а т ь.

Такъ, шакъ, Фонъ - Вильдентгольцъ.

О л е а р і й.

Я знаю его. — Молодой человекъ съ
большими способностями. Особенно хва-
лять его за стойкость въ спорахъ.

А в в а т ь.

Онъ вѣрно пойдетъ по мащери.

Л и в е т р а у т ь.

Однакомъ мужъ никогда не хвалилъ ее
за это.

Е п и с к о п ь.

Какъ, говорите вы, звали того Им-
ператора, который написалъ ваше Corpus juris?

О л е а р і й.

Юстиніанъ.

Е п и с к о п ь.

Превосходный Государь! Его здоровье!

О л е а р і й.

Вѣчная память ему! (Пьютъ.)

А в в а т ь.

Онъ написалъ хорошую книгу?

О л е а р і й.

Ее можно назвать книгою всѣхъ книгъ: собраніе всѣхъ законовъ, — на всякой случай приговоръ гошовъ; а если бы что и оказалось недоспапчочнымъ и шемнымъ, по сіе шемное и недоспапчочное объясняешся и дополняешся въ глоссахъ, коими ученѣйшіе мужи украсили превосходнѣйшее сочиненіе.

А в в а т ь.

Собраніе всѣхъ законовъ! Тѣфу пропасть! Да здѣсь должны бышь и десяшь заповѣдей.

О л е а р і й.

Implicite, разумѣшся, но не explicite.

А в в а т ь.

Такъ я и разумѣль — слово въ слово, безъ дальнѣйшей экспликаціи.

Е п и с к о п ь.

И вошь чѣмъ хорошо, что Государство, гдѣ, какъ вы говорите, право сіе вполне введущъ и исправно соблюдать будущъ, можешъ жишь въ миръ и покоѣ.

О л е а р і й.

Безъ сомнѣнія.

Е п и с к о п ь.

За всѣхъ doctores juris!

О л е а р і й.

Я ошвѣчаю за эшо. (Пьютъ.) О если бы на моей родинѣ говорили шакимъ образомъ! —

А в в а т ь.

Вы ошкуда, почтеннѣйшій Докшоръ?

О л е а р і й.

Изъ Франкфурша на Майнѣ, Ваше Преподобіе!

Е п и с к о п ь.

Развѣ вы шамъ не въ чесши? Ошъ чего же происходишь эшо? —

О л е а р і й.

Удивительное дѣло! Я ѣздилъ шуда за полученіемъ наслѣдшва послѣ покойнаго рошиселя, и чернѣ чущѣ не побила меня каменьями, услышавъ, что я правовѣдецъ.

А в в а т ь.

Сохрани Богъ!

О л е а р і й.

Но сіе вошъ ошъ чего происходишь: судилище, кошорое пользуетшя великимъ повсемѣшнимъ уваженіемъ, сосшавлено шамъ изъ людей, не имѣющихъ никакого поняшія о Римскомъ Правѣ. Думающѣ, что правительству досшашочно лѣшами и ошшомъ пріобрѣсли себѣ шочное познаніе о внушреннемъ и внѣшнемъ сосшояніи города. Такимъ образомъ горожане и поселане управляютшя обычаями и немногими шашушами.

А в в а т ь,

Это очень хорошо,

О л е а р і й,

Но слишкомъ недостаточно. Жизнь людей корочка, и съ однимъ поколѣніемъ не могутъ перебивать всѣ случаи. Въ нашей книгѣ законовъ собраны случаи изъ многихъ спольшій. И припомъ — воля и образъ мыслей у людей споль шашки, что нынѣ одному кажущееся справедливымъ, другимъ завтра опровергается; а пошому замѣшашельство и несправедливосць неизбѣжны. Все сіе опредѣляютъ законы, а законы непреложны.

А в в а т ь,

Такъ въ самомъ дѣлѣ лучше.

О л е а р і й.

Сего никакъ не постигаешь чернь, копорая, при всей своей склонности къ новому, терпѣшь не можешь нововведеній, преимущественно шѣхъ, кои принуждаютъ ее оставить свою колею, хотя бы и къ лучшему. Юрисповъ почиаютъ сіи несмысленные наравнѣ съ мяпежниками государсшвенными и разбойниками, и бѣсяпся, если какой-либо вздумаетъ поселиться между ними.

Л и б е т р а у т ь.

Вы изъ Франкфурша! У меня шамъ много знакомыхъ. Въ коронацію Максимилианову мы понасоллили вашимъ женихамъ. Васъ зовутъ Олеаріемъ! Я не слыхивалъ шамъ эшаго имени.

О л е а р і й.

Ошца моего звали Ольманомъ, и шолько во избѣжаніе варварскаго звука на заглавіи Лапинскихъ моихъ сочиненій назвался я, по примѣру и совѣшу моихъ досшойныхъ наспавниковъ, Олеаріемъ.

Л и в е т р а у т ь.

Вы хорошо сдѣлали, что перевели себя. Пророку нѣтъ чесши на родинѣ: шакъ было бы и съ вами на вашемъ опечесшвенномъ языкѣ.

О л е а р і й.

Не сею причиною я руководствовался.

Л и в е т р а у т ь.

На всякое дѣло бываетъ по дѣвъ причинъ.

А в в а т ь.

Пророку нѣтъ чесши на родинѣ.

Л и в е т р а у т ь.

И знаете ли вы почему, досшопочтеннѣйшій пасшырь?

А в в а т ь.

Пшому что онъ шамъ родился и восшывался.

Л и в е т р а у т ь.

Хорошо — эшо одна причина; а волтъ другая: сіи господа издали облакающа покровомъ свяшосши и важносши, а вблизи посмошрѣшь на нихъ, шакъ и исчезаешь шу-

манъ, и они являюся въ наспоющемъ своемъ видѣ — пуспыми людьми.

О л в а р і й.

Вы, кажешся, по должности, говорише испины.

Л и в е т р а у т ь.

Если у меня еспь чшо нибудь въ головѣ, шо въ словахъ недосшапка не бываетъ...

О л в а р і й.

А въ искусствѣ хорошо и кшаши выражашься.

Л и в е т р а у т ь.

Піявки сосушь кровь вездѣ, куда ни присади.

О л в а р і й.

Пшица видна по полешу, впрочемъ не худо бы вамъ привѣсишь пару колокольчиковъ къ своему колпаку.

Л и в е т р а у т ь.

Гдѣ доспали вы себѣ дипломъ? Это хорошо знашь на случай: можешъ бышь и мнѣ когда нибудь вздумаешся надѣшь докшорскій парикъ, шакъ надо знашь большую дорогу.

О л в а р і й.

Вы дерзки.

Л и в е т р а у т ь.

Вы надменны чрезъ чуръ.

(Епископъ и Аббатъ смѣются.)

Епископъ.

Переспаньше, господа! къ чему горячишься? За споломъ должно бышь согласіе. Начни что нибудь другое, Либешраушь.

Ливетрауть.

Близъ Фракфурша ешь мѣсто, кошорое называется Саксен - Гаузенъ. . . .

О л е а р і й (къ Епископу).

Что говорятъ о Турецкомъ походѣ, Ваше Преосвященство?

Епископъ.

Для Императора всего нужнѣе успокоить Государство, прекратишь раздоры и привесшь въ уваженіе судилища. Послѣ этого пойдешъ онъ лично, говоряшь, прошивъ враговъ Имперіи и Христіанской религіи. Теперь ему и дома много хлопощъ; и Государство, не смопря на заключеніе сороколѣшняго мира, все еще имѣешъ въ себѣ вершены разбойниковъ. Франконія, Швабія, Верхній Рейнь и сопредѣльныя страны разоряюся дерзкими и опшважными рыцарями. Сикингенъ, Сельбиць хромоногій, Берлихингенъ - желѣзная рука, смѣюся въ сихъ спранахъ надъ Императорскими пошпановленіями.

А в в а т ь.

Его Величеству надобно приняшь за нихъ; эши молодцы хошь кого запрячущъ въ мѣшокъ.

Л и в е т р а у т ь .

Хошь Фульдскую бочку съ виномъ.

Е п и с к о п ь .

Особенно послѣдній съ давняго времени мнѣ врагъ непримиримый и превожитъ меня, не давая ошдыха. Но эшо продолжишся не долго, я надѣюсь. Имперашоръ имѣетъ дворъ свой шеперь въ Аугсбургъ. Мы приняли свои мѣры и неудача невозможна. Знаете вы Аделберша фонъ Вейслингена, господинъ Докпоръ?

О л а р ь .

Нѣтъ, Ваше Преосвященство!

Е п и с к о п ь .

Дождишесь его возвращенія, шо — вы порадуетесь, увидя благороднѣйшаго, умнѣйшаго и любезнѣйшаго Рыцаря.

О л а р ь .

Заслуживъ ошъ васъ подобную хвалу, онъ долженъ бышь человекомъ превосходнѣйшимъ.

Л и в е т р а у т ь .

Онъ не былъ ни въ какой Академіи.

Е п и с к о п ь .

Мы знаемъ эшо. (*Служители подбѣгаютъ къ окну*) Чшо шакое?

С л у ж и т е л ь .

Ферберъ, Вейслингеновъ конюхъ, възжаешъ въ вороша.

Е П И С К О П Ъ.

Узнайше, съ какимъ извѣстіемъ при-
ѣхалъ онъ. (*Либетраутъ уходитъ. Они
встаютъ и пьютъ еще вмѣстѣ.*)

(*Либетраутъ возвращается.*)

Е П И С К О П Ъ.

Что новаго?

Л И В Е Т Р А У Т Ъ.

Я жедалъ бы, чѣмъ онъ самъ сказалъ
вамъ эпо. Вейслингенъ взялъ въ плѣнъ.

Е П И С К О П Ъ.

Какъ?

Л И В Е Т Р А У Т Ъ.

Верлихингенъ полонилъ его съ шрема
рейшарами подъ Гаслахомъ; четвертый
спасся бѣгствомъ и привезъ вамъ сіе извѣстіе.

А В В А Т Ъ,

Ювлевъ вѣспникъ!

О Л Е А Р І Й.

Я сожалѣю ошъ всего сердца,

Е П И С К О П Ъ.

Я хочу видѣшь конюха; приведите его
сюда. Я хочу самъ говоришь съ нимъ; при-
ведите его ко мнѣ въ кабинетъ. (*Уходитъ.*)

А В В А Т Ъ (*садится*).

Еще гложнушь.

(*Слуги наливаютъ.*)

О л е г і й.

Не угодно ли Вашему Преподобію сдѣлать небольшую прогулку по саду? Post coenam stabis, sev passus mille meabis.

Л и в е т р а у т ь.

Въ самомъ дѣлѣ — сидѣшь для васъ нездорово: параличъ можешъ разбишь.

(Аббатъ пожимается.)

Л и в е т р а у т ь *(Про себя).*

Лишь только бы вызвать мнѣ его на чистый воздухъ, — шамъ я постараюсь объ окзерциціи.

Я К С Т А У З Е Н ь.

М а р і я, В е й с л и н г е н ь.

М а р і я.

Вы говорите, что любите меня. Я вамъ вѣрю съ удовольствіемъ и надѣюсь обрѣсти счастье съ вами, — надѣюсь осчастливить и васъ.

В е й с л и н г е н ь.

Я чувствую только, что я весь швой.

(Обнимаетъ ее.)

М а р і я.

Перестаньте, прошу васъ. Я позволила вамъ поцѣловать себя въ задашокъ, а вы хошите, кажешся, располагать хозяйски пѣмъ, что принадлежишь вамъ только съ условіемъ.

Вейслингенъ.

Вы очень строги, Марія. Невинная любовь пріятна Богу. Здѣсь нѣтъ грѣха.

Марія.

Можешь бышь! Но я не шакъ воспитана. Мнѣ всегда шолковали, что ласки, какъ цѣни, крѣпки своею связью; а дѣвушки, копорыя любяшь, бываюшь слабѣ Самсона осприженнаго.

Вейслингенъ.

Кто шолковалъ вамъ эшо?

Марія.

Наспояпельница въ нашемъ монастырѣ. До шестнадцати лѣтъ жила я у нея, и шолько съ вами чувшвую вновѣ по шаспие, копорымъ наслаждалась въ общеспвѣ съ нею. Она любила и умѣла говоришь. У нея было нѣжное сердце! Прекрасная женщина!

Вейслингенъ.

И шакъ она была похожа на шебя. *(Беретъ ее за руку)* Чшо будешъ со мною, если мнѣ должно будешъ оспавишь шебя!

Марія.

(Отнимаетъ у него руку) Тебѣ будешъ грушно, я надѣюсь: я знаю эшо по себѣ. Но шы долженъ уѣхашъ.

Вейслингенъ.

Долженъ, моя Марія, и хочу. Я чувшвую, какое блаженштво пріобрѣшу я себѣ эшою жершвою. Да будешъ благословенъ

брашъ швой и день, въ кошорой онъ вы-
вхалъ изъ своего замка съ намѣреніемъ взять
меня въ плѣнъ.

М А Р І Я.

Онъ надѣялся за себя и за тебя. Про-
щайше, сказалъ онъ, распаваясь; можешь
бышь, я найду опять Вейслингена.

Вейслингенъ.

Онъ нашель его. Какъ жаль мнѣ, что
я въ вихрѣ придворной жизни нерадѣлъ
объ управленіи моими помѣстьями и ихъ
безопасности! Я могъ бы пошчасъ женишь-
ся на тебѣ.

М А Р І Я.

Ошсрочка имѣешь свои удовольствія.

Вейслингенъ.

Не говори этого, Марія; иначе я дол-
женъ буду бояшься. Ты чувствуешь слабѣ
меня. Впрочемъ, я несу наказаніе по спра-
ведливости; и какія надежды будушь сопро-
вождашь меня на всякомъ шагу! Бышь со-
вершенно швоимъ, жишь къ тебѣ, — жишь
въ кругу людей добродѣтельныхъ, — въ
удаленіи ошъ свѣша, — наслаждашься сча-
стіемъ, кошорое два сердца взаимно себѣ
доспавляютъ! Что значишь Царская ми-
лосшь, свѣшскіе успѣхи, въ сравненіи съ
симъ просшымъ, несравненнымъ блажен-
ствомъ! Я многого желалъ, и надѣялся:
это превышаетъ всѣ мои надежды и желанія.

Г в ц ь (входитъ).

Вашъ гонецъ ворошился; ошъ голода и усшалосши онъ не можешъ выговоришь почти ни слова. Жена кормишь его. Сколько я понялъ его: Епископъ не хочешъ выдать моего челоувка до шѣхъ поръ, пока не выберушся Имперашорскіе коммисары и не назначушъ дня для разбирашельсшва дѣла. Пусшь онъ шворишь, что ему угодно. Аделбершь! вы свободны; я шребую ошъ васъ, шолько чесшнаго слова, чшобъ вы не подавали никакой помощи моимъ непріашелямъ — ни явно, ни шайно.

Вейслингень.

Вошь вамъ моя рука. Съ сей минушмы дружешшво и довѣренносшь да будушь между нами ненарушимо, какъ вѣчный законъ природы! Позвольше взяшь мнѣ и сію руку (*онъ беретъ руку Маріи*), позвольше мнѣ обладашь сею благородною дѣвицею!

Г в ц ь.

Сказашь-ли мнѣ за шебя да?

М а р і я.

Если вы скажете вмѣсшѣ со мною.

Г в ц ь.

Къ счасшію — наши выгоды на сей разъ одинаковы. Тебѣ не нужно краснѣшь; въ швоихъ глазахъ видно признаніе. И шакъ, Вейслингень, дайше руку и я скажу — аминь! — Мой брашь и мой другъ! сеспра, я шебѣ очень благодарень! Ты имѣешъ спо-

собности — не на одну пряжу: шы вышкала съшь и полонила эшу райскую пшцу. — Но — Аделбертъ! шы какъ — шо не совсъмь свободенъ! Чшо у шебя? Я — я совершенно счасливъ. О чемъ я мечшаль во снѣ, шо я вижу на яву, и признаюсь, все почишаю себя во снѣ. Ну, вопшь мой сонъ сбылся. Нынѣ ночью мнѣ представилось, чшо я подаль шебѣ свою правую желѣзную руку и шы схвашился за нее шакъ крѣпко, чшо она вывалилась изъ поручней. Я испугался и проснулся. Мнѣ надобно-бы было уснуть еще, и я увидѣлъ-бы, чшо шы приспавляешь мнѣ новую руку. Ты долженъ шеперь привеспи къ порядокъ свой замокъ и помѣшья; прокляпой дворъ засшавиль шебя нерадѣшь о нихъ. Мнѣ надобно позвашь жену. Елизавета!

М а р і я .

Брашець внѣ себя ошь радости.

Вейслингенъ.

Между швѣмъ не больше меня.

Г е ц ъ .

Ты будешь весело жишь.

М а р і я .

Франконія благословенная шрана.

Вейслингенъ.

И я могу сказашь, чшо мой замокъ находишся въ самой благословенной ея части, на самомъ веселомъ мѣсшѣ.

Г е ц ъ .

Точно можеше, и я подшверждаю. Здѣсь прошекаешь Майнъ; надъ нимъ покашо воз-

вышается гора, покрытая пажитями и виноградниками, — на вершинѣ замокъ, — рѣка оборачивается подъ утесомъ около него — окна въ большой залъ находящійся прямо надъ водою. Видъ — на нѣсколько миль.

Елизавета (входитъ).

Что у насъ дѣлается?

Г в ц ѣ.

Подавай руку и говори: Богъ да благословишь насъ! — предъ тобой женихъ съ невестой.

Елизавета.

Такъ скоро?

Г в ц ѣ.

Но не совсемъ нечаянно!

Елизавета.

Дай Богъ, чтобы вы всегда такъ ее любили, какъ теперь! И попомъ: дай Богъ, чтобы такъ были счастливы, какъ она любилъ васъ!

В е й с л и н г е н ѣ.

Аминь! Я не принимаю счастья иначе, какъ подъ симъ условіемъ.

Г в ц ѣ.

Женихъ отправляется въ путь, Елизавета, и за большою переменою сдѣлалъ всегда малымъ; онъ удаленъ сверху отъ Епископскаго двора, чтобы охладить вене-

Ч. I. Но I и II.

9

многоу дружесство; копомъ огнинешъ свои помѣстья изъ рукъ корыстолюбивыхъ наемщиковъ, и . . . Но поидемъ, сестра, поидемъ Елизавета! оставимъ его одного. Рейшаръ вѣрно привезъ къ нему тайныя завѣщанія.

Вейслинггенъ.

Отъ васъ нѣтъ ничего тайнаго.

Гецъ.

На что намъ это? — Франконія и Швабія! вы породнились близко. Какъ посмѣемся мы теперь надъ всеми Имперскими чинами! (*Уходятъ.*)

Вейслинггенъ.

Боже милосердый! мнѣ недостойному низпослалъ Ты такое благополучіе! Этого слишкомъ много для моего сердца. Въ какомъ ослѣпленіи блуждалъ я досель; я зависѣлъ отъ сихъ мѣлкихъ, ничтожныхъ людей, надъ копорыми думалъ властвовать; во взорахъ Епископа, въ поклонахъ его свипы я искалъ своихъ наслажденій. Гецъ, любезный Гецъ! ты возвратилъ мнѣ меня самаго, а ты, Марія, ты довершаешь перемѣну въ образъ моихъ мыслей. Мнѣ свободно, какъ на чистомъ воздухѣ. Я не хочу болѣе видѣть Бамберга, я прерву всѣ поспыдныя связи, меня унижавшія! Сердце мое расширяется: здѣсь нѣтъ ничтожныхъ порывовъ преслушнаго честолюбія. Только шопъ великъ и счастливъ, кому не нужно ни повелѣвать, ни повино-

вашься, для того, чшобъ жить на свѣтѣ съ удовольствіемъ.

Францъ (входитъ).

Рыцарь, здравствуйте! Я столько привезъ вамъ поклоновъ, что не знаю, съ котораго начинать. Бамбергъ и всѣ мѣста на десятихъ миль въ окружности вамъ кланяющся.

Вейслингенъ.

Хорошо, Францъ! Что еще привезъ ты мнѣ?

Францъ.

Дворъ такъ воспоминаеть объ васъ, что и описать не лзя.

Вейслингенъ.

Что продолжишься не долго!

Францъ.

Покамысь вы живы; а по смерти вашей будете сіять ярче мѣдныхъ буквъ на надгробномъ памятникѣ. Какъ сожалюшь о нашемъ несчастіи! —

Вейслингенъ.

Что сказалъ Епископъ?

Францъ.

Загонила меня вопросами така, что и не имья времени отвѣчать ему. Онъ зналъ уже о нашемъ похиженіи: Ферберъ, спасшійся подъ Гаслахомъ, принесъ ему извѣстіе прежде меня; но онъ хотѣлъ знать всѣ подробности. Съ какимъ безпокойствомъ спра-

шнвалъ онъ, не ранены ли вы? Я ошмачалъ, что вы цѣлы съ головы до ногъ.

Вейслингенъ.

Что сказалъ онъ о предложеніяхъ?

Францъ.

Онъ согласился выдать человека и заплашишь деньги, лишь бы освободишь васъ. Услышавъ же, что васъ опущиашъ и безъ этого, и что одно ваше слово оспаешся у Геца залогомъ, онъ вздумалъ опсрочить. Попомъ сдѣлалъ онъ мнѣ тысячу порученій къ вамъ — но я позабылъ ихъ всѣ. Это была длинная проповѣдь на шему: я не могу обойтись безъ Вейслингена.

Вейслингенъ.

Привыкнешъ.

Францъ.

Что это значить? Онъ велѣлъ мнѣ шорить васъ: за вами ошановка.

Вейслингенъ.

Пусть подождутъ. Я не ѣду ко двору.

Францъ.

Не ѣдете ко двору, Рыцарь? Что съ вами сдѣалось? Если бы вы знали, что я знаю. Если бы вы хоть во снѣ увидѣли шо, что я видѣлъ на яву.

Вейслингенъ.

Что такое?

Ф р а н ц ѣ .

Опшъ одного воспоминанія я выхожу изъ себя. Бамбергъ уже не Бамбергъ, а преддверіе рая: Ангель въ образъ женщины озаряешь его своимъ присушествомъ.

Вейслинггенъ.

Только?

Ф р а н ц ѣ .

Я готовъ поспричься, если вы не вмѣдше изъ себя, увидя ее.

Вейслинггенъ.

Что же это такая?

Ф р а н ц ѣ .

Адельгейда фонъ Вальдорфъ.

Вейслинггенъ.

Она! Я слышала много о ея красотѣ.

Ф р а н ц ѣ .

Вы слышали! Что вы говорите? Развѣ можно видѣть музыку? Можно ли словами выразить одну черту изъ ея прелестей, когда глазами ихъ обозрѣть невозможно?

Вейслинггенъ.

Ты не въ полномъ умѣ.

Ф р а н ц ѣ .

Можешь быть. Видя ее въ послѣдній разъ, я былъ безъ памяти, какъ пьяный, — я былъ въ неописанномъ восторгѣ; всѣ чувства мои были сильнѣе, возвышеннѣе, совершеннѣе, но безъ дѣйствій.

Вейслингенъ.

Чудеса!

Ф р а н ц ѣ ,

Она сидѣла у Епископа во время моей аудіенціи. Они играли въ шахматы. Епископъ былъ очень милосливъ, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и говорилъ много, однакожъ я не понималъ ничего. Я смотрѣлъ на его сосѣдку; она успремила все свое вниманіе на доску, какъ-бы обдумывая рѣшительный ударъ. Тонкая хитросць была видна во всѣхъ чертахъ ея. Какъ желалъ я бытъ шахматнымъ Королемъ! Какое благородство, какая привѣтливосць во взорахъ! Осльпительная бѣлизна лица и груди возвышались еще болѣе темными волосами.

Вейслингенъ.

Ты сдѣлался ошъ недъ пощомъ.

Ф р а н ц ѣ ,

И такъ я знаю теперь, что шворить поашовъ; полное, полное однимъ чувствованиемъ сердце. Когда Епископъ кончилъ и я поклонился, она взглянула на меня и сказала: „Поклонъ и ошъ меня, ошъ незнакомки! Скажи ему, чтообъ онъ прѣзжалъ скорѣе; новые друзья дожидаются его. Онъ не долженъ пренебрегать ими, хошя и имѣешь много старыхъ.“ Я хотѣлъ отвѣчать, но между сердцемъ и языкомъ не было уже общенія, — я поклонился! Между шѣмъ, какъ я сцоялъ шакимъ образомъ, Епископъ уронилъ пѣщку; я бросился поднимать ее и

коснулся ея плащья; огонь пробивалъ по
всѣмъ моимъ членамъ и я не помню, какъ
очушился за дверью.

Вейслингенъ.

Мужъ ея при дворѣ?

Францъ!

Четыре мѣсяца уже она овдовѣла. Для
разсвѣнія щедрѣе живетъ въ Бамбергѣ. Вы
увидите: взглядъ ея озаряетъ, какъ весен-
нее солнце.

Вейслингенъ.

На меня не произведешь онъ никакого
дѣйствія.

Францъ.

У васъ былъ сговоръ, я слышалъ.

Вейслингенъ!

Я желаю, чтобъ ужъ былъ онъ! Моя милая
Марія! онъ нея зависитъ счастье моей жизни.
Крошкая душа ея изображается въ голубыхъ
глазахъ. Какъ Ангелъ небесный, сотворенный
изъ любви и невинности, доставитъ она
моему сердцу спокойствіе и блаженство.
Укладывайся, и попомъ въ мой замокъ. Я
не хочу видѣть Бамберга, хотя бы самъ
Свяшій Вейшь звалъ меня туда своею осо-
бою. *(Уходитъ.)*

Францъ.

Сохрани Боже! будемъ надѣяться луч-
шаго? Марія прекрасна, любезна. Пльви-

микъ и больной могъ влюбисься въ нее: въ глазахъ ея спозовко утѣшенія, спозовко шомности дружелюбной. Но въ тебѣ, Адельгейдъ, все жизнь, огонь, духъ — я бы... Я дуракъ, одинъ взглядъ ея свель меня съ ума. Мой Рыцарь долженъ вхашь шуда! Я долженъ вхашь шуда. Тамъ я или образумлюсь, или совсѣмъ сойду съ ума. —

М. Погодинъ.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ КАДРИЛИ.

Провинціальный анекдотъ.

Чершогн пышныя не веселятъ меня ;
И въ скромной хижинѣ съ друзьями счастливъ я.

Недавно получилъ я опть одного изъ моихъ пріятелей, опспавнаго Капишанъ-Лейшенанша Г***, предлинное посланіе, въ кошоромъ онъ, между прочимъ, описываетъ довольно забавное, но пришомъ весьма неприятное для него происшествіе : главная причина всей бѣды есть *Французская кадрили*. Прошу извинить меня, почтенные любители и любительницы этого прекраснаго шанца. Знаю, что многіе изъ васъ будущъ мною недовольны и что упреки посыплюсь на меня со всѣхъ споронъ ; но письмо бывшаго моего сослуживца показалось мнѣ въ своемъ родѣ такъ оригинальнымъ, что я не могъ опказашъ себѣ въ удовольствіи его напечаташъ.

„Сколько неосновательныхъ причинъ (пишетъ мой пріятель) доводяшь иногда людей до совершенной глупости, происходящей опть шого, что многіе, рабски подражая модѣ, вовсе не думаютъ о томъ, что это подражаніе, до кошораго они достигаютъ съ большимъ трудомъ, легко можешъ повредить ихъ семейственному благополу-

чію. — Надобно безпрекословно повиновашься модѣ, — говоряшь они, и упрямые ихъ головы ни за что не хомяшь опспунилишь опъ ея правилъ. Какъ часто и какъ несправедливо прекрасныхъ молодыхъ людей, съ хорошими дарованіями, а что еще болѣе, съ превосходнымъ сердцемъ, называющъ невѣждами, людьми безъ всякаго воспитанія, шолько пошому, что они не знающъ науки, входя въ горницу, шаркашь ногами, ловко, почши по воздуху, подлешъшь къ хозяйкѣ дома и масперски раскланяшьсь съ общеспвомъ; шпо причиною, что ихъ почши не замѣчаютъ въ блестящей шолтѣ молодыхъ повѣсь, кошорые, разодръвшись въ пухъ и весьма забавно высшудая какъ Индѣйскіе пѣшухи, воображаютъ себѣ, что они очень важные люди. Зашвердивъ нѣсколко эпиграммъ и экспромпшовъ, они бдншельнымъ окомъ разсмаприваютъ окружающихъ, мысленно гоповяшь выученные спишки и съ жадношью ловяшь случай сказашъ ихъ ксташи, чтобы блеснушь мишурною ученосшью и прослышь ошпракомъ въ свѣшъ.

„Какая пропивоположностъ въ кругу дружескомъ! Тамъ шшихъ самыхъ людей, кошорыхъ шполь не благосклонно принимающъ въ шакъ называемомъ *хорошемъ* общеспвѣ, любяшь и цѣняшь гораздо выше всѣхъ образованнѣйшихъ свѣтскихъ франшовъ. Не смопря на шо, многіе, желая узнать людей по наружностши, судяшь объ нихъ съ перваго взгляда, и почши всегда ошибаясь, не

смотря на то, остающся при томъ же мнѣніи.

„Много случалось мнѣ видѣть подобныхъ спранныстей; я не замѣчалъ или, лучше сказать, не хотѣлъ замѣчать ихъ, потому что онѣ до меня не касались. Но недавно нѣкошорые изъ моихъ сосѣдей такъ сильно оскорбили мое самолюбіе своими глупостями, что я рѣшился, помѣстивъ это небольшое вступленіе, описать тебѣ бывшій со мной случай.

„Тебѣ извѣстно, любезный другъ, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я не имѣлъ склонности къ шанцамъ и, посвятивъ себя изученію морскихъ наукъ, вовсе не занимался шѣмъ, что шанцовальный нашъ учитель Г-нъ де Розье очень часто, посадивъ насъ въ рядъ, громогласно повсорялъ: *держись прямо — присѣдай ниже — правой ногой впередъ — начинай*, и пропаянно приговаривая *разъ - два - три*, при окончательномъ удареніи каждаго слова поднималъ и опускалъ руку, забавно подражая движеніямъ своихъ учениковъ. Не обращая на это особеннаго вниманія, я съ неперпѣніемъ ожидалъ конца скучныхъ уроковъ. Но за всѣмъ шѣмъ прошивъ воли выучили меня ходить польскою, вальсировать подъ музыку и изрядно прыгать экосезъ. О прочемъ мало заботились, и я былъ очень доволенъ, когда освободился отъ несноснаго учителя, который заспавлялъ меня спояшь по нѣсколькимъ часовъ за спулкомъ, наблюдая припомъ очень строго за моими носками, чтобы

они непременно находились въ прямой линіи. Никогда не забуду того, съ какимъ удовольствіемъ уходилъ я изъ класса, когда по окончаніи онаго меня выпускали на свободу, вовсе не думая, что эти проклятые шанцы будутъ въ послѣдствіи имѣть такое важное вліяніе на судьбу мою.

Смерть родителей моихъ и разсвоенное имѣніе заставили меня выдти въ опсавку. По приѣздѣ въ свою деревню, будучи занявъ домашними дѣлами, я не имѣлъ еще времени посѣтить всѣхъ моихъ сосѣдей, какъ вдругъ случай довольно странной познакомиль меня съ Баронессою *Книксъ*, живущею въ своемъ помѣстьи *Рухтичь*, въ семи верстахъ отъ моей усадьбы. Будучи спрасшною обожащельницею шанцовъ, она въ особенноти любитъ вальсъ; но какъ въ деревнѣ, гдѣ праздныхъ людей очень мало и гдѣ всякой имѣетъ свои хлопоты, не всегда можно составить партію, но Г-жа Книксъ въ утѣшеніе себѣ кружится одна въ огромномъ залѣ по нѣскольку часовъ сряду, между тѣмъ какъ внучка ея, дѣвица *Аделаида Л****, принужденно играетъ на разсвоенныхъ клавикордахъ. Всякой имѣетъ свои слабости, и я вовсе не намѣренъ оуждать почтенную Баронессу въ ея невинной забавѣ, кошора, не причиняя никому вреда, доставляла еще пользу молодой ея внучкѣ. Посвящая большую часть времени въ угодноти своей бабушки, она совершенно разигрываетъ всѣ вальсы *камейдокусхикона*, составленіе кошорыхъ

обыкновенно принимаешь на себя сама Г-жа Книксъ, будучи весьма благодарна за легкое средство издашело сего музыкальнаго упражненія. Къ несчастію моему, кому-то вздумалось жестоко подшутить надо мною, увѣривъ ее, что я большой охошникъ вальсировать. Надежда блеснула въ глазахъ спарушки, и она, узнавъ о близкомъ сосѣдствѣ, не замедлила пригласить меня къ себѣ ошкучать въ первое воскресенье.

„Не зная странностей Боронессы Книксъ и будучи благодаренъ за оказанную мнѣ съ ея стороны вѣжливостъ, я пошчасъ рѣшился сдѣлать ешо новое знакомство, и ровно въ двѣнадцать часовъ санки мои остановились у подъѣзда огромныхъ хоромъ Гошической архисекшурѣ; двое дюжихъ распудренныхъ слугъ, въ ливреяхъ спариннаго покроя, почтительно вспрѣшили меня у входа передней: одинъ изъ нихъ принялъ мою шубу, а другой проводилъ меня до госпиной, увѣдомляя припомъ, что Боронесса еще не выходила. Пожалвъ, что шакъ рано прѣхалъ, я началъ разсмахривать естампы въ золотыхъ рамахъ, развѣшанные надъ большимъ диваномъ. „Какъ прикажете доложить объ васъ?“ важно спросилъ меня вошедшій въ комнату человекъ кубической фигурѣ въ синемъ фракѣ, въ красныхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ мѣдными пряжками. Маленькое лице эшого чудака едва выглядывало изъ за высокаго галсшуха, завязаннаго впереди пышнымъ баншомъ. — Посмѣявшись глупому наряду господина камердинера, я приказалъ

сказать, что привалъ отставной Капитанъ-Лейтенантъ Г***, сосѣдъ Баронессы, лично засвидѣтельствовалъ ей свое почтеніе. Наконецъ двери насрѣжъ растворились. Попугай, стоявшій въ углу горницы, явственнo прокричалъ: *Bon jour Madame!* и Г-жа Книксъ въ сопровожденіи трехъ маленькихъ собаченокъ, которыя ворчали забавное шрѣо, явилась въ полномъ нарядѣ восемнадцатилѣтней дѣвушки, исключая огромнаго чепца, прикрывавшаго ея сѣдые волосы. „Извините меня“ сказала она присѣдая, „за мою неловкость, что на первой разъ нашего знакомства я заставила васъ такъ долго дожидаться.“ Учпивою отвѣтъ мой ее успокоилъ; она сѣла на Вольперовскія кресла, а злая шавка, продолжая ворчать, расположилась полукружіемъ у шолстыхъ ногъ своей повелительницы. Мы занялись разговоромъ о вещахъ по хозяйственной части, чѣмъ я былъ очень доволенъ, полагая, что проведу съ пользою время; но вскорѣ замѣнилъ, что Баронесса не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о сельскомъ домоводствѣ. Въ три часа доложили, что кушанье послано; я подаль руку хозяйкѣ, и мы отправились въ столовую, гдѣ встрѣшила насъ прелестная дѣвица. „Это моя родственница Аделаида Л****“ скоро сказала Г-жа Книксъ, желая избавиться отъ несноснаго названія бабушки. . . . Въ продолженіе стола разговаривая съ Баронессою, я часто поспрашивалъ на дѣвицу Л***, и признаюсь, что она меня обворожила. Въ восемь часовъ, при

взаимныхъ уваженіяхъ, мы разсѣлись, и я далъ честное слово въ непродолжительномъ времени опять посѣпить почтенную сосѣдку. Не постыгаю, какъ эта старая охотница до шанцовъ могла воздержаться, чтобы не упомянуть во весь вечеръ о любимомъ вальсѣ, и какъ она имѣла шептѣніе просидѣть почти на одномъ мѣстѣ все время, кошорое я у ней пробылъ.

„Если наружность милой дѣвицы Л*** не обманчива, говорилъ я самому себѣ, пуская густой дымъ изъ пѣнковой шрубки въ своемъ кабинетѣ, то она вѣрно сослѣдуетъ счастью того, кто соединитъ съ нею судьбу свою. — Почемужъ не испытай и себя — шепнула надежда — и я рѣшился сдѣлаться спрогимъ наблюдателемъ Аделаиды. Сердце мое меня не обмануло: я совершенно узналъ прелестную и внутренно поклялся въ вѣчной къ ней любви. Вообрази, милой другъ, дѣвущку въ семнадцать лѣтъ, прекрасную какъ ангелъ, съ образованнымъ умомъ, съ оплчными дорованіями и съ добрымъ сердцемъ. Не могу ничего сказать болѣе. . . . Крупныя слезы льются по суровому лицу мореходца при воспоминаніи пріятныхъ минутъ моей жизни, кошорыя для меня навсегда исчезли.

„Но обратимся къ Г-жѣ Книксъ. Зная, что Аделаида, какъ единственная ея наследница, вполне опъ нея зависишь, я употребилъ всѣ старанія, чтобы попастьъ въ мѣсто къ причудливой старушкѣ; и къ счастью моему идмъ лучше на бѣду успѣлъ

въ шомъ: она отецъ меня полюбила. Правда, что угождая Баронессъ, я почти ежедневно обязанъ былъ вальсировать съ нею по нѣскольку круговъ, иногда подъ неспройной звукъ клавикордовъ, а временемъ подъ нацвѣвъ пронзительнаго ея голоса, и обыкновенно по вечерамъ читашъ въ слухъ спрашныя сочиненія Г-жи Радклифъ; но увѣренный въ шомъ, что она властительница моего жребія, я терпѣливо переносилъ все, рисуя въ воображеніи будущія удовольствія и притомъ бывъ щедро награждаемъ пріятными часами, въ которые я оспавался одинъ съ Аделаидою, между шмъ какъ Г-жа Никсъ находилась въ своей уборной, гдѣ, по сдѣланной съ молодыхъ лѣтъ привычкѣ, просиживала большую половину дня для приведенія въ порядокъ давно поблекшихъ прелесей.

„Ласковое обхожденіе Баронессы и очаровательныя взоры дѣвицы Л*** невольнo влекли меня въ роковыя сѣщи, и я такъ часто посѣщаль любезныхъ сосѣдокъ, что даже лошади мои, какъ будто раздѣляя нешерпѣніе своего господина, неслись во весь духъ прямо въ *Рухтичь* и сами ошанавливались у подъзда.

„Такимъ образомъ быспро пролешѣялъ одиннадцать мѣсяцовъ; наконецъ я рѣшилси объяснишъся съ Аделаидою, и въ незабвенной день, навѣки запечатлѣнный въ моей памяти, въ именины прелесной, получилъ ея согласіе. Все зависѣло ошъ одного шолько позволенія Баронессы. Она не прошивилась

нашему счастью, мнѣ обвѣщена рука моею возлюбленной и день моего благополучія былъ назначенъ. Пригошовлялись къ свадьбѣ; — но *Французская кадрили* разрушила всѣ мои надежды.

„Графъ Б***, усшарѣлый холоспякъ, дошшойный племянникъ Баронессы, опѣзжая за границу, вздумалъ вызвать къ себѣ почтенную шешушку на прощальный балъ. Можешь смѣло быть увѣренъ, что спаруха не отказалась, но она непременно хотѣла, чтобы я былъ съ нею. Повинуясь ея прихоти, признаюсь, пропивъ моего желанія, какъ бы предчувствуя пагубныя слѣдствія этой поѣздки, я съ шрудомъ согласился, и мы всѣ трое, въ спаринномъ возкѣ, запряженномъ шешеркою пожилыхъ лошадей, опсправились въ городъ. Графъ Б***, у кошораго въ домѣ мы опспановились, принялъ насъ со всевозможною учливостию и опшелъ намъ лучшiе у себя покои.

„Наконецъ наступилъ день праздника. Г-жа Нниксъ, въ богатомъ шелковомъ платьѣ, обремененномъ множествомъ накладокъ и баншовъ, въ высокой головной наколкѣ, обсаженной перьями и цвѣтами, шоржешвенно усѣлась на первомъ мѣстѣ въ гостиной, внѣ себя опъ удовольствiя быть на опшопъ разъ хозяйкою дома и представлять главное лице. Подлѣ нея сидѣла дѣвица Л***, одѣшая также пышно по приказанiю Баронессы; но милая скромность Аделаиды зашмѣвала всѣ ея уборы. Великолѣпныя люстры и лампы разливали по всѣмъ горницамъ яркiй

свѣшъ. Люди бѣгали взадъ и впередъ, разставляя каршочные споліки по распоряженію самаго Графа, который, въ ожиданіи гостей, важно расхаживалъ по гладкому паркету, упоенный надеждою блеснуть въ городъ своимъ баломъ. Въ девять часовъ начали сѣзжаться экипажи одинъ за другимъ, останавливались у подъезда, освѣщеннаго площадками, и длинный рядъ каретъ выстроился прошивъ окошекъ. Все находилось въ движеніи, шумъ примѣшно возраспалъ. — Вдругъ загремѣла музыка, волненіе стихло и плавный Польскій пошнулся изъ госпиной.

„Сначала все шло своимъ порядкомъ, продолжали шанцовашъ, и я также принималъ участіе въ общихъ веселостяхъ; но на мою бѣду кому-то вздумалось предложить *Французскую кадрили*. — „Прекрасный шанецъ“ вскричали многіе. Музыка заиграла, и шаррики, оставя боспонъ, высыпали смолрѣшь любимую пляску Парижскихъ жишелей. Къ несчастію моему, не доспавало пары, и Г-жа Книксъ представила меня какъ отличнаго маспера эшаго дѣла. Всѣ прислушили ко мнѣ; я опговаривался, просьбы увеличались и наконецъ и на опрѣзъ сказалъ эшимъ господамъ, что не имѣлъ даже случая никогда видѣшь эшаго превосходнаго, по словамъ ихъ, танца. Громкой хохотъ раздался во всей залѣ; Баронесса вспыхнула опъ досады; шаррухи, нахмурившись, опправились на своемъ мѣстѣ... Почши всѣ были недовольны.... Аделаида опустила глаза, чтобы не ви-

дать насмѣшливыхъ взглядовъ молодыхъ фран-
шювъ, копорые, разсердившись за то, что
имъ не удалось пощеголять своимъ искус-
ствомъ, язвительно посмапривали на меня,
какъ бы желая сказать: „эпошь неучъ раз-
спроилъ все наше веселье!“ Въ изумленіи и
досадѣ на участь свою, мысленно посылая
я въ преисподнюю Г-на де Розье, бывшего
моего панцмейстера, за то, что онъ про-
шивъ воли выучилъ меня вальсировать. Ес-
ли бы я не зналъ эшага панца, думалъ я,
не познакомился бы съ Баронессою, не
влюбился бы въ прелестную Л***, не имѣлъ
бы никогда надежды получить ея руку и не
былъ бы посмѣшищемъ блистательнаго об-
щества у Графа Б***.

„Когда всѣ разѣхались, то Г-жа Книксъ,
позвавъ меня въ свою горницу, очень сухо
сказала мнѣ: „сегодняшній вашъ поспупокъ
нанесъ мнѣ чрезвычайное огорченіе; но вы,
какъ мнѣ кажется, ни мало не беспокоитесь.
Совѣшую вамъ перемѣнить свой характеръ
и въ непродолжительномъ времени выучить-
ся панцовать *Французскую кадрили*; въ
противномъ случаѣ я запрещаю вамъ ѣздить
ко мнѣ въ домъ и беру назадъ мое позволеніе
на бракъ вашъ.“ Такая внезапная перемѣна
въ обращеніи Баронессы меня смутила, и я
съ нѣкоторымъ огорченіемъ отвѣчалъ ей:
„со всемъ удовольствіемъ готовъ бы испол-
нить ваше желаніе; но согласитесь сами,
что тому, кто прослужилъ пятнадцать лѣтъ
во флотъ, подвергая нѣсколько разъ добра-
вольно жизнь свою бурной стихіи, чтобы

честно носилъ имя хорошаго офицера, кто въ продолженіе цѣлой службы равнодушно смотрѣлъ на всѣ опасности, шрудно опспашъ опъ своего хладнокровія, а еще шруднѣе принудилъ себя снова училъся шанцовашъ.“ Презрительный взглядъ былъ опшвѣпомъ Г-жи Книксъ. Въ опчаяніи, я спановлюсь на колѣни, прошу, умоляю; но жешокая шаруха непреклонна: каменное сердце ея не прогаеся моимъ положеніемъ, и она рѣшительно приказываетъ мнѣ пошчасъ удалиться, даже не позволивъ сказашъ послѣднее проси милой Аделандѣ.

„Поблагодаривъ Графа Б*** за гощепрїимство, я взялъ почшовыхъ лошадей и съ разшерзанною душою уѣхалъ въ свою деревню. Дорогою плакалъ я какъ ребенокъ, въ большой досадѣ на шпранности Г-жи Книксъ, кошорая забрала себя въ голову, что для супружескаго счастья необходимо бышь вершопрахомъ и оплично шанцовашъ бѣдшвенную кадрилъ.

„Можешь бышь, придетъ время, когда Г-жа Книксъ раскаешся въ неосновательномъ своемъ пошупкѣ и снова будешъ вызывашъ меня для своихъ вальсовъ; но уже поздно: пускай шарая цлясунья кружится одна, сколько ей угодно, а я далъ себя слово не шанцовашъ никогда въ моей жизни.“

Такъ оканчивается письмо моего друга. Оправдывая его съ моей шпороны, сознаюсь, что приговоръ мой можешь бышь присшрасшенъ, а пошому предосшавляю ешо дѣло на судъ почшенныхъ и опшшныхъ лю-

дей, прибави къ тому, что конечно не скоро можно встрѣпишь въ свѣтѣ другую, подобную Баронессѣ женщину, которая изъ одной только прихожи и упрямства рѣшилась бы разрушить счастье своей внучки или дочери.

Андрей де Шанлетъ.

С. П. В.

1825 года.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новой Журналъ въ Франціи.

Во Франціи давно уже издается Журналъ подъ названіемъ: *Всеобщій журналъ Французской Литтературы*, въ которомъ разсматриваются всѣ вновь выходящія литературныя творенія во Франціи. — Но теперь недавно явился намъ новый Журналъ, подъ названіемъ *Всеобщаго журнала Иностранной Литтературы*, который составленъ по образцу вышеупомянушаго и служитъ ему какъ бы дополненіемъ. Въ немъ подробно разбираются всѣ произведенія, являющіяся у другихъ народовъ. Сія два Журнала вмѣстѣ составляютъ всеобщую библиографію Европы. — Всякая книжка выходитъ черезъ мѣсяць.

**Содержаніе числа учащихся къ народонаселенію
въ Государствахъ Европейскихъ.**

Государства.	Народона- селеніе.	Число учени- ковъ.	О отноше- ніе числа учениковъ къ народо- населенію.
Франція (1820)	30,435,000	1,070,500.	1 на 30.
Парижъ - - - -	714,000	34,000.	1 — 21.
Англія - - - -	10,488,000	644,282.	1 — 16.
Шотландія - - -	1,865,000	176,503.	1 — 10.
Ирландія - - -	6,801,000	374,815.	1 — 18.
Голландія (1812)	- "	"	1 — 12.
Австрія (Эрцгерцогство)	1,810,797.	134,909.	1 — 13.
Стирія - - - -	765,050.	41,042.	1 — 18.
Богемія - - - -	3,236,142	284,821.	1 — 11.
Моравія и Силезія	1,733,319.	149,782.	1 — 12.
Округъ Глацъ - - -	286,000.	32,000.	1 — 9.
Пруссія (провинція)	1,401,000.	80,000.	1 — 18.
Португалія - - -	3,130,000.	39,000.	1 — 80.
Польша - - - -	3,585,804.	45,920.	1 — 78.
Россійская Имперія	40,067,000.	42,712.	1 - 954 (*)
Новый Йоркъ - - -	- "	"	1 — 4.

Сія таблица составлена по документамъ, почерпнутымъ изъ различныхъ источниковъ, — изъ которыхъ нѣкоторые за 7 и даже 12 лѣтъ.

(*) Сіе извѣстіе о Россіи невѣрно: смотри Московскій Вѣстникъ 1827 года № 14 и Библиографическіе листы Г-на Келлена 1828 года.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

1. Заглавный листъ.

Представляемъ предметы, входящіе въ составъ Русскаго Зрительнаго кабинета. Здѣсь чашатель видны бранные досѣлки, лампадки Историкъ и Древностей нашего Отечества и Виблемъ листшерашурныя. Съ правой стороны приложенъ къ дубу бердышъ, шуть же *колье желѣзное* (съ гробницы Князя Изяслава, умершаго въ 1185 году), *щитъ* (снятый съ Новгородской печати 1317 го) и *шишака* (изъ письма Оленки о Тмушороканскомъ камнѣ). — Съ лѣвой стороны, у берега *знамя* Спасителя Отечества *Пожарскаго*, которое шедевръ въ Маскерской и Оружейной Палатѣ; *кольчуга*, закрывающая грудной *панцирь*, время Царя Алексѣя Михайловича. Тушъ же лежишь *сѣкира*, по рисунку 1567 года. Между панциремъ и щитомъ положены: золотая Черниговская *Васильева икона* и серебряная *медалъ Ярослава Перваго*. — Лампадки нашихъ древностей положены на вышскомъ, 1068 года, *Тмушороканскомъ камнѣ*. Къ нему приставляють *крестъ Рогольда, Князя Полоцкаго, 1171 года*; вправо видны *сѣтки*, на коемъ начертано *сказаніе Кирилла, Епископа Туровскаго*. У камня Тмушороканскаго на землѣ лежатъ свѣчки: *Юанна, Эксарха Болгарскаго, и Нестора лѣтписца*. Тушъ видите *изображеніе*, 1073 года, лица Великаго Князя *Святослава* и одного изъ его символовъ. Тушъ же *гербъ Кракова*, взятый изъ древнѣйшей книги, напечатанной въ семъ городѣ по-Словенски, Кирілловскими буквами, 1491 года. Здѣсь видны и *наручники* нашихъ вѣнзей, взятый изъ книги времени Царя Алексѣя Михайловича: *Ученіе и хитрости ратнаго строя лѣхотныхъ людей*. — На двухъ родныхъ деревьяхъ, дубѣ и березѣ, висятъ: *лира, Панова свирѣль и урна*. Твердый пѣлъ дуба обвиваетъ повилка.

Заглавный листъ расположенъ по подлинникамъ и точнѣйшимъ рисункамъ Г. Адьялкомъ Галлеромъ, награвированъ Г. Флоровымъ.

2. Надгробный лампадки Марѣи, будто бы посадницы Новгородской.

Литографированъ Г. Жеремъ съ рисунка проіоіеря Пешрова.

3. Тушинскій лагерь втораго Самозванца.

Планъ мѣстъ снятъ Издашелемъ, начертанъ Г. Померанцовымъ, литографированъ Г. Жеремъ.

4. Сергей Леонтьевичъ Бухвостовъ, — первый солдатъ Россійскій.

Портретъ награвированъ Г. Флоровымъ съ оригинала ландкаршнаго мастера при Академіи Наукъ, Махалева, компо-

рмй лично зналъ Вухвостова. Подлинникъ хранится въ селѣ Кусковѣ въ числѣ драгоценностей. Вухвостовъ изображенъ въ Майорскомъ Лейбгвардіи Преображенскомъ мундирѣ; самый мундиръ долженъ быть зеленый, ошворомъ, обшлага и жилетъ красные. Портретъ Вухвостова прежде былъ награвированъ, лѣтъ за 17, Кирилою Анисимовымъ, и весьма дурно; былъ также приложенъ къ шестради *Собрания портретовъ Россіянъ знаменитыхъ* Г. Векешова. Подъ симъ портретомъ находится слѣдующая надпись.

Первый Россійскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Вухвостовъ.

Изъ придворныхъ служившихъ, 1683 году Ноября 30 дня, при началѣ военно-поштынной службѣ первѣйшимъ въ оную самолично предсталъ поному Государь Пётръ Великіи тогда же симъ первенствомъ дочинилъ его соизволилъ. Служа пономъ въ Лейбгвардіи Преображенскомъ полку въ Бомбардерской ротѣ до Оберъ-Офицера былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. По кончину служилъ Архидеріи Майоромъ. Хотя Его Величество во многихъ случаяхъ изволилъ оказывать къ дальнему его повышенію Свое Монаршее благоволеніе; но онъ по своей набожной крохосми вслѣдствіи убѣгалъ казашаго славолубія. Родился 1642, скончался 1728 г. Ноября 30 дня. Жилъ больше 86 ми лѣтъ, былъ роешу средняго, силенъ, швердъ, скромнъ и весьма воздерженъ. А по конецъ жизни и самой его кончини свидѣтелемъ былъ Акад. Наукъ Ландкарш. грав. и въ перспективѣ М. Михайла Махаевъ.

Serge Léontiew Boukhostow i soldat Russe.

Naquit l'an 1642; du service de la cour, il entra volontairement dans la compagnie que l'on forma pour l'amusement de Pierre le Grand. Ce Prince voulut bien uater delà son ancienneté dans service, il servit dans la compagnie des Bombardiers du regiment de Préobragenski jusqu'au grade d'officier. il s'est trouvé a plusieurs batailles où il a été plusieurs fois blessé et est mort Major d' Artillerie le 30 Oct 1728. M. M. Makaiew grav. des Cart. et Maire de l' Academie des Sciences a été temoin des dernieres années de sa vie et de sa mort.

Ъ. Тимофей Михайловъ, унтеръ-офицеръ Владимірскаго пѣхотнаго полка.

Портретъ снятъ съ ватуры Г. Поповымъ. Подъ портретомъ представленъ Михайловъ сидящимъ на часахъ въ ту минушу, когда чугунная плита раздробила ему ногу. См. Но 3. и 4. Лишогравированъ подъ надзоромъ Г. Галлера.

Гравированными доски оппечатавшася у Г. Флорова; съ камней снимаются оппшски въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета подъ надзоромъ Г. Галлера и Дирлягá.

ОДОЛЖЕНИЕ 15 ЛѢТЪ.

Ба-	Изящныя Искус- ства.	Различн. предметы, Альма- нахи.	И всего за каждый годъ.
826	162,525	1,886,869	18,451,719
904	1,218,496	2,072,629	72,080,642
626	1,090,548	8,162,882	62,627,111
920	773,099	3,600,648	45,675,039
363	688,813	2,042,510	55,549,143
269	916,226	2,629,493	66,852,883
321	1,494,318	2,970,707	71,218,803
338	1,162,193	3,047,062	79,525,612
860	1,944,679	2,562,882	73,425,199
303	1,202,599	2,121,251	80,921,302
405	1,345,766	3,424,067	87,998,326
869	1,567,674	3,302,376	36,255,851
686	1,975,699	3,555,303	98,993,455
615	2,054,340	3,944,240	114,709,675
258	2,937,301	3,886,973	128,010,483
769	20,537,316	56,215,692	1,152,295,237

Листовъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ III и IV.

Д О Н Е С Е Н І Е
ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ
ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,
АВГУСТИНА МАЙЕРБЕРГА
И
ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,
ВЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,
съ 17 Февраля 1661 до 22го Фев. 1662 года.

Ваше Императорское Величество,
Государь Всемилоспиривѣйшій!

Дожося неоднократно Вашему Императорскому Величеству, въ сладшвіе милоспириво данной намъ испрукціи, о всемъ примѣчаніи достоинномъ до 22го Февраля, наслоящаго 1661го, шеперь обязанностию посшавляемъ, повѣривъ достовернѣе, соединивъ все ошъ означеннаго дня до сего времени случившесся, и предсшавивъ Вашему Императорскому Величеству вкрашцѣ со всевозможною испиною для пользы нашихъ преемниковъ.

И шакъ, въ сладшвіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, изъ Вѣды 17го Февраля 1661 мы ошправились въ Москву и
Ч. I. No III и IV. II

прибыли 27 го въ Бреславль, въ коемъ лично посѣщали насъ двое чиновниковъ и снабдили для почести виномъ.

Выѣхавъ въ шестъ же день на масляницъ, прибыли 12 го Марша въ Данцигъ, гдѣ градское общесиво, изъ уваженіи къ Вашему Императорскому Величеству, равномерно почтило насъ услугами.

17 го Выѣхали мы опшуда и 30 го достигли Гробина, Резиденціи Герцога Курляндскаго. На границахъ обласии приняли насъ, по его приказанію, нѣсколько дворянъ въ шрехъ карешахъ; по приближеніи же на половину миль къ городу встрѣчены были начальникомъ провинціи со многими дворянами въ чепырехъ. Привѣтствуя именемъ своего Государя, онъ предложилъ намъ свою карешу, въ кошорой ѣхали до замка; выходя, приняшы были у крыльца самимъ Герцогомъ, и препровождены въ назначенныя намъ комнаты. Во время шрехдневнаго пребыванія угощаемы были съ всевозможною ласкою и знаками преданности къ Вашему Императорскому Величеству.

Послѣдняго числа Марша мы исполнили обязанности, предписанныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ отношеніи Его и Свѣшлѣйшей Его Супруги, и обомъ вручили письма отъ Вашего Императорскаго Величества. По опъездѣ изъ Гробина 2 го Апрѣля прибыли въ Цецценъ и послали извѣстность о семъ Московскаго Воеводу въ Рокенгузенъ.

На другой день из дворян Динизъ Аванасъевичъ Желябуцкій, приславъ Царскій, для нашего препровожденія въ Москву, объявилъ чрезъ сошника, что онъ готовъ принять насъ по повелѣнію своего Государя и, препровождать; но проситъ извѣстить его о рангѣ и именахъ особъ нашей свиты, и отправить обозъ впередъ.

По исполненіи сего, 18го Апрѣля прибыли мы къ берегамъ Двины, гдѣ встрѣтилъ насъ Московскій переводчикъ Лазарь Циммерманъ, который именемъ того прѣснова говорилъ: „Зная, изъ бумагъ и списка нашей свиты, сошникомъ доставленныхъ ему, что мы называемся Вашего Императорскаго Величества посланниками, а какъ онъ имѣетъ повелѣніе, принять и препровождать пословъ, то проситъ извѣстить, въ какомъ характерѣ прибыли. Мы отвѣчали, что ѣдемъ къ его Государю въ качествѣ просто посланниковъ Его Императорскаго Величества, что уже извѣстно ему изъ бумагъ; но удивляемся, что ежели въ такомъ качествѣ не позволено принимать насъ, то не нужно бы было и отправлять нашего обоза въ Кокенгузенъ, а потому или долженъ принять насъ, или отправить обратно обозъ, и мы возвратимся къ своему Всемилосердѣйшему Государю; чрезъ что и онъ выполнитъ повелѣніе своего Царя. Выслушавъ сіе, онъ возвратился и объявилъ, что принимаетъ насъ, подъ какимъ бы - то именемъ ни было. Утѣрившись въ грубыхъ обычаяхъ Россіянъ при

принятіи посланниковъ и для отвращенія подобныхъ препишствій, сказали переводчику, чтобъ онъ передалъ приславу, что Маіерна бывалъ не одинъ разъ въ посольствахъ и знаешь всѣ приличія оныхъ, а пошому и просить, чтобъ его избавили отъ пустыхъ обрядовъ, принятыхъ его націею, кои онъ не намреть выполнять.

Перезжая рѣку, примѣтили мы его карету, изъ которой выходилъ и спѣшилъ къ берегу. Остановясь около осьми шаговъ, ожидалъ прибытія судна, и когда первый изъ нашихъ началъ сходить, онъ приближился на равное между имъ и нами разстояніе. Первый открылъ голову, что и мы сдѣлали, и онъ началъ говорить: Великій Государь, Царь (говорилъ весь шишуль по памяти) прислалъ меня къ вамъ посланникомъ друга и любезнѣйшаго брата его Леопольда (читалъ по бумагъ весь шишуль Вашего Императорскаго Величества) для принятія и препровожденія къ моему Царю, что онъ выполняетъ съ удовольствіемъ. Мы отвѣчали согласно сему, повторивъ въ началъ шишуль Вашего Императорскаго Величества, а пошомъ его Государя. Взявъ каждого чиновника нашей свиты за руку, расспрашивалъ о нашемъ здоровьи и путешествіи; пошомъ сѣлъ на лошадей и отправился на кварширы за городъ.

Впередъ шли при полка съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Зажигавъ нашего прислава на правой стороне Маіерна верхомъ, позвалъ къ себѣ подъ

предлагая разговора, а также для прекращения спорах королевича Лазаря, который был на левой стороне отъ Наавуца, и такимъ образомъ продавалъ пушъ.

На слѣдующій день у Русскихъ недоспало провіанна, и мы остановились. Пушеводитель жаловался на Генерала Польскаго Пасція (*), съ коимъ Генерала Нащомкиъ заключила перемиріе до 23го сего Апрѣля, и кошорой, не уваживъ сего, осаждалъ городокъ въ Ливнѣ, и убедительно просилъ насъ воздержанъ его отъ сего поступка. Мы ошвѣтали, что отъ Министра Вашего Императорскаго Величества о перемиріи не извѣщены; и посредничества нашего на перемиріе не было, а потому и ходатайства отъ имени Вашего Императорскаго Величества употребить не можемъ; кбе намъ неизвѣстенъ ни Генералъ Пасція, ни иной какой Ливовець или Полякъ, и им дружества съ ними никогда не имѣл. О семъ еще просилъ Полковникъ Василій Антоновичъ Волинскій, начальникъ въ Кокенгузѣ, отъ коего ошвѣдался такимъ же ошвѣтомъ.

20 го Апрѣля по выѣздѣ изъ Кокенгузена, прибылъ 23 го въ Маріенбургъ. Тогда же прибылъ изъ Дерина Московскій Генералъ Ала-

(*) Вероятно *Потоцкій*, Генералъ Аншефъ, кошорой привудилъ Василя Шереметева подписать капитуляцію 10 Октябрю 1660 въ лагерь при Чудновѣ. Но въ Ливинскомъ договорѣ 6 Мая 1686 означ. *Potocki*.

Прим. пер.

исей Лавроньевичъ, Ординъ-Нашокинъ, Думный Дворянинъ и Всеода Ланской, прислалъ своего чиновника поздравить насъ съ приездомъ, а на другой день въ Свѣтлое Воскресенье встрѣтила насъ еще на лошадахъ, съ величайшею вѣжливостію пригласила насъ праздники и провозила насъ тысячу шаговъ.

Во время пирушекъ съ одинакимъ жаромъ всѣ жаловались на Певеда Пасція, а мы ошвѣчали одно и то же. Думаемъ, что Москвитяне изъ оспорожности и недоверчивости желали вывѣдать, принято ли Польшею посредничество. Вашего Императорскаго Величества, и съ любопытствомъ разспрашивали, какии пушемъ прибыли, и узнавъ съ удивленіемъ о нашемъ объездѣ, спросили: для чего не избрали крашчайшаго и прямого пути чрезъ Польшу и Литву въ Москву, и принято ли Королемъ посредничество Вашего Императорскаго Величества? Мы ошвѣчали, что по причинѣ разоренныхъ обласней войною и ошъ недоспашемъ въ съспныхъ крашсакъ оная дорога ошдалась непроздною; а Ваше Императорское Величество не занимался еще посредничествомъ, и намъ до сего дѣла нѣтъ, ибо въ надлежащее время Ваше Императорское Величество назначитъ другаго Министра.

27 го Апрѣля, въ тысячѣ шагахъ ошъ Пскова, усмошрѣли мы на ошкрытомъ мѣстѣ шриспа всадниковъ, большею частію чиновниковъ, въ богатомъ убраншвѣ и на коняхъ, покрытыхъ чепраками. Главный, какъ казалось, изъ нихъ объявилъ намъ сидящимъ въ

нарешъ , чрезъ переводчика , что онъ при-
сланъ Воюрюномъ и Главнымъ Воеводою Псков-
скимъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ для
принятія насъ , по повелѣнiю Царя . Мы , по-
благодаривъ , сѣвши къ городу , а они вхали
передъ нами до самой рѣки Великой , обеща-
ющей съ полуденной стороны городскія
стѣны . Садясь на суда , начальники пожима-
ли намъ руки и поздравляли съ щасливимъ
прѣздомъ . На противоположномъ берегу рас-
положено было конное и пѣшее войско , съ пя-
тидесятью знаменами , и стояло въ два ряда
на улицахъ , коими вхали до мѣста . На по-
чепномъ караулѣ стояло у насъ пятьдесятъ
спрыльцовъ . Хованской оцъ себя никого
не присылалъ насъ поздравить и същспныхъ
припасовъ не давалъ . Полагаемъ , что онъ
сдѣлалъ сие изъ ненависти къ Генералу На-
щокину , примѣромъ коего онъ гнушался .
Послѣ узнали , что онъ изъ любопытства
былъ скрытно между всадниками за горо-
домъ , а въ городѣ , передѣвши крестья-
ниномъ , поддерживалъ нашу карету , по вы-
боимъ городскихъ улицъ щавашуюся . По
отѣздѣ изъ Пскова 28 го Апрѣля , прибыл
мы 1 го Маія въ село Сольцы , въ 22 милехъ
на рѣкъ Шелонѣ , гдѣ сѣвъ на суда , отпра-
вились къ озеру Ильмену , и переплывъ 14
милъ около берега , хорошо населеннаго ,
приспали 3 го Маія къ Великому Новгороду .
Не дождавшисъ , по причинѣ начинающаго
идти дождя , высланныхъ оцъ Губернатора
лошадей , прошли мы между рядами солдатъ ,
разсѣвленныхъ съ шридесятью пѣшею зна-

мѣнами по обѣимъ сторонамъ улицъ ошъ берега до гостиницы, намъ пригошовленной.

На другой день, для обѣда прислалъ ошъ 18 блюдъ и 12 бушылокъ разныхъ напишковъ. Принявъ оное, съѣли въ карешу, и съ ншою же почестию возвратились къ судамъ. Остановясь у монастыря Понедѣля и переложивъ чемоданы въ шелеги, продолжали пушь далѣе, и проѣхавъ 60 миль лѣсомъ, прибыли 12 Маія въ Торжокъ, въ коемъ граждане встрѣчали насъ вмѣстѣ солдашъ съ шопорами и пиками. Въ семъ мѣспѣ съѣли снова на суда и плыли Тверцою 16 шъ миль, мѣспами судоходною, а индѣ наполненною камней и опшълей, къ Волгѣ; и въ двое сушокъ прибыли въ Тверь. Встрѣчи не было, гражданъ мало, а солдашъ совсѣмъ нѣшъ.

16 го Мая продолжали пушь. Приславъ, спаравшійся, по прозѣбѣ нашей, о скоромъ окончаніи онаго, получивъ Царское повелѣніе о прибышій не прежде какъ къ 22 му числу въ село Черную Грязь, въ пяти миляхъ ошъ Москвы, былъ принужденъ въ 6 дней по хорошей дорогѣ перевхашъ менѣе 30 шъ миль. Причиною сему поспавлялъ благорасположеніе своего Государя, кошорый, забоясь о нашемъ здоровьѣ, разспроившемся ошъ безпрерывныхъ безпокойствъ въ шоль далней и шрудной дорогѣ, желашъ поправивъ его ошдохновеніемъ. А въ самомъ длѣ удерживали насъ для шого, чшобы дать время къ 25 му съѣхашься дворянамъ изъ провинцій въ Москву.

24 го Прибыли къ Никольской церкви, въ двухъ безъ малаго мляхъ оуть Москвы, гдѣ Государь приказалъ разбишь двѣ палатки, предполагая, что жаркія Рускія избы ни въ какое время пріятными бышь не могутъ.

Въ шомъ же день прислаио было 6 лошадей съ конюхами для карещы и нѣскольکو конюходцевъ для чиновниковъ свѣшны нашей. Спиранная почташь высылалъ омиа посламаъ за нѣскольکو шаговъ оуть города.

На другой день, около 11 часовъ по полуночи, двинулись мы изъ Москвы. Приславъ въ первый разъ съвъ въ нашей карещы. Свѣша вхала впереди верхами, а дорожные коляски и обозъ следовали позади. За двѣ тысячи шаговъ до города пославлено было по обимъ сторонамъ дороги шестъ тысячь пѣхоты, по сокинямъ, съ сорока анжешамъ; а даале въ шомъ же порядкѣ до городскихъ предмѣстій шлоа десячь тысячь воици съ значками; барабанный бой и музыка изъавляли радостъ. По приближеніи на 60 шаговъ явился посланный оуть Слѣдовника и Боярина Якова Семеновича Волынскаго, да Дьякъ или Секретаря Григоря Нарповича Богданова, назначенныхъ Царемъ для нашего принятія въ Москву, и снабдяшъ всемъ нужнымъ, и оуть имени ихъ объявилъ, что они прибыли съ Царскою карешою и просяшь заняшь оую, на что мы и согласились.

Услышавъ сіе, Переводчикъ ихъ Вибергъ, Дьякъ и приславъ скочили съ лошадей. Не-

обыкновенная сія выжливость Московская заставила и насъ сіе немедленно исполнить. Первый сошелъ Каллуцій, а за нимъ Маіернъ. Тогда прибывшіе приспавы съ Переводчикомъ изъ выжливости открыли головы и привѣщивовали насъ именемъ своего Государя. Ясельничій Великаго Князя говорилъ чрезъ Переводчика, что карепи и нѣсколько лошадей для нашей свинны гошовой. Послѣ сего съѣли мы въ оныя попарно. Первый приспавъ, Дьякъ и Переводчикъ также съѣли. Послѣ самой тихой вѣды остановились мы у заставы, пока конное и пѣшее войско прошло и заняло улицы, конми слѣдовало вхашъ на кварширу. Послѣ несносныхъ шрехъ часовъ остановки ж проливнаго дожда, не прежде 7 часовъ вечера дошитаи, среди многочисленнаго стеченіи народа и войска, до приспавнища. Трубащи безпрестанно играли на шрубахъ. Такое было стеченіе народа и войска, что казалось, вся Москва вышла рамъ на встрѣчу. Военачальники, Дьяки Бояркіе, всѣ Поспеальничіе Великаго Князя и Георгій Ивановичъ Ромодановскій въ богатомъ убранствѣ величественно предшествовали нашей карепѣ отъ самыхъ предмѣстій. Остановившись предъ домомъ, говорили: Проводивъ васъ, мы исполнили съ удовольствіемъ волю своего Государя, никому еще неоказанную. За что мы принесли должную благодарность. Государь давалъ симъ знашь, что для изъявленія брагскаго расположенія къ Вашему Императорскому Величеству оказаны были намъ безпримѣрныя почести.

Покои намъ ошладенные были довольно обширны и (что довольно рѣдко въ Москвѣ) каменные; въ нихъ сподли прежде Аллегрети и Лорбахъ. Двери, столы и скамьи накрыты были краснымиъ сукномъ.

27-го Приставы объявили намъ, что мы узримъ завтрашній день пресвѣтлыя очи Великаго Князя. И спросили именованнаго Канцлера: есть ли у насъ дары отъ Вашего Императорскаго Величества? Мы отвѣчали, что у насъ нѣтъ сего обыкновенія; впрочемъ мы можемъ принести малые дары отъ себя, которые и показали.

Дьякъ, нашъ приставъ, пришелъ на другой день и объявилъ, чтобы мы пригосовлялись на аудіенцію. Около 10-ти часовъ утра прибыли на дверь лошади для сѣдлы и пареши Царская. Приставы, одѣвшись на сей случай въ плащъ, жемчугомъ и драгоценными камнями украшенное, провожали насъ до кареши, и давъ почешныя мѣсна, сѣли оба съ Переводчикомъ. Вершники наши слѣдовали по сторонамъ.

во Всадниковъ и шрубачи отправлялись впередъ; а на шрубахъ не играли, во время шествія къ Царю; но словамъ приставовъ сего не употреблялось; но послѣ 10 мѣсяцовъ оказалось сіе несправедливымъ. Трубачи пословъ Шведскихъ не переставали играть до самаго Царскаго крыльца. За нами слѣдовала свита, за оной несли дары, а далѣе ѣхалъ верхомъ Секретарь съ грамотою Вашего Императорскаго Величества. Хотя приставы совѣщавали завер-

нушь ее въ какую нибудь шелковую машерию ; но мы разсудили , что ежели бы сіе было угодно Вашему Императорскому Величеству , то бы мы въ такомъ видѣ и получили ее , а для того завинились земліишемъ машеріи , праздничнымъ днемъ и скоростию времени .

Свѣтъ наша и мы были безъ оружія , ибо вооруженнымъ къ Царю входить не позволяли ; оружіе же обыкновенно осматривалось при дверяхъ дворца . Всѣ любопытствовали видѣть его ; а кошему и разсудили лучше оное не брать , чѣмъ осматривать за дверьми .

Они нашего мѣстопробыванія до дворца разсказано было войско многочисленное , хорошо вооруженное и одѣтое прекрасно въ разноцвѣтное маашье для отличія полковъ . Вышли у крыльца предъ начальниками и вступили въ первый покой , гдѣ встрѣчены были Сполъникомъ Андреемъ Ивановичемъ Хилковымъ , да Дьякомъ Федоромъ Михайловымъ , которые чрезъ шомача объявили намъ , что они принимають насъ здѣсь по повелѣнію Великаго Князя . Поблагодаривши , шли далѣе , и прежде вступленія въ палату , гдѣ находилась Великій Князь , привѣтствованы были также чрезъ шомача Сполъникомъ Василіемъ Ивановымъ Хилковымъ , да Дьякомъ Никиишою Головиннымъ , по изъявленіи коимъ благодарности , допущены были къ Царю .

Дворецъ былъ довольно обширенъ ; но большой сполбъ , поддерживавшій сводъ , очень

много занималъ мѣста, полъ покрытъ разными коврами, стѣны расписаны древнею живописью, а между оконъ находились серебряныя канделябры. Около стѣнъ лавки съ чешыря спущенныи, покрытыи коврами. По правую и по лѣвую сторону Царя сидѣли многіе Бояре и Окольничіе и Думные Дворяне, Тайные Совѣтники Царскіе, кошорые при входѣ и по выходѣ не привѣщивали насъ даже и наклоненіемъ головы; самъ Царь, сидя на престолахъ серебряномъ, позолоченомъ, въ лѣвомъ углу, а не посрединѣ, между двумя окошками, держалъ въ правой рукѣ Скипетръ и едва прижъщенъ былъ. Оный престолъ съ широкими спущенными находилъ наравнѣ съ лавками Сенаторовъ, и столь близко къ онымъ, что мѣстоположеніе и шениша помрачали весь блескъ и скрывали величіе. Посрединѣ онаго надъ головою Царя былъ образъ Божіей Матери. Съ лѣвой стороны стояли часы наподобіе башни, по правую серебряная пирамида, поддерживавшая золошой шаръ, далѣе къ колоннамъ на срединѣ находились два изображенія свящыхъ для поклоненія. На краю лавки, по правую сторону Царя, стоялъ серебряный умывальникъ съ кружкою и полошникомъ для того, чтобъ послѣ прикосновенія нашего къ Царю, по обычаю, онъ могъ очистишься и измышься отъ сквернъ изыческихъ (шакъ говорятъ Москвитине объ Лапынцахъ). На головѣ его была золошая шапочка опущенная соболемъ съ золошою короною, едва касавшеюся мѣха, и оканчива-

лась \вверху крешомъ. На правой споронѣ стоялъ Военачальникъ и Бояринъ Яковъ Куденешовичъ Черкасской, изъ рода Князей Кавказскихъ, при морѣ Хвалынскомъ; а на лѣвой Бояринъ и шестъ Илья Даниловичъ Милославскій. Царскому прону предстоиали чешверо оруженосцевъ сыновей Боярскихъ въ бѣломъ одѣяннѣ.

Присланы пославили насъ оупъ Царя въ десяти шагахъ. По обычаю нашему, мы пригнувъ съ приспойноспію колѣна, поклонились; свнша же находилась за нами въ нѣкоторомъ разстоиннѣ. Тогда посольскій Думный Дьякъ или Канцлеръ Алмазь Ивановъ, привсавъ съ лавки, съ лѣвой споронѣ оупъ Великаго Князя находившейся, и оспановясь въ равномъ разстоиннѣ оупъ него съ нами, говорилъ: Пришли послы оупъ Великаго Римскаго Цесаря и бѣюшъ челомъ, шо еспѣ кланяющся. Великій Князь далъ ему знашь для объявленнѣ намъ, чшобъ мы предлагали, чего желаемъ.

Выслушавъ сіе, Калвудій прочель по намннн первое предложеннѣ въ слѣдспвіе предднсаннѣ Вашнего Имперашорскаго Величеспва. Толмачъ, оспановнн его, переводилъ на Словенскій языкъ.

По окончаннн сего, Великій Князь привсавъ съ своего прешола, спросилъ, здоровъ ли любезнѣйшій брашъ мой Римскій Цесарь Леопольдъ? и пошчасъ сълъ. Мы ошвѣчали, чшо по выѣздѣ нашемъ изъ Внны, благодаря Бога, оспавили Ваше Имперашорское Величеспво въ добромъ здоровѣ.

Пошомъ Канцлеръ сказалъ, чѣмбы мы представили кредитивныя Вашего Императорскаго Величества бумаги Великому Князю. Де Маіернъ, взявъ оныя у Секретаря нашего, вручилъ ему съ поваричемъ и возвратился на прежнее мѣсто, а онъ немедленно ихъ вручилъ Князю Черкасскому.

Послѣ чего Канцлеръ объявилъ намъ милость Великаго Князя, чѣмъ мы допущены къ рукѣ. Приближась къ нему, онъ переложилъ Скипетръ изъ правой руки въ лѣвую и прошагнулъ ее; Черкасскій поддерживалъ, а зящъ Илья Даниловичъ наблюдалъ приспально, чѣмбы кто не коснулся ее неприличнымъ образомъ.

Исполнивъ сіе, Канцлеръ объявилъ, чѣмбы мы продолжали излагать оспальное, и пошомъ сказалъ, чѣмъ Великій Князь милосивно позволяеть намъ сѣсть. Топчасъ принесена была длинная скамья безъ задника, какъ обыкновенно бываешь у Россіянъ, покрытая Персидскимъ ковромъ, на кешпорой мы сѣдали до шѣхъ поръ, пока всѣ изъ нашей свиты были допущены къ рукѣ.

Тогда Канцлеръ сказалъ, чѣмбы мы встали. Великій Князь спросилъ: здоровыли вы? Мы ошвѣчали, чѣмъ по милости Божіей и его благоволенію здоровы, за каковую милость и благодарили.

Сказано было, чѣмбы мы сѣли. Иванъ Михайловичъ Милославскій, подошедъ со стороны Канцлера, докладывалъ Великому Князю, чѣмъ мы принесли ошъ себя дары. Когда сауги несли ошме, мы по совѣту:

Канцлера привсѣдши и наклоненіемъ привѣщивовали Великаго Князя по обычаю Рускихъ, къ сему привычныхъ.

Царь повелѣлъ Канцлеру извѣстивъ насъ, что онъ назначаетъ нѣсколько Совѣтниковъ, и мы можемъ предсказать имъ все, чего еще слышать не успѣли. Въ сей день приглашены были къ столу. Опшклавившись, пошли и со встрѣчавшимися съ нами также раскланялись.

Спустилась часъ по возвращеніи съ стола же церемонією домой, прибылъ для изгшошвленія намъ Царскаго обѣда Бояринъ Алексѣй Ивановичъ Буйносовъ - Росшовскій, коего мы встрѣтили у лѣсницы.

Столъ изгшошвленъ былъ скоро. На просной скашерши стола солонка, два судка съ укусомъ и масломъ, ложка и ножъ чистаго золотя съ вилками положены были на первой стороне для почешнѣшаго госши. Съли за столъ съ неумышлыми руками и безъ салфетокъ, разложилъ калачи и безпорядочно разсѣвали серебряныя блюда, кубки и стаканы, посадивъ почешнѣшнихъ на приличныя мѣста съ лѣвой стороны до Маіерна, Росшовскій съли почти въ стола, кошорый былъ не великъ. Очень часто подавали кушанья на серебряныхъ блюдахъ, конхъ числомъ было до ста пятидесяти.

Разсѣвленное для однихъ глазъ на столѣ мажило только вкусъ. Осшавшееся опшданно было для сохраненія нашему дворецкому. Кушанье хоня носили чрезъ доволь-

но большое разстройство отъ дворцовой кухни до нашего дома, но было хорошо изготовлено и развѣ не понравилось бы одному сластолюбцу. Вина были старья, Малвазійское, Испанское, Французское и различной медь. Пиво стояло въ пятнадцати ведряхъ часпію серебряныхъ, часпію оловянныхъ, весьма полно отъ безпримѣрной щедрости налишихъ. Въ пятомъ часу угбщатель пригласилъ насъ встать изъ за стола и подаль де Маіерну кубокъ лучшаго вина Французскаго выпить за здоровье своего Царя (а самъ налилъ себѣ послабѣ), и говорилъ весь шилуль его. Потомъ опять сѣли, и по прошеспіи добраго часа онъ пригласилъ еще встать, и выпивъ самъ, поднесъ другой кубокъ за здоровье Вашего Императорскаго Величества и чиналъ по бумагѣ шилуль. Спусти немного времени, въ прешій разъ пригласилъ выпить де Маіерна за здравіе Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, что выполнили споя. Тогда, исполнивъ, какъ бы со славою, свою должность, вышелъ онъ, одаренный нами за скорое избавленіе отъ скуки вызолоченнымъ серебрянымъ кубкомъ хорошей работы. Предъ послѣднимъ днемъ Мая приславы объявили намъ, что въ слѣдующій день допущены будемъ къ Великому Князю; и кто изъ нашей свиты пожелають, можетъ быть представлень. Требовали отъ имени Канцлера копіи съ сдѣланнаго нами предложенія Царю, которую мы и отдали.

Ч. I. Но III и IV.

12

Въ послѣдній день, около девяти часовъ, поѣхали мы къ Царю съ покоемъ церемонією и процессією, какъ и прежде, и шѣми же были вспрѣчаемы, копорые прежде сіе исполняли. Великій Князь находился въ другомъ пошѣснѣе прежняго покоя и на другомъ пронѣ, между двумя окошками въ правой споронѣ покоя. Онъ былъ въ коронѣ со скипетромъ и въ одеждѣ Царской; надъ главою блиспала икона Божіей Матери; на правой споронѣ на серебряной пирамидѣ лежала держава (золотой шаръ), гдѣ споялъ шестъ Царскій Илья Даниловичъ; а на лѣвой Федоръ Михайловичъ Ршищевъ, Дворецкій и любимецъ Царскій; впереди были оруженосцы; по обвѣмъ споронамъ Боярскіе дѣти въ бѣломъ одѣяніи; на лѣвой и наискось, немного повыше лавокъ, на возвышеніи двухъ ступеней сидѣли нѣкоторые Совѣшники, впрѣди коихъ споялъ со многими Канцлеръ. Тогда примѣшили мы, что Рускіе почитають углы за мѣста почешнѣйшія. Прешолу Великаго Князя приличнѣе было бы спояшь на срединѣ покоя; но у Рускихъ и самыя образа, почши обогшворяемыя и посшавляемыя даже надъ постелями, находящяся по угламъ.

Когда мы поклонились Великому Князю, онъ спросилъ насъ о здоровьѣ. Мы отвѣчали по обыкновенію и благодарили за щедрой обѣдъ, сдѣланный намъ присшавомъ.

Тушъ Канцлеръ сказалъ, что Великій Князь чшпалъ въ переводѣ письма Вашего Императорскаго Величештва и знаешъ, что

мы присланы для постановленій общесшвеннаго блага; на что онъ соглашается и самаго желаетъ. Между шѣмъ для выслушанія насъ опредѣляетъ Боярина и Намѣшника Казанскаго Алексѣя Николаевича Трубецкаго, Боярина и Намѣшника Суздальскаго Юрѣя Алексѣевича Долгорукова, Окольничаго, Оружейничаго и Намѣшника Ржевскаго Богдана Машѣевича Хишровд, да Посольскаго Думнаго Дьяка Алмаза Иванова.

Послѣ сего принесли намъ скамью; мы, присѣвъ, скоро вспали. Осправляясь на мѣсто переговоровъ, сдѣлали обыкновенный знакъ уваженія Великому Князю. Опиущены были съ честію ошъ Боярь и Дьяковъ, принимавшихъ насъ именемъ Великаго Князя. При выходѣ Царскіе Совѣшники немного привспали, а мы опѣвчали имъ наклоненіемъ головы.

И шакъ пришли на мѣсто переговоровъ, соспоющее изъ шрехъ комнашъ съ однимъ входомъ. Въ первой вспрѣшилъ насъ Алмазь Ивановъ, во второй прочіе. Здѣсь прошивъ двери къ правому углу споялъ споль, по обычаю Рускому, длинной и узкой, во всю комнашу. Пригласили насъ сѣспъ на лавкѣ, а на другой рядомъ сѣли депушашы. Канцлеръ сидѣлъ одинъ прошивъ Калвуція на принесенной скамьѣ; переводчикъ Баушъ и Выбергъ съ нашимъ Секретаремъ и шремя дшцами Рускими спояли. Первое мѣсто, судя по нашимъ замѣчаніямъ о Рускомъ обычаѣ во все время пребыванія нашего въ Россіи, занималъ Трубецкой, второе де Маіернъ,

прешье Долгорукой, а четвертое Калвудій; ибо Рускіе почипають уголь первымъ мѣстомъ, къ коему касается край шпола, а вторымъ шотъ уголь, къ коему примыкаеть другой конецъ шпола. Послѣ сего замѣчанія пристойно ли было размѣщеніе наше, сіе предоспавляемъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Первый депутатъ вспалъ, и начавъ именовемъ Святой Троицы, читалъ полный шишулъ своего Царя и нашего; а потомъ сказалъ, что Великій Князь выслушалъ первое наше предложеніе, и повелѣлъ перевести на свой языкъ кредитивные наши акты.

Долгорукой, по окончаніи сей церемоніи, сокративъ шишулы, сказалъ, что Государь со вниманіемъ прочелъ означенныя бумаги и извѣспился о нашемъ общепольномъ предложеніи; а Хитрово, повторивъ шакже шишулы, прибавилъ: Въ бумагахъ содержишь ся, чшобъ намъ въ предложеніяхъ вѣришь. И сіе исполнишь они гошovy.

Послѣ сего Канцлеръ объявилъ, что они назначены выслушать наше предложеніе, а пошому и предлагають намъ излагать оныя.

Тогда всѣ вспали. Мы прочитали полной шишулъ сперва Вашего Императорскаго Величества, а потомъ Царя, и опять съли. Калвудій началъ читать другое предложеніе въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а Баушъ переводилъ оное ошь слова до слова по періодамъ. Выслушавъ содержаніе онаго, попребовали они шого письменно, что и было исполнено.

Пошомъ спрашивали, чрезъ Польшу ли мы ѣхали? Имѣешь ли Ваше Императорское Величество Министра при Король? Мы отвѣчали на первой вопросъ отрицательно, а на другой утвердительно.

Въ продолженіе сихъ вопросовъ замѣнили, что переводчикъ, которой до сего времени называлъ Ваше Императорское Величество приличнымъ титуломъ, началъ употреблять титуло Королевское *Великомочіе*. Мы совѣшавали ему не употреблять сего неприличнаго названія. Депутаты отвѣчали, что ежели вы первые называете такимъ образомъ Царя нашего, то и мы поступать иначе не можемъ. Ежели почтете Царя нашего титуломъ Величества по примѣру Аллегрешта и Лорбахія, то и мы поступимъ одинаково. На сіе мы отвѣчали: Римской Императоръ выше всѣхъ царствующихъ особъ Христіанскихъ, и всѣ отдають безспорно приличной титулъ Императору. Что же касается до Аллегрешта и Лорбахія, то они совсѣмъ противное утверждаютъ въ письмахъ своихъ къ Императору Фердинанду III, отъ 18го Января 1656 года изъ Москвы въ Вѣну пущенныхъ. Сіе неудовольствіе, случившееся съ Канцлеромъ, произошло отъ того, что въ бумагахъ на Латинскомъ языкѣ сообщенной Московскимъ Депутатамъ, при наименованіи Царя предъ титуломъ Вашей Свѣплости и въ другой таковагожъ содержанія на Нѣмецкомъ, употребляли только титулъ *Великомочіи*; почему и требовали они, чтобы на Латин-

скомъ предъ пишуломъ Вашей Свѣшлости, было слово Царское и шаковое же на Нѣмецкомъ вмѣсто пишула *Великомощіе*. Канцлеръ очень былъ доволенъ, когда сіе выполнили; но чшобъ болѣе ихъ увѣришь, прочли ошъ слова до слова въ семь мѣспѣ означенное донесеніе Аллегрешша и Лорбахія, и просили изъяснить, по какому праву перебуошъ Царю пишуль Величештва, по древнему, или по новому? Ежели по древнему, шо опровергаемъ сіе означеннымъ донесеніемъ; ежели же по новому, шо размыслилибъ, что сего сдѣлашь безъ позволенія нашего Государя не можемъ. — Они ушверждали, что Аллегрешшъ вездѣ и во всѣхъ случаяхъ давалъ Царю пишуль Величештва. — Мы на сіе ошвѣчали, что если Аллегрешшъ говорилъ сіе одинъ, шо до насъ не касается; а когда предшавяшъ бумагу, гдѣ оба посланника называюшъ Царя пишуломъ Величештва, шогда послѣдуемъ ихъ примѣру.

Они жаловались шакке, что Ваше Императорское Величештво упошребили въ письмахъ своихъ простой пишуль *Великомощіа*, вопреки своимъ предшешвенникамъ, кошорые Великихъ Князей Московскихъ величали Могушешвеннѣйшими. Ошвѣчали, что письмо Вашего Императорскаго Величештва къ Царю было писано въ Императорской Придворной канцеляріи, кошорая не знаетъ (шакъ говорили): чшобы какой-либо Великій Императоръ называлъ Великаго Князя или Царя Московскаго Могушешвеннѣйшимъ. Впрочемъ, ежели докажутъ прошивное, шо

доведемъ сіе до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Полагаемъ, что сего доказать не могушь.

Намъ извѣстно, говорили мы, изъ донесенія Аллегрешта, что на первой аудіенціи Великій Князь, спрашивая о здоровьѣ Фердинанда III го, слагалъ съ головы корону, а при насъ, вопрошая о здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества, сего не дѣлалъ. Просили дружески изъяснить намъ сію разницу, намъ непонятную, для чего она употреблена одною и шюю же особою, то есть Царемъ, между ошцемъ и сыномъ Императорами. Всѣ ошвѣчали въ одинъ голосъ, что Аллегрештъ донесъ ложно и Царь никогда не снималъ и не снимаешь короны, хотя бы то было въ Вербное воскресенье, или во время приобщенія свяшыхъ таинъ. — Ошвѣчали, что вѣримъ Аллегрешту во первыхъ пошому, что Министръ о вещи незначительной не можешь донести ложно своему Государю; во вторыхъ оправдываетъ его самое обыкновеніе Христіанскихъ Государей, которые спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ съ головою непокровенною. Но они рѣшишельно ушверждали, что донесеніе Аллегрешта въ семь мѣспѣ ложно; ибо Царь сего никогда не дѣлалъ; одобряли также обыкновеніе Христіанскихъ Государей шѣмъ, что они принимаютъ пословъ не въ коронѣ, а въ шапкѣ, и пошому снимають ее; Царь слѣдуетъ также сему обычаю, и будучи съ Аллегрештомъ, когда пивалъ за здоровье Фердинанда III го, снималъ съ головы шапку.

Въ продолженіе сего спора Переводчикъ называлъ Царя вмѣсто Великомоція шишломъ Величества. Мы объявили, что ежели сего не перемѣнишь, то уйдемъ и болѣе не возвратимся. Канцлеръ, услышавъ сіе, сказалъ, что на сей разъ препишствій сихъ прекратишь не лзя, и дѣло оставяешь на прежнемъ основаніи, пока права ихъ доказаны будутъ законнымъ порядкомъ. Переводчикъ началъ употреблять шишулъ Вашего Императорскаго Величества, Депутаты оприваились докладывать Царю. Послѣ четвертаго часа Канцлеръ сообщилъ, что доносилъ о всѣхъ предложеніяхъ Государю; но опѣша не воспослѣдовало, почему можемъ возвратишься домой. И мы возвратились съ шѣми же почестями.

Августѣйшій Императоръ! касательнo неснятія Царемъ короны при вопроеъ о здоровѣ Вашего Императорскаго Величества принимаемъ въ соображеніе: первое, что четыре Депутата, нимао не замѣшавшись, скоро и единогласно опровергнули донесеніе Аллегрешта, хотя Мосъвишяне и умѣютъ притворятъся, но не возможно, чтобы они въ семъ случаѣ говорили неправду. Второе, въ донесеніи Аллегрешта и Лорбахія изъ Москвы 18 го Генваря 1656 года не упомянуто ни о подобномъ случившемся съ нами поступкѣ, ни о снятіи короны, а говорится просто, что Царь всталъ съ престола. Изъ чего заключаемъ, какъ Аллегрештъ писалъ съ поварищемъ

своимъ въ Вѣну второе донесеніе, спусти цѣлой годъ послѣ перваго, по могъ ошибиться какъ человекъ, или забышь какъ спарикъ. Впрочемъ утвержденіе Депушатовъ не совсѣмъ было справедливо; ибо удостовѣрились мы, что Царь снимаетъ съ головы корону, когда прикладывается къ образамъ, во время чтенія Евангелія; на великомъ выходѣ; въ Вербное воскресеніе на все-ночномъ, и когда Митрополишь (Патріарха не было) подносилъ къ нему образъ, шестъ его Илья Даниловичъ снималъ предъ нимъ корону и надѣвалъ ее. Свидѣтельства Лорбаха, Гондола, Лавренція Курелиха и другихъ не заслуживаюшь вѣроятія.

Въ концѣ Маія приславъ нашъ Дьякъ объявилъ съ пришворнопечальнымъ лицомъ, что приславъ занемогъ опасно и на мѣсто его опредѣленъ первый нашъ дорожный Приславъ Иванъ Аванасьевичъ Желябужскій, которой дни за два предъ симъ сказывалъ о семъ нашему Священнику, а больнаго видѣли послѣ шести часовъ въ добромъ здоровьѣ разѣзжающаго въ городъ; сего довольно было для ошкрпшя Московской хитрости. Въ дорогъ замѣтили мы по разнымъ разговорамъ способности и здравый разумокъ означеннаго Желябужскаго. Полагая, что онъ, имѣя частую переписку съ Канцлеромъ, находишья подъ покровительствомъ онаго и доидеть до почести придворнаго: обдумавъ и предсавя себѣ, что въ Москвѣ, по скрышности Рускихъ и совершенному уединенію, сообразному съ грубымъ обычаемъ ихъ, не

возможно намъ будешь дашь почувствовать Миниспрамъ того, что предписано Вашимъ Имперашорскимъ Величешвомъ, хоня бы въ видѣ опкровенности, и имѣя между шѣмъ основашельное опасеніе, чшобъ въ продолженіи пупешествія въ Москву не было приняшо Французское посредничештво, мы иногда, какъ бы увлекаясь разговоромъ или довѣренностію, за споломъ мало помалу опкрывали Желябужскому по по, по другое, что намъ и удалось; ибо не сомнѣваемся, что пайны, вывѣданныя имъ у насъ, какъ бы опъ болшливости, доведены были до свѣдѣнія Канцлера. Опъ сего произошло, какъ мы сказали, что послѣ первой аудіенціи или конференціи Царю было угодно его снова дашь намъ присшавомъ, какъ человекъ приверженнаго и уже искуснаго вывѣдывашъ всѣ наши помышленія.

Перваго Іюля расположились войска опъ нашего дома до дворца и многіе нижніе служители Царскіе уже шолпились въ сѣняхъ для препровожденія нашего, какъ прибыли присшавы съ извиненіемъ, что по ихъ календарю въ праздникъ Вознесенія Господня оплагается конференція и назначается послѣ двухъ дней. Не почиая сіе извиненіе важнымъ, ибо въ большой праздникъ войско не собралось бы для нашего церемоніала и его опъ упренной зари до полудня не держали бы въ дождь на улицахъ; но не имѣя возможности перемѣнить сего, согласились на опсрочку и сказали, что мы готовы взять шершніе въ семь дѣлъ; но жалѣемъ,

что проходишь время, а съ нимъ и способъ дѣйствовать. Курьеръ съ ихъ рѣшеніемъ можешь не заспашъ Сейма въ Варшаву, копорой, полагають они, начался уже съ 22го Маія, и тогда-то опасаться должно, чтобы Поляки, подспрекаемые людьми безпокойными, не продолжали войны съ большими силами и дѣшельноспію.

На слѣдующій день узнали мы отъ преданнаго намъ человека, что они разсуждали, допускашь ли насъ къ дальнѣйшимъ конференціямъ; и мы замѣнили, что ни одинъ изъ приславовъ не былъ у насъ, и никого не видали, кто бы имѣлъ о насъ попеченіе.

Третьяго Іюня, около десятаго часа по полуночи, отправились на вторую конференцію съ обыкновенною церемонією. При дверяхъ дворца встрѣтили насъ два Дѣяка отъ имени Депушатовъ и сколько же во дворецъ предъ комнатами конференціи. Въ первой комнатѣ принялъ Канцлеръ, а во второй прочіе приславы, копорые, успутивъ намъ переднее мѣсто, сѣли, какъ и мы, на своихъ мѣсахъ.

Содержаніе довольно продолжительной конференціи было слѣдующее: во первыхъ объявили они, что не могутъ, не согласившись въ шишулахъ, приступить къ дѣлу; не соглашающа же въ двухъ спашьяхъ: первое, въ шишулъ Могущественнѣйшаго, второе, въ шишулъ Величества: по и другое они пребуютъ, представляя въ доказательство справедливости подлинныя ошвѣты, по по-

вельнiю Вашего Императорскаго Величества данныя въ Вѣнѣ 17 го Ноября 1658 года Якову Лихареву, посланному отъ Царя къ Вашему Императорскому Величеству, и при подлинныя письма на пергаментѣ отъ Императора Рудольфа II го отъ 17 го Юля 1594 года изъ Регенсбурга, 23 го Маія 1600 Пильзена и 27 го Генваря 1607 го, изъ Брандебурга къ Великому Московскому Князю отправленныя съ шишуломъ Могущественнѣйшаго; и говорили: Вашъ Императоръ объявлялъ Царю чрезъ вышеозначеннаго посла шишуловать его по обыкновенiю своихъ предшественниковъ. А какъ Императоръ Рудольфъ Великаго Князя Московскаго называлъ Могущественнѣйшимъ въ разныхъ актахъ, слѣдовательно, и проч. Вразсужденiи же Величества, продолжали они, мы видѣли изъ параграфа вышеозначеннаго отъ вѣща, что Ваше Императорское Величество остались недовольнымъ на Трагшенiя, что онъ не хотѣлъ Царя шишуловать Величествомъ, почему и не вѣряшь, чтобы Ваше Императорское Величество такъ скоро забыли свое слово и не позволяли давать Царю Величества! Очевидно, что зашрудненiя происходятъ отъ насъ, примѣръ Трагшенiя предъ глазами, которой по своей жесткости испортивъ дѣло, возвратился безъ успѣха. Съ нами можеть случиться тоже, ежели будемъ долѣе настаивать, да и безразсудно было бы посредничество принять отъ шѣхъ Министровъ, которые, не бывъ допущены, произвели у

Царя такое къ себѣ предубѣжденіе. Если недоспаетъ средствъ къ возстановленію мира безъ посредника, то, имѣя нужду, могутъ пригласить другаго. Между тѣмъ оставили дѣло безъ продолженія.

Выслушавъ ихъ рѣшеніе и размысливъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ непринятія посредничества Вашего Императорскаго Величества, публично предложеннаго, или принятаго, а послѣ отвергнутаго, и разсуждая, что хотя Ваше Императорское Величество никого не называетъ Величествомъ; но ваши послы или даже посланники величаютъ того Царя Величествомъ, при коемъ находятся, освѣдомившись въ Москвѣ, что всѣ иностранные посланники шипуютъ Царя Величествомъ, и что самъ Аллегрешъ поступалъ такимъ образомъ, исключая первое предложеніе, сдѣланное чрезъ Лорбаха; припомнивъ также, что Ваше Императорское Величество позволили Трагстенію давать означенный шипуль, ежели онъ можетъ предвидѣть отъ сего успѣхъ въ дѣлахъ, и что его обвиняли за противный сему поступокъ, разсудили, что хотя ясно намъ о семъ не сказано, но и не запрещено. И такъ изъ двухъ золъ, избѣгая того, которое приносить вредъ невозвратно и слѣдовательно большій; а другое, которое можетъ исправлено быть волею и благорасположеніемъ Вашего Императорскаго Величества, и слѣдовательно меньшій, принуждены были подъ условіемъ на сіе согласиться. О шипуль же Могуцесвенный.

шаго опивчали, что мы сами рѣшимъ не можемъ, а напишемъ къ Вашему Императорскому Величеству, ошъ коего и получимъ разрѣшеніе; о шомъ, что зависимъ ошъ насъ, шакже будемъ писашъ; но соглашаемся до полученія разрѣшенія, для уничтоженія спора, несомѣшнаго съ продолженіемъ мира, и для испребленія мнѣній предосудительныхъ, пишувашъ Царя Величествомъ.

Предложеніе же, на письмѣ врученное ему, переменить не могли; ибо оное получено нами ошъ Вашего Императорскаго Величества. И шакимъ образомъ дѣло кончилось.

О семъ предметѣ всеподданнѣше доносимъ, что послы предшественниковъ Вашего Императорскаго Величества, отправляемые въ Москву съ письмами, вручали оныя, съ пишумомъ Великомоціе, не заботясь впрочемъ, какимъ образомъ переводчикъ Рускій шолковалъ сіе слово; а онъ изьяснялъ его обыкновенно чрезъ слово Величество. Русскіе же симъ были довольны, и въ особенноти Аллегрешпомъ, копорой, говоря на Славянскомъ языкѣ, пишувалъ Царя Величествомъ; когда въ бытность Трагшенія переводчикъ Баушъ, копорой намъ о семъ сказывалъ, изьяснялъ пишумъ *Großmächtigkeit* чрезъ слово Величество, шо посланникъ, зная хорошо языкъ, жаловался на неправильность сего перевода и шребовалъ, чтобы сіе слово, согласно съ силою Нѣмецкаго языка, переведено было *Великомоціемъ*. Сіе примѣшили Русскіе и

завелъ споры, кошорые имѣли съ самимъ Трагсшеніемъ и съ нами, и кошорые, изъ уваженія къ ихъ щеславію, едва могли окончить. И шакъ по прекращеніи сего Канцлеръ сказалъ, что Царь съ удовольствіемъ принялъ желаніе Вашего Императорскаго Величества пребыть съ нимъ въ добромъ дружествѣ, кошорое онъ взаимными услугами поддержать желаетъ. А попомъ благодарилъ за брашское благорасположеніе въ предложеніи мирнаго посредничества между имъ, Королемъ и *Царствомъ* Польскимъ, кошорое онъ охотно приѣмлетъ; желаетъ однакоже знать, по просьбѣ ли Короля Ваше Императорское Величество оное предлагаете? извѣстны ли Вашему Императорскому Величеству его мирныя условія? Мы или другіе посланники Вашего Императорскаго Величества будутъ при переговорахъ? Ежели мы, по имѣемъ ли на сіе полномочіе заключить перемиріе или шраковашъ о мирѣ?

Поблагодаря сначала за принятое Царемъ посредничество, ошвѣчали, что Ваше Императорское Величество не по просьбѣ Короля Польскаго, а единшвенно изъ Христіанскаго челошкѣлюбія, пощадишь кровь вѣрныхъ, предлагаете себя посредникомъ, а пошому и не знаете о условіяхъ Короля. Въ надлежащее время онъ милоспиво повелѣлъ намъ принять должность сію, и для шого снабдилъ насъ должнымъ полномочіемъ. Заключать перемиріе мы права не имѣемъ; а сіе зависишь ошъ воли воющихъ Дер-

жавъ; и мы въ семь случаевъ намѣренія Поляковъ не знаемъ.

Къ сему прибавили, что должно согласиться немедленно о мѣсцѣ и времени переговоровъ, и просили не длить болѣе онаго, ибо примѣчаемъ, что курьеръ едва ли прїѣдетъ, по желанію нашему, въ Варшаву прежде закрытія Сейма. При семъ сообщили за тайну, что надлежало дасть знать по инспрукціи и шайному плану относительно Французовъ, Польской Королевы и Шведскихъ предпріятій. Принято сіе съ благодарностію.

Послѣ сего Нанцлеръ спросилъ насъ, что по измѣненіи, имѣющемъ бытъ въ Царствѣ Польскомъ, Ваше Императорское Величество для себя или для Свѣтлѣйшаго Великаго Герцога Леопольда Вильгельма оную корону, какъ слухъ носится, получите желаете? и многія ли изъ дому Австрійскаго особы живутъ въ Германіи? — Мы отвѣчали, что Ваше Императорское Величество онаго престола не желаете, при чемъ и сообщили причины, изъясненныя намъ въ предписаніи и наставленіи, а равно, что Леопольдъ Вильгельмъ теперь Епископомъ; изъ фамиліи же Свѣтлѣйшей живутъ шре Великихъ Герцоговъ, Король и два брата Тирольскіе. Помощъ прибавили съ усмѣшкою: а ежелибъ кого и выбрали изъ Августѣйшаго дома на Царство Польское, шо примете ли его охотно? Отвѣчали: почемужъ не шакъ. Австрійскій домъ находится съ нами всегда въ дружествѣ, а намъ всег-

да прїященъ шомъ Король Польскій, копорый живешъ съ нами мирно. Владѣй симъ Царствомъ, кто хочешъ, нашъ Царь не заботишся о шомъ, хошя по докуменшамъ и имѣешъ право на выборъ.

Здѣсь пришло намъ на мысль исключить безъ шуму ошъ посредничества Французовъ, сказавъ: ошавъше лучше всѣобряды и скажише ошкровенно, на какихъ условїяхъ миришесь съ Польшею; такимъ образомъ мы имѣспъ съ посланникомъ нашимъ Барономъ де Лизолю, при Король Польскомъ, удобнѣе и въ короткое время все кончимъ. О чемъ размыслише, что они и записали.

Спросили ихъ: Имѣюшъ ли они другаго посредника кромъ Вашего Императорскаго Величества? Канцлеръ ошвѣчалъ, что Французскій Посланникъ Деломбръ въ Ноябрь 1660 писалъ къ Генералу Нащекину, что онъ посланъ ошъ своего Государя въ Польшу для возстановленїа мира между Царемъ и Королемъ, и что онъ предлагаетъ свои услуги Царю, ежели ему будетъ угодно. Русскїе же ошвѣчали Послу, что ежели онъ пришлешъ письмо ошъ своего Государя къ Царю, тогда онъ дасъ свое рѣшенїе; но писемъ до сихъ поръ ни ошъ Царя, ни ошъ Посланника не было.

Канцлеръ спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы еще чего сообщитъ по повелѣнїю Вашего Императорскаго Величества? ошвѣчали, что ошъ Вашего Императорскаго Величества посланы единственно для предложенїа посредничества, а что говорили по

довѣренности, по сіе не по предписанію, а по дружеству; на сіе сказалъ онъ: Царь нашъ испинно долженъ бытъ признашелевъ Вашему Императорскому Величеству за шакое доброжелательство.

Послѣ сего просили Депутатовъ, чшобъ поспѣшили рѣшеніемъ. Домой отправились съ обыкновенною церемоніею.

4го Іюня имѣли мы шрешью конференцію. О многомъ разсуждали; но главное было слѣдующаго содержанія: Царю пришло было предложеніе вести переговоры частно черезъ насъ и Барона де Лизола; но напередъ желалъ знашь условія Польскаго Короля. На опвѣтъ; чшо мы не знаемъ, Депутаты не рѣшились объявить своихъ, опговариваясь, чшо де Царь, не зная, приняло ли ихъ посредничество Королемъ Польскимъ, не можеть опкрышь своихъ намѣреній, и когда послѣ многихъ причинъ, нами приведенныхъ, они опспались при своемъ мнѣніи, шо принуждены были дѣло пуспить обыкновеннымъ порядкомъ.

Посомъ спрашивали: чшо можемъ написать вѣрнаго къ Вашему Императорскому Величеству о Французскомъ посредничествѣ? Опвѣчали, ежели опъ Французскаго Короля получаешь письмо, шо будущъ опвѣчашь, чшо Цесарскіе Послы уже предупредили ихъ, и чшо намъ не нужно много посредниковъ. Говорили даже, чшо Царь на письмо означеннаго Короля, предлагавшаго свое посредничество, не опвѣчалъ (вѣроятно пошому, чшо не даны желаемые ши-

шулы), а приказалъ только Нащекину писать Посланнику Деломбру, что письма его Государя пришли послѣ принятія Царемъ досташочной для возобновленія мира медиации.

Съ ихъ согласія послали курьера къ Вашему Императорскому Величеству. На шребованіе нашего полномочія представили слѣдующее: Объявивъ, что по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества де Маіернъ долженъ опшравиться на мѣсто переговоровъ, а Колвуцій ошашься въ Москвѣ. На сіе они согласились, ни въ чемъ не споря.

Спросили мы: въ какомъ ошношеніи они находились со Шведами? Опвѣчали, что надѣются скорого мира, особеннаго же ничего не сказали, почему посредничество Вашего Императорскаго Величества казалось намъ не во время; а особливо послѣ нѣкопормыхъ дней обнаружилось, что они навѣрное полагались на миръ. Желая возвысить доброе намѣреніе ваше, говорилъ Желябужскому съ обыкновенною ошкровенностію, что ежели случатся какія шрудности при договорахъ, которыя пошребуютъ посредника, то Ваше Императорское Величество для спокойствія всѣхъ Христіанъ бышь онымъ не ошречешся. Выслушавъ сіе ошошно, ишребовалъ ошъ насъ позволеніе доложитъ Царю. 20 Іюня 1661 года увѣдомились мы, что между Шведами и Русскими переговоры кончились, ошлось ихъ только написать на бумагѣ. 8 го

Юля объявилъ намъ съ другимъ приславомъ именовъ своего Царя о миръ съ Шведами. Когда мы спрашивали объ условіяхъ, они ошговаривались незнаніемъ.

Мѣсмомъ будущаго конгресса назначилъ Царь Полоцкъ, самимъ Королемъ Польскимъ за годъ предъ симъ избранной, при берегахъ Двины, въ мѣстахъ не сполько опустошенныхъ и обоудно удобныхъ, а время для начашія переговоровъ предосшавлено Полякамъ для того, чшобы, узнавъ въ Москвъ, могъ выслать шуда своихъ Полномочныхъ.

Подозрѣвая вѣрояшно насъ въ тожь, что мы будемъ писать о шипулахъ, Царь приказвалъ рѣшительно, не взирая на наши предсшавленія, вхашъ съ курьеромъ нашимъ Дьяку Еѣиму Прокофьеву.

8го Юля около 11 часа ночи, когда мы уже ложились, пришелъ Дьякъ Деменшій Башмаковъ, любимецъ Царскій, въ сопровожденіи придворныхъ служилелей, и объявилъ ошъ имени своего Государя намъ, любезнѣйшаго брата Леопольда, Римскаго Императора, посланникамъ о рожденіи сына, которій названъ Царевичемъ Феодоромъ Алексѣвичемъ; мы ошвѣчали какъ должно было и для изъясненія радости нашей подарили вѣспника большимъ вызолоченнымъ серебрянымъ храниномъ.

19го Числа тогоже мѣсяца Царь, празднуя рожденіе своего сына, сообщилъ намъ оную радость въ чешъ Вашего Императорскаго Величештва и давалъ споль въ нашеь

домъ. Приспавомъ былъ шопъ же Спольникъ Росшовскій, шъ же были обряды, съ прибавленіемъ четвершаго кубка за здорыве маленькаго Феодора.

Зого Юля Царь вздиль съ нами въ церковь Свянаго Іліи, приславъ вышеозначенаго своего любимца Деменшія спросилъ сперва о здорыве Вашего Императорскаго Величества, его любезнѣйшаго брата, а потомъ о насѣмъ.

21го Сеншября привхаль къ намъ вышеупомянушый Канцлеръ съ какимъ-шо Спольникомъ, кошорой возврашилъ изъ Польши, будучи за нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ посланъ къ Королю Польскому. Съ самага начала спросили насъ: Знаемъ ли мы, гдѣ находишся корона, коею вѣнчаюшся Короли Польскіе? ибо объявлено было на бывшемъ Сеймѣ Варшавскомъ, что какіе-шо вельможи Польскіе увезли ее въ Вѣну къ Фердинанду III, родшвеннику Вашего Императорскаго Величества, когда просили вспомогательнаго войска у него прошивъ Швеціи. Мы ошвѣчали, что сего конечно не знаемъ. Спольникъ сказалъ, что по повелѣнію Короля, Баронъ де Лизола содержилъ подъ крѣпкою спражею въ Варшавѣ, и даже вся его свиша: разсажена по одиначкѣ, и что онъ щещно просилъ Поляковъ о позволеніи предъ ошвѣздомъ своимъ поговорить съ ними; при семъ Канцлеръ спросилъ: знаемъ ли мы настоящую сему причину? Ошвѣчали, что можешъ бышь Г. Посланникъ, кошорый въ Варшавѣ не могъ выходить изъ

своего дома, былъ обманушь ошь желавшихъ его обманушь, или ошь обманушихъ; а намъ невѣроянно, чшобы означенной Баронъ былъ подь спражею, можешъ бышь, по неудовольствію Короля по дѣламъ Сейма, особливо за избраніе наследника ему, не допускаюшь его на нѣкоторое время во дворець. Они подлвердили, чшо находишся подь спражею, и чшо въ семъ нѣшь никакого сомнѣнія; причиною же полагаюшь удержаніе означенной короны.

Говорили, чшо курьеръ, опсправленный нами изъ Москвы къ Барону и къ Вашему Императорскому Величешву, вмѣстѣ съ Дьякомъ Еѣиміемъ Прокоѣевымъ, посланнымъ ошь Царя съ письмами къ Вашему Императорскому Величешву, 3 го Августа прибѣли въ Варшаву, въ шо самое время, какъ Спольникъ выѣзжалъ опшуда. Провожашые и ихъ конвой не допустили его говорить съ нами; слуга донесъ ему послѣ, чшо Дьякъ дорогою тайно на иносбранномъ языкѣ сказалъ, чшо всѣ ихъ письма опобрали и Королю доставлены. Каждаго держашъ особо подь спражею, а Миниспры посланные въ Липву для войны и мира вызваны Королемъ. Здѣсь Канцлеръ увеличивалъ поступокъ Короля Польскаго, называя сіе нарушеніемъ права народнаго, и увѣрлялъ, чшо Царь чрезвычайно сему дивился.

Опвѣчали, чшо мы сами удивляемъ и не вѣримъ, чшобы Король, находясь въ дружешствѣ, поступилъ какъ непріятель съ на-

шимъ курьеромъ. Трубачи, курьеры и Посланники однажды принятыя почитающа всѣми особами священными. Письма открывашь посольскія позволяешь только одна явная война, и пошому мы не можемъ вѣришь ни задержанію курьера, ни ошкрытію писемъ. Впрочемъ Король Польскій узнаешь изъ оныхъ только то, что уже доносилъ ему Баронъ де Лизола, что есть, желаніе Вашего Императорскаго Величества, прекративъ раздоры между имъ и Царемъ, пощадить кровь Христіанскую, готовность нашу выполнишь повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, и склонность Царскую къ миру съ допущеніемъ посредничества Вашего Императорскаго Величества, нами предложеннаго. Сожалѣли о Дьякѣ, который не подвергся бы сей участи, ежели бы они приняли наше совѣщъ, или дали ему письма Царскія къ Королю Польскому.

Канцлеръ винилъ насъ въ томъ, что Дьякъ посланъ былъ Царемъ по удостовѣренію нашему на конференціи. На вопросъ: вѣрно ли знаемъ, что Поляки примушь посредничество Вашего Императорскаго Величества? мы тогда отвѣчали, что Ваше Императорское Величество удостовѣрены, что Поляки онаго не ошвергнушь. Но мы доказывали, что они изъ благоразумія не должны принимашь дѣло, могущее только исполниться, уже за исполнившееся. Вѣроятно, что по случаю посредничества и его принятія были переговоры между Королемъ Польскимъ и де-Лизолаю, а сіе

подадо поводъ неприяшной молвъ о ваяніи его подъ спражу.

Къ сему прибавилъ Спольникъ, что онъ привезъ ошвъщъ на письма Царскія, имъ дошпавленныя Королю Польскому, кошорой изъ являлъ согласіе на мирныя переговоры и на назначеніе своихъ Посланниковъ; но о посредничествѣ Цесарскомъ не упоминалъ, ниже онъ самъ ошъ кого-либо о семъ во время бытности его въ Варшавѣ слышалъ. Изъ чего ясно видно, что Король не знаетъ, или не принялъ онаго. — Ошвъщали, что-бы онъ не зналъ, сего не можешь бышь, когда мы явнымъ образомъ для сего ошсправлялись въ Москву; что онъ ошвергнулъ, сего не лзя заключишь, пошому что онъ не упоминаетъ ни Посланнику, ни въ письмахъ къ Царю; да и курьеръ нашъ не услылъ еще приѣхашъ въ Варшаву съ извъспіемъ о принятіи онаго Царемъ, по словамъ Посла, а пошому и не было еще времени Королю объявишь своего намѣренія; а когда узнаешь изъ ошкрытыхъ писемъ (чему мы не вѣримъ), или, что правдоподобнѣе, изъ донесенія Барона де Лизола согласіе Царя, то не сомнѣваемся по здравому предположенію, что-бы оно не было принято. Болѣе въ семъ удостовѣрились, когда услышали, что онъ шотчасъ послѣ прибытія нашего курьера вызвалъ Посланниковъ своихъ, изъ Липвы уже ошправленныхъ, предполагая, что онъ намѣревался ихъ извъспишь о новомъ семъ случаѣ. Ошсавалось ожидать возвращенія курьера.

Канцлеръ говорилъ: Поляки, хотишь заключишь миръ безъ посредника, а мы спросили его: что о семъ думаешь Царь? Хочешь ли исполнишь обѣщаніе, объявленное Дедушашами въ конференціи и Вашему Императорскому Величеству объясненное? онъ отвѣчалъ, что донесешь Государю, мнѣніе его объявишь намъ чрезъ прислава Желябужскаго, чего однакожь не исполнишь.

Жаловался очень много на Поляковъ, что они жестоко содержатъ Русскихъ пленныхъ и людей опличныхъ заставляющъ копать и пахать землю, давая немного воды и хлѣба, въ ихъ горести и нещасіи, разны не хотишь, за Русскихъ надѣющся получишь *Lithrum*, а своихъ не искупающъ. Просилъ, чтобы мы сообщили о семъ Вашему Императорскому Величеству.

Въ шопъ же день послѣ обѣда посѣлилъ насъ означенный Желябужскій, который говорилъ о задержаніи курьера и открытіи писемъ, спараясь насъ увѣришь, что шо произошло ошъ задержанія Польской короны; пошомъ о нашемъ, шого и другаго, какъ бы скоромъ ошѣздѣ изъ Москвы. И шакъ мы должны были повторишь, что по предписанію Вашего Императорскаго Величества по обѣщанію Дедушашовъ, де-Маіернъ одинъ ошправился на мѣшо переговоровъ, а Колвудій во время оныхъ ошпанешся при Царѣ. Просили, чтобы онъ напомнилъ Канцлеру и объявилъ ошъ имени нашего, что не можемъ иначе располагать своею особою, а особливо какъ Дедушашы изъя-

вили на сіе свое согласіе, о чемъ мы донесли уже Вашему Императорскому Величеству. Онъ ошвъчалъ, что лучше сдѣлаемъ, ежели ошправимся оба присланные ошъ Вашего Императорскаго Величества для услуги Царской; а услуга сія пребуешъ, чтообы мы вѣхали оба, а Царь извинишся самъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ письменно. Правда, возразили мы, что присланы для услуги Царской; но какимъ образомъ выполняшъ ее, намъ предписано; а намъ не прилично изъясняшъ наспавленія своего Государя, или ошступашъ ошъ нихъ, еще менѣе, дожидашся новыхъ предписаній. — Онъ сказалъ, что донесешъ о семъ Канцлеру и дашъ на слѣдующій день ошвѣшъ, чего однако не выполнилъ до 28 го Сеншября, ссылаясь, что Царь не пошлешъ своихъ Пословъ прежде прибышя курьера изъ Польши въ Москву, и тогда можемъ располагашся своимъ ошъездомъ. Исполнено ли было сіе ложное обѣщаніе, время показало.

Въ послѣднихъ числахъ Сеншября Царь ошправился въ славный Троицкій монастырь въ 12 миляхъ ошъ Москвы, близъ Переслава, гдѣ покояшся мощи Свяныхъ Сергія и Никона, чудесами прославленные, и прислалъ къ намъ Спольника Росшовскаго, кошорой насъ о семъ извѣсшилъ и спросилъ о здоровьѣ. Поблагодаривъ униженно, мы пожелали Царю исполненія его желаній и при добромъ здоровьѣ возвращенія.

Царь, проѣзжая и замѣшивъ нѣкоторыхъ изъ нашей свиты, кои съ почтеніемъ кланялись, подославъ спросилъ, ошъ насъ ли они? а пошомъ его именовъ спросилъ, здоровы ли мы? и возвратились къ своему Государю съ ошвѣдомъ и благодарноштію.

20 го Окшября означенный Желлбужскій ошъ имени Царя объявилъ намъ, что на другой день поведеть курьеръ въ Варшаву съ письмами къ Королю Польскому, коими онъ извѣщаетъ, что время для переговоровъ назначается 1 го Генваря по старому стилю; а мѣсто не далеко ошъ Смоленска; и полагая, что съ обѣихъ сторонъ Послы съѣхашься не замедляшъ, уведомляешъ что давно живущіе въ Москвѣ Послы Его Императорскаго Величештва также ошправляются для посредничештва, предложеннаго Вашимъ Императорскимъ Величештвомъ и имъ принятаго.

19 го Декабря обыкновеннымъ образомъ прибыли мы во дворець для разсужденія съ Депушатами, кошорые сперва чинали съ гордосшію первые наши переговоры, пошомъ спарались полковашъ заключение довольно длиннаго письма ошъ Короля Польскаго къ Царю изъ Лемберга 19 го Ноября 1661 года, коимъ ошвѣчалъ Король, что онъ уважаетъ дружешвенное предложеніе Вашего Императорскаго Величештва, и что ежели будущъ разсуждать съ посредниками о мирѣ, по не шолько Вашего Императорскаго Величештва медиация, но и самаго малаго Кнзя не можешъ бышъ ошвергну-

ша; однакожь, зная по опыту, что посредничество продолжаетъ только время для выгоды посредниковъ, и что следуя правиламъ своихъ предковъ, онъ посредничества не приемлетъ, почему и проситъ Царя не отправлять оныхъ; а ежели желаетъ скорого мира, то прислалъ бы однихъ своихъ комиссаровъ, въ противномъ же случаѣ онъ сумнѣвается въ его къ тому расположенію. По проченіи сего они спросили насъ, что надобно дѣлать Царю и намъ? Мы отвѣчали, что давая законы должны побѣдители, побѣжденные же принимаютъ оные. Пусть поступаютъ сообразно съ тѣмъ, кого они почитаютъ побѣдителемъ, Короля ли Польскаго или себя, и ежели не такъ, то да уступятъ необходимости. Мы были посланы для предложенія Царю посредничества, по исполненіи чего мы оставались какъ будущіе его Министры, кои не имѣютъ права судить, какъ должно поступить съ нами, а выполняютъ только волю того, къ кому посланы. Ежели бы обстоятельство зависѣло отъ насъ, мы бы остались въ Москвѣ до приѣзда нашего шрубача, въ надеждѣ узнать вѣрнѣе о дѣлѣ и о способѣ дѣйствовать, увѣрены, что Ваше Императорское Величество писавъ изволили уже къ Царю Польскому, и что онъ уже принялъ медиацию. Между тѣмъ просили копии съ письма Царскаго. О чемъ хотѣли донести Царю.

Прежде 40 дней получили мы милостивыя Вашего Императорскаго Величества

предписанія изъ Вѣны отъ 16 го Августа, касающагося распечатанія пакета, врученнаго намъ предъ отъѣздомъ изъ Вѣны съ повелѣніемъ, не открывать онаго до дальнѣйшаго приказанія. Прочитавъ содержаніе онаго, мы требовали конференціи у Царя. За отсутствіемъ двухъ Депутатовъ присланъ былъ 14 го Ноября для выслушанія нашего Канцлеръ, коему изложивъ все по предписанію, требовали совѣта и помощи Царской прошивъ Турковъ и по его желанію вручили оное ему на бумагу, шестеро нѣсколько разъ просили отъѣзда. Почему на сей конференціи снова требовали онаго, и Канцлеръ немедленно прочелъ сей свѣдѣніе, а переводчикъ изъяснилъ намъ смыслъ онаго такъ: Царь имѣетъ двухъ сильныхъ враговъ, Поляковъ и Крымскихъ Таттаръ, прошивъ коихъ во многихъ мѣстахъ расположено сильное войско, а потому не находишь благоразумнымъ вооружать противъ себя претвѣряго гораздо сильнѣйшаго, коему при союзѣ его съ другими не имѣетъ достаточныхъ силъ прошивопротивить. Если примиримся съ Польшею, то можемъ помогать Вашему Императорскому Величеству, а между тѣмъ совѣтуемъ Вашему Императорскому Величеству требовать помощи у соседственныхъ Христіанскихъ Государей, въ мирѣ пребывающихъ. На сіе не опустили представить Ваше Христіанское сердоболіе къ дѣйствіямъ войны кровопролитной и долговременной Русскихъ съ Поляками, и показавъ мѣстное положеніе Государей Гер-

маніи, убѣждали сильными доказательствами подать помощь на общаго врага, а на Крымскихъ Ташаръ послашь войско изъ Калмыкъ, Черкесъ и Донскихъ козаковъ въ Крымъ, въ случаѣ заключенія мира съ Польшею просили объявишь, какую они окажутъ намъ помощь, для того, чтобы Ваше Императорское Величество приняли должныя мѣры; но опредѣлительнаго отвѣта не получили, почему просили онаго на бумагъ. Они сего сдѣлашь не хотѣли, подъ предлогомъ, что согласно вѣрющимъ письмамъ, они уже на два предложенія наши отвѣчали письменно; а на сіе, какъ дѣло постороннее, сдѣлашь сего не могушь, предполагали мы, что все переговоры производящя оупъ имени Вашего Императорскаго Величества, а не частно, почему какъ последнее, такъ и первыя представлены на бумагъ по предписанію Вашего Императорскаго Величества, на кои они могушь отвѣчать также одинаково. О семъ хотѣли донести Царю. 22го Декабря просили прислава Желябужскаго получишь оупъ имени нашего у Канцлера копію съ письма Польскаго Короля и Царскаго опредѣленія оупъ относительно насъ. 30го Получили отвѣтъ, что Царь согласно съ нами полагаетъ нужнымъ ожидать возвращенія шрубача въ Москву, и предъ отвѣздомъ нашимъ послѣдуетъ удовлетворительное рѣшеніе и на все прочее. Мы объявили согласіе наше на ожиданіе въ Москвѣ, но на прочее пребывали скорѣйшаго рѣшенія для донесенія Вашему Императорскому Величеству.

17 го Ноября прибылъ военачальникъ Царскій, бывший въ плъну у Поляковъ, и рассказывалъ, что продолжалъ пушью ошъ Варшавы съ Степаномъ Бьялко, Шведскимъ Посланникомъ, вскоръ послѣ Сейма, до Данцига допрашиваемъ имъ былъ, не желаетъ ли изъ преданности къ своему насшющему Государю развѣдать, что мы дѣлаемъ въ Москвѣ, и о семъ его увѣдомишь; ибо извѣстно было, что мы посланы были Вашимъ Имперашорскимъ Величешвомъ для заключенія союза съ Царемъ ко вреду Польши и для раздѣленія оной. Прошивъ сего предположили сосшавить союзъ насшупательный и оборонительный, каковой и заключенъ съ Польшею. Означенный военачальникъ все сіе подтвердилъ намъ съ позволенія Ильи Даниловича; по извѣщеніи благодарности, показали вмѣсто ошвѣтп письма Вашего Имперашорскаго Величешва къ Королю Шведскому намъ ввѣренныя съ повелѣніемъ предложить посредничешво, когда будецъ нужно, что и исполненобъ было, ежели бы они не заключили мира сами собою.

Узнавъ, что 8 го Генваря 1662 пригото- влялся обвѣдъ шоржешвенный для нашего ошпуска, спарались по возможности ошдалишь его, въ какомъ намѣреніи сообщилъ свое мнѣніе Канцлеру чрезъ пристава Желябужскаго.

Желаніе видѣться съ родшвенниками влекло насъ въ ошечешво, а особливо, когда насшала глубокая осень, неблагопріят-

ное время на Свѣрѣ путешественнику; но общественное благо и должность постыжили насъ выше частныхъ выгодъ и привязанностей, и пошому просили мы объ отсрочкѣ нашего отъѣзда. Полезнее было ожидать отъѣзда Дьяка Прокофьева и нашего курьера, въ шой увѣренности, что Всемилосливѣйшій нашъ Государь имѣеть сношение о медиации съ Королемъ Польскимъ, и въ надеждѣ успѣха желаетъ извѣстить насъ о принятіи оной чрезъ Дьяка, котораго нарочно удерживаетъ въ Вѣнѣ, а въ противномъ случаѣ дѣла могутъ разстроиться и много пройдетъ времени, ежели мы Министры должны будемъ возвращаться съ дальней дороги по полученіи извѣстія. И такъ рѣшились ожидать и немедленно отъправитъ отъѣздить въ Вѣну на послѣднее предложеніе о Туркахъ. Будущъ другіе переговоры, время бесполезно не пройдетъ, а ежели извѣсть, то Цесарь приметъ новыя мѣры. Просили принять въ уваженіе сія разсужденія и нашъ отъѣздъ отложить.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

Известіе о церкви Св. Николая Чудотворца, что въ Кошляхъ.

(П и с ь м о .)

Мимоходомъ и взглянулъ на церковь Св. Николая въ селеніи Кошлы, въ коей, по живнію Карамзина, находился въ заштотеніи Архіепископъ Іоаннъ, ходатай за графа Новгородскія при Великому Князю Василіи Дмитриевичу, (*) и послѣ, въ поже Росударствование (1425), облачался Мишрополишь Киприать при въздѣ своемъ въ Москву (**), съ коей соединены и еще нѣкоторыя, неважныя впрочемъ, Историческія воспоминанія (***). Въ сожалѣнію, я не могу сказать вамъ о ней ничего, достойнаго вашего вниманія. Древняя церковь, о коей упоминается въ Исторіи, не существуетъ

(*) „См. Кар. V, пр. 194 въ Троицк. лѣт.: а былъ (Архіеп. Іоаннъ) во изнimanыи 3 лѣта и 6 мѣсяць, а сяды въ монастырѣ у Св. Николаи у старого.“ На Перерѣзъ помянуто Мишрополища Платона; но сей Никола Спарый находился между Кошлами и Москвою.

(**) См. Кар. V, пр. 232: въ Никои. лѣт.: „И срѣше (Мишрополища) самъ Вел. Князь съ матеріею своею Евдокіею и съ брашею и съ бояры на Кошля . . . и облечеса во Священительской санъ Киприать у Николаи у Спарого и поиде въ градъ Москву“

(***) Въ эту же церковь удалася Фелиппъ Мишрополишь во время пожара Московскаго въ 1473 г. при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ (См. Кар. VI, пр. 101). — Никольской Игуменъ Спарого Давидъ поспригаль въ монастыри несчастную супругу Василія Іоанновича, Содоноію, оставленную имъ за неплодіе. — Св. Фелиппъ Мишрополишь по отрѣшеніи его Грознымъ ошъ Мишрополии былъ перевезенъ въ обители

Ч. I, Но III и IV.

14

бодье; даже часто, где находилась она, неизвестно, и не по какимъ признакамъ судить о томъ не лзя. Не только Анни-кварин, но даже искатели кладовъ, между коими насшари ведется молва, что близъ сшарой церкви зарыты несшщныя сокровища, шщешно искали (въ 1804 и 1805 годахъ) кладовъ ея, изглашенныхъ временемъ; преданія совершенно противорщатъ себъ взаимно: одно говоритъ, что церковь была на прошиной сторонъ рщки Кошдовка, другое — близъ вышешней церкви. Когда построена сш послщдняя, шажже не знаютъ; церковныхъ записокъ никакихъ не осталось; сшарошкшми ничего не слыхали о томъ ошщ ошщцехъ своихъ; есшш только шешной слухъ, что она существовала лишь пршща. По Архшщекшуръ едва ли судить можно, ибо церковь часто была перешщрошваема — прежде она имела пять главъ и множество пршщроенныхъ прщдщловъ. Пронщщцевъ, при Пешрщ Великомъ ошщправленный куда-шо Послщниккомъ, на моръ былъ засщженъ буреш, и сщдщалъ обшщъ, въ случаъ избавленя построшщщ церковь, во имя Св. Николая. Мгновешно ушщщидась буря, и образъ Св. Угодника подщамлъ къ нему по водъ. Пронщщцевъ взял его, и возвращщсь въ ошщчешство, въ исполненше своего обшща шолько обновилъ и украсилъ церковь Св. Николая. Образъ сей показан-

Св. Николай Стараго, на берегу Москвы рщки, куда и прежде, по извщшшю Архшщ. Новогород. Лшщ. Малинов., перешщалъ онъ жшщъ, началъ ссоршщщся съ Леанномъ. (См. Кар. IX. с. 108, пр. 195.)

наешия въ церкви. — Прочищенъ сломавъ и
 пилъ главъ съ церкви и сдѣлавъ верхъ шни-
 лемъ, которой уничтоженъ уже недавно.
 Окна, осмѣявшися непркосновеннымъ во
 время сихъ переспоекъ, весьма малы и узки;
 древняя живопись иконостаса каменникомъ
 священникомъ, который сообщилъ мнѣ не-
 сколько изъ сихъ свѣдѣній, дѣлать во немъ на-
 задъ обновлена, ибо прежняя, какъ сказы-
 валъ онъ, до него сажала, что не лаяа бы-
 ло различать ликовъ. Сей иконостасъ замѣ-
 чашелось по своей формѣ: оба прѣдѣла сто-
 ятъ рядомъ; образа въ нихъ, находящіяся
 надъ иконостасомъ до потолка, расположены не
 по прямымъ линіямъ, какъ обыкновенно бы-
 ваетъ въ нашихъ церквахъ, но по дугамъ,
 сходящимся къ промежутку между прѣдѣла-
 ми, которой азъ щелъ образами — Спаса-
 шела, Богіей Машери и проч. Въ про-
 чихъ церквахъ подобныя образа бывають
 надъ царскими дверьми. Іоаннъ Богословъ
 въ иконостасѣ представляеть несущимъ чашу
 съ Евхаристіемъ. Въ шаковомъ видѣ не слу-
 чалось мнѣ видѣть нигдѣ сего Апостола и
 Евангелиста. Спранно, что о существованіи
 монастыря здѣсь вовсе нѣтъ никакого
 слуха! Есть, говоряшь, еще другая церковь
 Николая Спараго, въ 45 верстахъ отъ Моск-
 вы, между Боровской и Калужской дорогами,
 которая именно стоишь на мѣстѣ мона-
 шья. Но вошь что еще спраннѣе: жиде-
 ли позабыли даме о сожженіи здѣсь иру-
 новъ Димитрія Самозванца и двухъ его со-
 общниковъ. Недавно только возобновленъ

между ними видеть слухъ наземныхъ зна-
шюками. На право отъ боковой дороги,
за церковью, по другой стороне рѣчки, на
лугу находящаяся рядомъ семь весьма вы-
сокихъ кургановъ, насыпанныхъ впрочемъ
на видномъ достопамятномъ мѣстѣ. Въ на-
родѣ говорятъ, что здѣсь погребены ве-
ликіе, доному чѣмъ когда-то были выры-
ты огромныя человеческія ляды. Въ окре-
стностяхъ (есть еще довольно, меньшихъ
кургановъ) — Поневоселье къ рѣкѣ съ север-
ной, и восточной стороны окружена не-
высокою, немного отъ земли поднимающею-
ся, насыпью, къ югу оканчивающаяся рѣкою,
къ западу ровъ: но найдутъ ли здѣсь слѣ-
ды породыца пренеподобныя взору Зо-
риана Яковлевича (*). — Съ горы близъ
рѣки — прекраснѣйшій видъ на Москву, —
Копыль называется еще — Знаменское, Ни-
кольское, Разсѣванья, Прончицево.

1850. М. П.

(*) Художественнаго, въ общаго похвалнаго спер-
тню до совершенія своихъ трудовъ въ изданіи (Рос-
сийской Исторіи, Бумаги его приобретены Г-мъ
Подевинымъ и можетъ быть будуща изданы.

Сими справками я обязанъ Указашелю, составлен-
ному П. М. Спроевымъ. Письмо было у меня напи-
сано лѣтъ 8 тому назадъ и основалось въ бумагахъ
модерн. вдумавши найбѣлашаго, я не нашелъ
прежнихъ своихъ замѣтокъ въ Исторіи Карамзина,
и долженъ бы былъ прорыться за этою бездѣлицею
нѣсколько дней, безъ Указашеля, которой помогъ сдѣ-
лать все дѣло въ двѣ минуты. — Когда-то и какъ на-
печатанаго это драгоценное пособие для всеобщаго
употребленія! Какъ же вспомнить о Графѣ Н. П.
Румяновѣ?

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ПОРУКА.

(Истинное происшествіе.)

„О чемъ, механикъ мой, шпиритъ мой добрый Гансъ,
О чемъ задумался? ... Проходишь ли науки,

Иль хочешь гдѣ-нибудь уравнивать балансъ? ...“

Ахъ, Государь! у дождяго свои есть сунуи:

Не до наукъ, когда перзаюшь душу нуи! —

„Что значишь? ... говори!“ — Не приберу ума:

До завтра срока! „Ищи!“ — мнѣ судъ сказалъ: — „поруки!“ —

До завтра не найду — шюрьма!

А дѣшамъ и женѣ — сума!

Ну, шакъ, что и дохой даши уже нѣшь ошваги ... —

„Перо!

Подайше листъ бумаги!

Поспѣшность — гдѣ шворишь добро!“

Велѣлъ — и подалъ ... и написалъ два слова:

„Ругаюсь за таково! ...“

И въ подпись онъ не самъ, а имя подписалъ:

„Бѣги!“ и добрый Гансъ бѣжишь — и въ судъ вбѣжалъ.

„Что? — есть порука?“ — Ешъ! —

„Посмотримъ, кто шакоегъ съскался,

Чтобъ въ судъ за бадяка свою предшавишь честь?

Давай!“ — И судьямъ листъ безсмертннй сей дошпался.

Прочли — и прешень, шрать!

И въ мигъ зашѣйныя прешензіи всѣ въ прахъ!

И Ганса бадяго, какъ ложечку обмыли,

И спашъ дохой спокойно ошпустили.

И шпарець побѣжалъ съ молишвой и въ слезахъ.

Такъ сдѣлалъ Государь, оишь Россіи Минирамъ,
И Государь сей былъ — нашъ Цесаль Перемъ!

В. Глинка.

ВРЕМЯ ГРѢХА.

Гремишь на ясномъ небѣ громъ
И хлынулъ въ мѣръ разрастъ, какъ воды,
И, минися, воздухъ ошалъ грѣхомъ!
Почто смущающа народы? —
Искашь блаженства гдѣ и въ чемъ?
Повсюду пламеннымъ мечемъ
Сѣчешь обиженная совѣсть
И шлѣють, заживо, сердца;
Ни въ чемъ желаннаго конца!
Все недосказанная повѣсть! . . . . .
Чшожь мнѣ? . . . . . Подъ ласкою руки
Давно ланина во горѣла:
И въ шусламъ сумеркахъ шоски
Младая жизнь моя созрѣла.

В. Глинка.

КЪ . . .

Не хуари я твою люблю,
Не взоръ очей твоихъ огнистыхъ,
Не спанъ твою гибкій я хвалю,
Не замѣтаю, въ думахъ чистыхъ,
Твоихъ ни персей, ни ланинъ . . .
Но чшожь вдечешь, но чшожь манишь,

Когда къ тебѣ любовью душу? —
 Въ тебѣ свою я душу самшу!

В. Галица.

О - МУ.

Я не любимецъ Музъ и Грацій,
 Но написалъ тебѣ опивши,
 Мой милый юноша - поэтъ,
 Такъ называемый Горацій.
 Храни любовь къ своимъ друзьямъ,
 Въ стихахъ острись безъ принужденья,
 Служи въ мнущу вдохновенья
 Миеологическимъ богамъ:
 Кто знаешь ихъ, помъ знаешь счастье;
 При нихъ увидишь миръ другой,
 И съ идеальной красою
 Узришь любовь и сладоспращиье;
 Тамъ Аполлонъ съ вѣнцомъ лавинимъ,
 Тамъ Вакхъ, какъ мудрая Палада,
 Съ благоговѣннемъ святымъ.
 Жмешь алыя сокъ изъ винограда —
 Елей поклонникамъ своимъ.

Въ полупашарскомъ балахонѣ,
 Въ Болгарскихъ мягкихъ сапогахъ,
 Какъ Аполлонъ на Геликонѣ,
 Такъ я высокъ въ моихъ мечтахъ;
 Венеры бюстъ та рѣша Donna,
 Смереонимъ на столахъ
 И за стекломъ поршреть Байрона
 Мои и Музы и друзья;

При нихъ душа моя тѣлѣ,
 При нихъ свободенъ, вѣсело я,
 При нихъ казармы мнѣ милѣ. . . .

Живя одинъ на чердакѣ,
 Я болю сблизился съ мечшани,
 Любуюсь лунными ночами,
 Гляжу, какъ мосты съ его жѣлани
 И берега съ лодками, съ домами
 Дрожатъ, чертѣютъ на рѣкѣ;
 Я видѣлъ болю, чѣмъ мнѣ надо,
 И можешь большебъ увидѣла,
 Когдабъ глупцовъ не убѣгала,
 Какъ опшрашишельнаго яда;
 Ахъ! разглядѣла я, милый мой,
 Людей съ осаниными ушами
 И жураванскими ногами,
 И съ лошадиной головой!
 Мнѣ надобно ихъ суждени,
 Душа уснада, гаснени уми,
 И волонъ новыхъ, шайникъ думъ,
 Я весь умру въ услужени. . . .

Золотой Рогокъ.

Последние стихи Лорда Байрона, писанные
 имъ въ Миссолунги 1824 года Юля 28 днѣ.

Пора подвижнику сердцу бить:
 Оно ужъ двигать переспало;
 Давно любезъ не возбуждало,
 Но хочешь все любезъ.

Мои уже поблекли дни ; —
 И въ душу скорби червь вгнѣздился ;
 Онъ подточилъ въ ней цѣвше любви ,
 И нѣжный цѣвше свалился .

И какъ вулканъ среди морей ,
 Такъ пышетъ огонь въ груди моей .
 Слѣпильникъ гдѣ имъ воспаленный ?
 Надъ гробомъ — свѣточъ блѣдный !

Надежда , ревности шерзаны ,
 Спрахъ , доля адскаго шрадания ,
 Любви мощь — не лъзя дѣлать !
 Я долженъ цѣвше влачить .

Симъ мыслямъ здѣсь ли духъ смущать ,
 Гдѣ лавръ чело швое вѣнчаешь ,
 Герой , а гробъ швой ошлчашъ
 Безсмертн печати ?

Елада , слава ! мы за васъ
 Мечемъ , хоругвью онолченны .
 Спаршанецъ , на щитѣ рожденный ,
 Не былъ свободный насъ !

Не спишь Елада ; духъ , проснись !
 Помысли : въ океанъ родной
 Какъ жизнь вшечешъ ; и въ безднѣ шой
 Тогда шм погрузись !

Попралъ возникши сврасши я .
 О человекъ ! къ улыбкѣ шм
 Почшо не хладенъ красомы
 И въ радности ея !

Жалить о юности — спрдаанье!
 Завидной смерти здѣсь страна.
 На брань, на смерть! ужь ждешь она
 Принять швое дыханье!

Могли volna ищи.
 Чшо лучше? не искавъ се
 Находящъ. Избери свое
 Ты мѣсто — и засни!

В. М.

Для любопытныхъ сообщается здѣсь и подлинникъ
 сихъ стиховъ на Англ. языкѣ:

Lord Byron's Latest verses. Messolonghi, Jan. 22, 1824.
 „On this day I complete my thirty-sixth year.“

Tis time this heart should be unmoved,
 Since others it has ceased to move;
 Yet though I cannot be beloved,
 Still let me love.

My days are in the yellow leaf,
 The flowers and fruits of love are gone,
 The worm, the canker, and the grief,
 Are mine alone.

The fire that in my bosom preys,
 Is like to some volcanic isle,
 No torch is kindled at its blaze; —
 A funeral pile.

The hope, the fears, the jealous care,
 Th'exalted portion of the pain,
 And power of love, I cannot share,
 But wear the chain.

But'tis not here, it is not here —

Such thoughts should shake my soul ; nor now
 Where glory seals the hero's bier ,
 Or binds his brow.

The sword, the banner, and the field,
 Glory and Greece around us see ;
 The Spartan borne upon his shield
 Was not more free.

Awake ! not Greece — she is awake ! —
 Awake, my spirit, — think through whom
 My life blood tastes its parent lake —
 And then strike home !

I tread reviving passions down,
 Unworthy Manhood — unto thee
 Indifferent should the smile or frown
 Of beauty be.

If thou regret thy youth, — why live ? —
 The land of honourable death
 Is here — up to the field, and give
 Away thy breath !

Seek out — less often sought than found —
 A soldier's grave, for thee the best,
 Then look around, and choose thy ground,
 And take thy rest.

His numerous Miscellaneous Poems of his domestic and
 other circumstances by Lord Byron. London, 1825.

ПРИСТУПЪ КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЮ МОГАММЕДА II.

(Изъ Исторіи Греческой Имперіи Ромъ.)

Константинъ, желая укрѣпиться на тронѣ своемъ, копорый при случаѣ могъ бы бысть ему пометенъ, послалъ Францеза на Востокъ чрезъ Понтъ Евксинскій, съ многочисленною свитою изъ дворянъ, инокшствующихъ монаховъ, италокранцезелей, врачей, кондваншовъ, шанцовщиковъ, музыканшовъ. Послу дано было право избрашъ супругу Констанцину или во дворе Трапезундскомъ, или въ Иверскомъ. Францезъ сообщилъ свои замѣчанія, и была предпочтена дочь Монарха Иверскаго. Два года протекли въ переговорахъ, и когда Принцесса вступила въ Императорскій городъ, шо увидѣла жестелей его облитыхъ ужасомъ. Народъ былъ уже изображенъ горестными предчувствіями. Онъ оплакивалъ потерю некривела, копорый пощадилъ его, и содрогался при мысли о несчастіяхъ, копорыми явно угрожалъ ему наследникъ: Амурашъ умеръ въ началѣ 1451 года и оставилъ корону старшему своему сыну Могаммеду II.

Сей новый Султанъ имѣлъ матерью христіанскую невольницу. Въ молодости онъ былъ ревностный Мусульманинъ. Просвѣщенный языками, говорящъ, онъ въ искреннихъ бесѣдахъ называлъ великаго пророка разбойникомъ и лицемеромъ. Впрочемъ это не совсѣмъ достоверно, и въ обществѣ онъ всегда оказывалъ большое уваженіе къ Алкорану. Учившись у искусныхъ наставниковъ, оказалъ быстрые успѣхи; увѣряющъ, что онъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, на Греческомъ, Латинскомъ, Халдейскомъ или Еврейскомъ, Арабскомъ и Персидскомъ. Зналъ Исторію, Географію, и почиталъ себя знатокомъ Аспрологіи, что предполагаетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Маше-

машинъ и особенно Астрономіи. Чтеніе жизнеописаній великихъ мужей древности воспламенило его мужество. Оружіемъ его покорены были двѣ Имперіи, двѣнадцать Царствъ и болѣе двухъ сотъ городовъ. Въ немъ добродѣтели были смѣшаны съ гнусными пороками. Въ угожденіе своимъ низкимъ прихотямъ, онъ часто безчестилъ благороднѣйшихъ изъ своихъ пльнныхъ. Самые маловажныя причины заставляли его проливать пошопки крови во дворцѣ и на войнѣ. Однакожь нѣкоторыя сомнѣвающіяся въ истинѣ анекдота о четырнадцати пажахъ, копорымъ онъ велѣлъ вскрыть живопъ, чшобы узнать, кто изъ нихъ съѣлъ дыню, похищенную изъ сада, кошорый онъ самъ обрабатывалъ; они шакже не вѣряшъ повѣствованію объ одной женщинѣ, называвшейся Иринуо, кошорой будшо онъ ошрубилъ голову собственною рукою, чшобы доказать своему войску, упрекавшему его въ измѣнней привязанности къ сей любовницѣ, чшо нѣтъ ни одной, кошорая могла бы покорить его. Они почишашъ невѣроятнымъ и шо, чшо будшо - бы онъ велѣлъ обезглавить одного невольника, для шого чшобъ показать знаменишому живописцу Дженшилли Беллино, вызванному изъ Венеціи, движеніе мускуловъ и кожи на шеѣ, ошдѣленной ошъ шуловица. Особенно Вольшеръ, и послѣ него Гиббонъ, вопіали прошивъ достовѣрности сихъ пошупковъ, конечно весьма необыкновенныхъ, но возможныхъ для деспота и завоевателя, кошораго сіи же самые писатели признають жестокимъ и кровожаднымъ. По крайней мѣрѣ въ шомъ всѣ соглашашся, чшо онъ началъ царшвованіе убіеніемъ единшвеннаго законнаго брата, кошорому было шолько восемь мѣсяцевъ, по свидѣтельству Дукки. На другой день, если вѣрять словамъ шого же авшора, онъ вздумалъ ошвратить ошъ себя подозрѣніе въ семь злодѣяніи, предавши смерти перваго лynchара, кошорый удушилъ сего несчастнаго младенца. Не видно причинъ шакорого гнуснаго и вѣроломнаго лицешрїя.

Неустроило, чтобы Императоръ Омиониискіе начали поминать объ оправданіи себя въ преслушеніи, которое при ихъ дворѣ сдѣлалось обыкновеннымъ, и чтобы Могаммедъ починялъ возможнымъ утѣрять народъ, что убійствѣ его брата совершено безъ его воли.

Получивши извѣстіе о смерти Амураша, Константинъ отправилъ пословъ къ Могаммеду для возобновленія союза, заключеннаго съ ономъ его. Мусульманинъ принялъ ихъ дружелюбно и обещалъ во всю жизнь сохранять миръ съ Греками. Въ этомъ клялся онъ именемъ Бога, его пророка, ангеловъ и Алкораномъ. Даже согласился выдавать ежегодную сумму для Оркана (сына Могаммеда I), бывшаго въ Константинополѣ, и сія-шо сшашья договора послужила поводомъ распри, которую онъ вскорѣ началъ съ Греками.

И дѣйствительно, когда Императоръ послалъ къ нему предшавленіе, что обѣщанная сумма не платится, и началъ угрожать, что вышлетъ Оркана, если будущъ еще медлить въ выдачѣ оной; тогда Великій Визирь Али-Басса, которому поручено было отвѣтствовать, обратился къ нему съ негодованіемъ, хотя вшайнѣ былъ другъ Грековъ, онъ которыхъ часно былъ щедро одаряемъ; но увидѣвъ себя принужденнымъ говорить согласно съ рѣшеніемъ, принятымъ касательно сего въ Диванѣ. „Глупые и ничтожныя Римляне!“ сказалъ онъ, „вы не видите опасности, въ которой находитесь. Нѣтъ уже совѣтливаго Амураша; его пресмникъ — юноша (*), котораго никакой договоръ, никакое препяшствіе не ошановитъ. Если Константинополь избѣгнетъ меча его, то благодарите одно Небо. Вы думаете устрашить насъ пустыми угрозами! Выпустите Оркана, объявите его Султаномъ Ро-

(*) Онъ былъ двадцати одного года.

маніи, призовише Венгерцовъ, и вѣрше, что все это только приблизитъ и ускоритъ вашу гибель.“ Вѣстие удивительней Константину, Мохамедъ приготовился къ сооруженію крѣпости въ одномъ селеніи, около двухъ миль отъ Константинополя, со стороны Европы, прошивъ шой, которую предокъ его воздвигъ на Азіатскомъ берегу. Первыя вѣсти о семъ намѣреніи навели страхъ на Константинополь и его окрестности. Константинъ велѣлъ ему представити, что онъ ситъ явно, среди полного мира, обнаруживаетъ намѣреніе запереть Лашицамъ входъ въ Черное море, лишитъ столицу всякой торговли и даже ушомитъ ее голодомъ. Онъ предложилъ, для отвращенія такой опасности, плашежъ дани, какую угодно наложитъ Мохамеду. Сей Государь отвѣчалъ посланнымъ отъ Константина: „Я Константинополя не касаюсь, пошому, что его сѣбѣ служащъ шеперь предломъ его Имперіи. Турки занимають весь Восшокъ, и нѣмъ-же принадлежатъ западныя зѣмли съ шого времени, какъ Греки не могутъ шанъ жить безопасно. Вы забыли, до какой крайности доведенъ былъ ошецъ мой, когда вы соединились съ Венгерцами, а они достигли до преддоль Еракін, между шѣмъ какъ Лашискія галеры покривали Геллеспонтъ? Избѣгнувъ опасности, ошецъ мой поклялся построити на Западѣ крѣпость прошивъ шой, которая на восточномъ берегу. Я долженъ исполнити обѣщъ его. По какому праву вы сему воспрощившиесь? Развѣ не въ моей волѣ дѣлать на своей землѣ что мнѣ нужно? Скажите вашему Царю, что нѣшній Султанъ не шакое, какъ его предшешвенники; что онъ безъ шруда совершитъ шо, чего они предприняшъ не дерзали, и что онъ съ шого кожу дереть, кто осмѣлился еще придти къ нему съ подобною вѣстшю.“

Сей отвѣтъ сковалъ ужасомъ весь городъ. На улицахъ, на площадяхъ кричали: „Вотъ кто разрушитъ

наши сѣны и поведешъ насъ пѣдѣнниками! Грозная крѣпость была выстроена. Могоammedъ ввелъ въ нее чешыреста человекъ съ пушками, и велѣлъ брашь кошлину со всѣхъ кораблей, не выключая Греческихъ и Турецкихъ, которые пройдутъ на выстрѣлъ онь бащерей ея. Во время ея сооружения, одинъ знаменитый лишейщикъ, которому Греческій Императоръ давалъ весьма умѣренную пенсію и прищомъ худо плашилъ ее, предложилъ свои услуги Туркамъ. Могоammedъ принялъ его съ радостію, привязалъ къ себѣ щедростію и велѣлъ ему ошлать сколько возможно ужаснѣйшую пушку. Сей лишейщикъ, Венгерець или Дашчандъ, именованъ Урбенъ, окончилъ въ три мѣсяца въ Адрианополь грозное орудіе, которое онь него щребовали, и представилъ бронзовую пушку, бросающую далѣе миль каменное ядро болѣе шести сощфушовъ въсомъ, которое при паденіи углублялось въ землю на шесть фушовъ. Нужно было бо водити и 2 мѣсяца времени для перевезенія сей огромной машины черезъ 50 миль. Вольшеръ, который пощиталъ себя обладашелемъ всѣхъ наукъ, и который, въ своей лищперашурной гордостии, говоритъ Гиббонъ, часщю щолкуешъ объ Ащтрономии, Химии и пр., — Вольшеръ смѣялся надъ легковѣріемъ Грековъ въ этомъ случаѣ; онь утверждалъ, что выбросити щтакое огромное ядро можешъ щолько большое количество пороха, а щакъ какъ это количество вдругъ воспламенищся не можешъ, що выстрѣлъ происходилъ прежде, нежели старала пщнащадшаша его доля, и щотому ядро не имѣло большаго дѣйствія. Гиббонъ ошвѣчалъ факщомъ на это учене хвасщовщство: „Турецкая пушка,“ говоритъ онь „огромнѣ Могоammedовой, щеперь еще охраняешъ входъ въ Дарданеллы, и хощя употреблать ее не удобно, но недавняя проба доказала, что она дѣйщствуетъ чрезвыщайно щильно. Треша щпаша фушовъ пороха было выброшено ядро въ одиннадцашъ щенщнеровъ (1100

фунтовъ) на разстояніе боо шазовъ. Оно раздробилось на три части; сія ошломки перелетѣли черезъ каналъ, поднялись рикошетомъ на противоположную гору, и ошавили поверхность моря пѣнисною на всей ширинѣ канала.“ Одинъ Венеціанской корабль первый испышалъ дѣйствіе ужасной машины Могаммедовой, проходя мимо новой крѣпости; онъ не хотѣлъ опустить флага, и за шо былъ разбитъ и пошопленъ. Лоцманъ и шридцать машросовъ бросились въ шаянку; ихъ взяли. Могаммедъ велѣлъ первого посадить на колъ; а прочимъ ошсѣчь головы.

Константинь, который зналъ честолюбивый характеръ Могаммеда и онъ конорого не могше быць скрыто, что завоеваніе Константинополь положено въ Диванѣ, извѣстилъ объ угрожавшей ему опасности Николая V, преемника Папы Евгенія. Первоосищенникъ исходашайшвовалъ для Грековъ денежныя пособія опъ Германіи, Польши и Ливоніи. Онъ утѣждалъ о томъ Императора; между тѣмъ, утѣщавалъ Грековъ присоединиться къ Флорентинскому собору, и предсказывалъ имъ словами Свящ. Писанія, что если смоковница не принесетъ плода чрезъ шри года, шо будетъ съ корнемъ исторгнута. Состояніе Имперіи позволяло говорить такія пророчества почти навѣрное. Николай ошбелъ только однимъ годомъ. По просьбѣ Императора, онъ ошправилъ къ нему Кардинала, Русскаго Архіерея, для заключенія союза. Государь весьма хорошо его принялъ и согласился (равно какъ часть его придворныхъ и нѣсколько священниковъ) на устанавленія собора; но никто не сдѣлалъ сего доброхотно, по свидѣтельству Францеса, подписывавшаго договоръ; онъ не выключаетъ даже себя и Государя. Остальная часть Грековъ явно стояла за свое исповѣданіе: священники, монахи, міряне предали про-

клятию всѣхъ, кто согласился на постановленія Флорентинскаго собора. Чернь доходила до послѣдней крайности. Она разсыпалась до кабакамъ, гдѣ осыпала ругательствами всѣхъ приверженцевъ Папы и пила въ честь одной иконы Богоматери, слышшей чудотворную, умоляя ее принять городъ подъ свое покровительство и защищать отъ Могаммеда, какъ уже нѣсколько разъ защищала его въ подобныхъ случаяхъ — прибавляя къ тому, что не нужно ни помощи, ни союза Лапшнцевъ,

Пока народъ занимался преніями о происхожденіи Святаго Духа и объ оярѣснокяхъ, Могаммедъ обезоруживалъ Константинополь, опустошая единственную египтану; отъ которой сей городъ могъ ожидать въ которой помощи. Изъ множества провинцій и Государствъ, которыми владѣли Римляне въ первые чешире вѣка Имперіи, у нихъ оставался, кромѣ нѣсколькихъ городовъ въ сосѣдствѣ столицы, одинъ Пелопонесъ или Морей; да и тамъ многія значительныя мѣста были заняты Венеціанами. Могаммедъ, желая уничижить даже имя Римлянъ или Грековъ, началъ похищеніемъ у нихъ сего послѣдняго приближца. Онъ отправилъ многочисленное войско въ Пелопонесъ, съ повелѣніемъ совершенно опустошить его. Турки, вступивъ чрезъ Коринтскій перешеекъ, взяли и обратили въ пепель всѣ города, на которые нападали. При первомъ слухѣ о ихъ приближеніи бѣжали всѣ жители, и Христіане и Могаммедане. Турки, встрѣчая ихъ въ полѣ безъ обороны, объявляхъ ужасомъ, упомянутыхъ голодомъ, не удостаивали даже плѣномъ, а умерщляли безчеловѣчно. Они проникли до древней Мессеніи, предавая все огню и мечу. Спаслась одна Спарта, будучи ограждена крѣпкими стѣнами. Съ другой стороны, Турки овладѣли на берегахъ Понта - Евксинскаго мѣстами, еще принадлежавшими Императору. Пошомъ.

приблизившись къ Констаншинополю, они взяли приступомъ замокъ, называвшійся башнею Св. Стефана, а гарнизонъ его весь истребили. Селиврея удерживала ихъ нѣсколько времени; ся жители защищались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Не смотря на шо, ихъ городъ былъ взятъ силою, и раздраженный побѣдитель всѣхъ ихъ до послѣдняго предалъ мечу.

Констаншинъ, ожидая скорого притесненія Турковъ подъ свѣтныя столицы, не упустилъ ничего для снабженія оной съвѣтными припасами и для приведенія ея въ оборонительное состоянiе. Онъ созвалъ въ нее всѣхъ поселянъ; но сіе скопище людей безъ дисциплины было слишкомъ слабо передъ безчисленными и приученными къ брани войсками Могамеда. Сей Государь велѣлъ всѣмъ своимъ восточнымъ и западнымъ войскамъ собраться къ Маршу мѣсяцу въ приморскіе города Геллеспонта, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Сверхъ того нанялъ въ Имперіи солдатъ, между Греками, Лашинцами, Нѣтцами, Паннонцами, Поляками и Віошянами. Многіе Испоряки утверждаютъ, что число воиновъ, соединившихся на осаду Констаншинополя, простиралось до шрехъ или чешырехъ сотъ тысячъ; Францезъ, бывшій очевидцемъ дѣла, уменьшаетъ сіе число до двухъ сотъ пятидесяти осьми тысячъ, но и эщо еще много; ибо издавна замѣчено, что Турецкія войска бывають гораздо малочисленнѣе, нежели какъ съ вида кажется (*). Морская сила осаждавшихъ была не такъ ужасна. Между ста двадцатью кораблями, покрывавшими Пропонтиду, было не болѣе осмнадцати военныхъ. Столица имѣла тогда болѣе ста тысячъ жителей, но мало воиновъ. Спрахъ заставилъ многихъ удалиться изъ оной. Францезъ, которому Императоръ поручилъ разыскать, сколько

(*) Такъ безвѣстно даже и теперь.

гражданъ и монаховъ могутъ или желаютъ поднять оружіе на общую защиту, объявляя ему, что можно надѣяться только на четыре тысячи девять сотъ семьдесятъ Римлянъ. Государь и Министръ хранили сію нечальную тайну. Они вызвали къ себѣ двухъ-тысячный корпусъ иностранцевъ изъ владѣній Генуезскихъ и Венеціанскихъ, подъ начальствомъ Джюстиніани, благороднаго Генуезца. Такимъ образомъ столица, въ тринадцатъ или даже шестнадцатъ миль окружностию, прошивопоставляла всѣмъ силамъ Опшноманской Имперіи только гарнизонъ изъ семи или много осьми тысячъ человекъ. Безразсудная жадность богачей заставила ихъ отказать Императору и сохранить для Турокъ сокровища, кошерыми можно бы было приобрести войска вспомогательныя. Церковныя превія не охладѣли съ приближеніемъ осады, и даже во время оной; но это не воспрепятствовало Грекамъ, какъ увидѣшь, сражаться съ отчаяніемъ. Жишели не хотѣли приближаться къ храму Святой Софіи, съ шого времени какъ шамъ заключили союзъ съ Римомъ. Фанатизмъ Патріарха простирался до шого, что онъ говорилъ, будто желаетъ лучше видѣть въ Констаншинополѣ шюрбанъ Могаммеда, нежели шіару Папы.

Когда все было изготовлено къ осадѣ, Султанъ явился на мѣсто битвы. Присупъ начался 6го Апрелья. Чтобы описаніе его сдѣлать болѣе полезнымъ, должно снова предстать глазамъ читателя положеніе Констаншинополя. Мы уже сказали, что сей городъ образовалъ родъ треугольника, обращеннаго основаніемъ къ западу. Вершина его была остроконачная. Въ семь мѣстѣ находится шеперь сераль, открытый на Босфоръ Фракійскій. Южная сторона была смежна съ Пропонтидой, а сѣверная омывалась большимъ заливомъ, изъ котораго природа и искусство образовали пристань и великолѣпный водоемъ. Сторона, примы-

каменная къ материка, была ограждена двойною стѣной, со рвомъ, наполненнымъ водою, которая сообщалась съ Прованскою и съ приотанью.

Съ сей-то стороны Могаммедъ велѣлъ раскинуть свою палашку. Онъ расположилъ свои пушки въ четырнадцать батерей, чшобы день и ночь бить въ укрѣпленія на обширномъ пространствѣ, съ юга до сѣвера, отъ позлащенныхъ до деревянныхъ воротъ. Восемь дней сряду осажденные выдерживали ужаснѣйшій огонь. Но артиллерія была еще въ младенческомъ состояніи. Хошя неперпѣливый Могаммедъ всегда присутствовалъ на батеряхъ, но огромная пушка могла палишь только семь разъ въ день. Не смотря на то, раскаленный мешалъ разорвало и, говоряшь, убило вылившаго сіе ужасное орудіе испребленія. Замѣчательною особенностію при осадѣ Константинополя служилъ то, что пушъ была соединена новая артиллерія съ древнею; ядра и шараны были одну и ту же стѣну. Жители почтѣли свой городъ уже назначеннымъ въ жершву жестокому побѣдителю. Императоръ не забывалъ ничего для ободренія ихъ какъ словами, такъ и собственнымъ примѣромъ, шрудясь вмѣстѣ съ ними надъ задымваніемъ брешей, которая непріатель открывалъ со всѣхъ сторонъ. Въ помощь себѣ на шакую утомительную оборону избралъ онъ Джюшніани, которій предводительствовалъ Генуезцами и Венеціанами и превосходилъ ихъ всѣхъ храбростію и воинскимъ искусствомъ; сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ гарнизона, и мѣстомъ дѣйствія назначилъ ему часть стѣны, ближайшую къ дворцу и наиболѣе перпѣвшую отъ непріателя; онъ послалъ ему грамоту, которою утверждалось за нимъ владѣніе Хіосомъ, въ случаѣ если успеешь принудить Турокъ къ снятію осады. Надежда на шакую блистательную награду заставила мужеспвеннаго Джюшніани оказашъ чудеса храбрости. Осаж-

денные, одушевившись примѣрами Венеціанъ и Генуэзцовъ, ободрившись, и, имъ предводительствоуемые, не спрашивали никакой опасности. Они сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ, сожгли машины осаждающихъ, открыли ихъ мины, при помощи одного дѣятельнаго Нѣмецкаго инженера, находившагося при Джюстинианѣ; наконецъ своимъ упорствомъ и смѣлостію удивили Мусудманъ. Но не смотря на то, что Греки брали верхъ во всѣхъ почти мѣлкихъ сшибкахъ, сіи самыя успѣхи чувствительно ослабляли ихъ, и они скоро увидѣли, что при ихъ малочисленности лучше сохранить одного Христіанина, нежели убить двадцать Турокъ. Посему они ограничились бросаніемъ стрѣлъ съ высоты укрѣпленія. Пушки ихъ, съ которыми обращались искусно, пускали по десяти ядеръ, въ фунтъ вѣсомъ, проникавшихъ сквозъ щиты и латы и наносившихъ страшный вредъ осаждающимъ, которые прибѣгали толпами и въ безпорядкѣ ко рву (*). Тѣхъ, которые покушались влѣзть на стѣну въ мѣстахъ, разбились пушками, осыпали стрѣлами, свергали съ лѣстницъ и потомъ давили огромными камнями. Такія битвы оканчивались только съ наступленіемъ ночи, въ продолженіи которой осажденные цѣлудились надъ закладываніемъ брешей, сдѣланныхъ въ ихъ стѣнахъ. Могамедъ не могъ понять, какъ возможно такія огромныя работы производить въ такое короткое время.

Скоро новый предметъ возбудилъ его удивленіе. Пять большихъ кораблей, снаряженные въ Хіосъ, одинъ на счетъ Императора, прочіе иждивеніемъ Генуэзцовъ, приблизились къ Константинополю; Могам-

---

(*) Замѣчательно, что пушекъ извѣстнаго калибра не сдѣлали славить въ стѣнѣ, опасаясь, чтобы сіи послѣдніе, по ветхоости, не потряслись или не обрушились отъ вальса.

когда велѣлъ привести ихъ къ себѣ на берегъ, и отправился туда съ большею частию своей конницы. Весь его флотъ, одушевленный его присутствіемъ, соединился для исполненія его приказанія; но у него было только осымнадцать крѣпкихъ галеръ, и корабли христіанскіе, еще прочіе выстроеныя; безъ штура попопили множество мѣлкихъ судовъ, составлявшихъ остальную часть Турецкаго флота. Это зрѣлище привело Султана въ бѣшенство. Съ пѣною у рта, съ воплями ярости, и самъ не понимая, что дѣлаешь, онъ погналъ лошадь свою въ море, чтобы удержать бѣгущія галеры, и едва не утонулъ. Христіанскіе пять кораблей, послѣ продолжительной битвы, вошли по благопріятному вѣтру въ гавань, при восклицаніяхъ города, который весь сбѣжался на стѣны во время сего невѣроятнаго дѣла. Могаммедъ, распаленный гнѣвомъ, наполняетъ воздухъ воплями и проклятіями, рветъ на себя волосы, призываетъ своего Адмирала, котораго четыре невольника кладутъ на землю и даютъ ему сто ударовъ золотымъ прущомъ, въ пять фунтовъ вѣсомъ, который служилъ ему жезломъ: пусть бы и умеръ онъ, еслибъ вельможи не умолили Султана, чтобы оставилъ ему жизнь. Могаммедъ, даровавъ ему оную, опіялъ все имущество и отдалъ янычарамъ. Сего Адмирала ненавидѣли матросы, которые, по его скупости, лишались удѣла въ добычѣ. Одинъ изъ нихъ пустилъ ему камень въ голову и вышибъ глазъ.

Потеря, понесенная Султаномъ и проспировавшаяся, говорящъ, до 12 тыс. чловѣкъ (что, кажешся, слишкомъ много), не была единственною причиною его негодованія. Всѣ проломы, сдѣланные въ стѣнахъ его артиллеріею, были бесполезны, по дѣятельности осажденныхъ: на слѣдующій день не оставалось уже слѣдовъ ихъ. Другое препятствіе досадовало его еще болѣе: онъ разсудилъ, что не лзя иначе взять го-

родъ, какъ напавши на него съ моря, въ то же время, какъ и съ суши; и однакожь корабли его не могли войти въ гавань, куда входъ для нихъ былъ занерешъ двумя огромными цѣпями. Желаніе преодолѣть сіе препятствіе, казавшееся непреоборимымъ, внушило ему предпріятіе очень смѣлое, но не новое, какъ говорятъ цѣкопторые Историки. Онъ началъ проводить дорогу между горами, отъ берега Басфороскаго до конца залива, или до гавани; на пространствѣ, полумиліи гористую почву покрыли еловыми досками, вымазанными сѣломъ и жиромъ: надлежало обойти предмѣстіе Галапу, занятое Генуезцами. Сія алчные купцы, не надѣясь, что изъ спусхожденія стануць ихъ перевозить послѣднихъ и даже пощаждать послѣ испребленія Грековъ, или подвигнушыя слѣпымъ желаніемъ одной корысти, не помѣщали работамъ ихъ, между тѣмъ какъ могли бы имъ воспрепятствовать. Въ печеніе одной шолько ночи сто пятьдесятъ судовъ, разной величини перешли, по свидѣтельству однихъ, двѣ мили, а по другимъ, восемь или даже десять, при помощи многихъ машинъ, изобрѣтенныхъ однимъ ренегашомъ: два лоцмана находились на носу и на кормѣ каждого корабля; парусы были распущены; барабанные звуки и пѣсни увеселяли работающихъ. Сей флотъ, сначала взобравшись на холмъ, потомъ перешедши равнину, спустился въ гавань, и изумленные Греки не знали, увидѣвъ его шамъ на другой день, вѣрять ли собственнымъ глазамъ своимъ: успрашенный такимъ смѣлымъ поступкомъ народъ хотѣлъ сдаться немедленно, надѣясь пронуть побѣдителя своєю покорностію. Твердость Константина воспрепятствовала исполненію сего намеренія. Его старанія, дѣятельность, рѣчи возспашили упавшій духъ ихъ. Всякой желалъ бытъ назначенъ въ дѣйствіе на мѣстахъ опаснѣйшихъ.

Переправивши флотъ въ гавань, Могаммедъ тотчасъ устроилъ на самомъ тѣсномъ мѣстѣ деревянную

плошину, шириною въ 20 локтей, длиною во 100, и пославилъ на сей пловучей батареев одну изъ огромнѣйшихъ своихъ пушекъ, между шлюзъ какъ корабль его приближались къ мѣсту наиболее прискрупуному, съ кошораго нѣкогда нападали Лалинцы. Вольшеръ упрекаетъ Христианъ, за чѣмъ они не воспрепятствовали симъ работамъ; покушались на это, отвѣчаетъ Гиббонъ, но батареи Христианскія сильнѣйшимъ огнемъ непріятели принуждены были замолкнуть. Они столько чувствовали свою опасность отъ заняшаго Турками положенія, что одинъ храбрый Венецианинъ предпринялъ намѣреніе сжечь плошину и флотъ Ошшоманскій. Сорокъ молодыхъ людей вызвались раздѣлишь съ нимъ славу его предпріяшя; они согласились идти на шрехъ галерахъ и въ ночномъ мракѣ бросить заженные факелы въ корабль непріятельскіе. Одинъ несчастный слуга, Генуезецъ, бывшій свидѣтелемъ предпріяшящихъ мѣръ, извѣстивъ о томъ Султана, и три галеры были захвачены въ ту минушу, какъ онѣ приближались къ Турецкому флоту. На другой день, находившіеся на оныхъ были зарѣзаны у городского рва. Императоръ, въ отплату имъ, велѣлъ повѣсись на сѣнахъ 260 плѣнныхъ Турокъ.

Окончаніе впрѣдъ.

ОБНАРУЖЕННАЯ КЛЕВЕТА.

Китайская сказка (*).

ГЛАВА I.

Добротѣль — награждена, порокъ — наказанъ:
 Вошь и обнаружилось правосудіе Неба!
 Желая вредить другому,
 Мы сами себя вредимъ.

При нынѣшней династїи Минговъ, въ небольшомъ городкѣ Іунгъ-Кіа, чпо въ уѣздѣ Вен-чеу, въ области Че-Кіангъ, жилъ

(*) Въ прошедшемъ году, извѣстный Ориенталистъ Абель Ремюза издалъ въ Парижѣ Китайскія сказки, переведенныя на Французской языкъ: онъ обращалъ на себя шумное любонимство журналистовъ, книгопродавцевъ, любителей чтенія, — и какъ въ Парижѣ, по старой привычкѣ, онъ всего занимательнаго для публики, въ политикѣ ли, въ изящныхъ ли искусствахъ, или въ чемъ бы ни было, — заражающаго моды: то и Кит. сказки произвели на свѣтъ множество чепцовъ, башмачковъ, браслетъ, подшитомъ à la Chinoise. — Для насъ Рускихъ сіе изданіе Ремюзы занимательно совѣтъ по другому отношенію: Кит. сказки имѣють большое сходство съ нашими простонародными сказками: та же непринужденность въ слогѣ, та же охота къ подробностямъ и повтореніямъ, такое же лукавство и извѣстное простодушіе расказчика. Все это можно неоспоримо доказать, — но не иначе, какъ переводомъ всѣхъ сказокъ изд. Ремюзю: а для такого труда, хотя и благонадежнаго, нѣтъ у меня времени, за многими насущными занятіями. — Впрочемъ нѣкоторымъ доказательствомъ этому можетъ послужить и сказка, предлагаемая теперь читателямъ. Т.

одинъ ученый, по имени Вангъ, по прозванію Кіен, а чиномъ Вен-гао. — Жена его называлась Ліеу, и пользовалась полною его довѣренностію. Онь нее имѣлъ онъ дочь, которой не было еще и двухъ лѣтъ въ то время, про которое я хочу говорить. И шакъ все семейство соспоало изъ ихъ проихъ, да изъ нѣсколькихъ слугъ, или невольниковъ.

Хотя онъ не былъ богатъ, но жиль-шакки порядочно. Онь только науки его занимали, и хотѣлось ему поскорѣе дойти до ученой степени, для чего и проводилъ онъ все время въ уединеніи, за книгами, и если оспавлялъ работу, шакъ развѣ за шѣмъ, чшобъ посѣшить добрыхъ пріятелей, которыхъ было у него немного и съ которыми свелъ онъ знакомство по роду занятій.

Чшо до госпожи Ліеу, она была образцомъ добродѣтели: умна, распоропна, расчешлива и шрудолюбива. Такимъ супругамъ, двумъ скромникамъ, нешрудно было ужиться въ добромъ согласіи и безъ всякихъ споровъ.

Разъ какъ-шо послѣ обѣда, — въ исходѣ весны, когда небо совершенно чисто, — два, при пріятеля ошорвали господина Ванга онъ его занятій и зазвали прогуляшса за городомъ.

Дни мрачные и дождливые, передъ шѣмъ стоявшіе, придавали новъй блескъ солнцу, скрывавшемуся уже нѣскольکو дней.

Тысячи различныхъ ящицъ оживляли и разнообразили рощи.

Множество бабочекъ, кружась надъ головами, увѣчанными персиковыми листьями, — кошорые ошъ шакого зенра колыхались, — довершали украшеніе.

Цвѣтшы, навязанные на вѣтви, — не успѣвъ еще завянуть, повсюду испещряли сады.

Наконецъ, вся городская молодежь разбрелась по селенію, сославляла прекрасное зрѣлище.

Каждый былъ въ радости и предавался ей посреди пировъ.

Вангъ, подъ вліаніемъ весенняго воздуха, также думалъ о шомъ, чшобъ повеселишься; сложился онъ деньгами съ поварницами, и всѣ вмѣстѣ осушили по нѣскольку шакановъ вина. Напоследокъ они разшались.

Вмигъ, подходя къ своему дому, увидалъ, что у ворошъ двое его слугъ сильно споряшъ съ какимъ-шо человекомъ, у котораго въ рукахъ — корзина съ продажнымъ инбиремъ. Ешо былъ уроженецъ города Хучеу, по имени Лию. Слуги шумѣли на него за шо, что дорого просишъ онъ съ нихъ за взятой у него инбирь; разнощикъ съ своей стороны кричалъ, что его обижаютъ. Вангъ, узнавши причину ссоры, обратился къ разнощику: „Тебѣ заплашили сколько надо,“ сказалъ онъ, „спунай же и не шуми у моихъ ворошъ.“

Разнощикъ, малой проспой и ошкровенной, ошвѣчалъ шомчасъ же: — Намъ на-

ленькимъ людямъ не лзя шерпѣть убыш-
ку; вамъ должно бытъ снисходительнымъ
и великодушнымъ, и спыдно бы обижать
напрасно бѣднаго человѣка. —

При ѡшихъ словахъ Вангъ ужасно раз-
сердился: въ головѣ у него немного шумѣ-
ло. „Бездѣльникъ!“ закричалъ онъ, „смѣешь
ли ты говорить со мною такъ дерзко? . . .
и не посмотришь на то, что разнощикъ че-
ловѣкъ старой, Вангъ толкнулъ его со всей
силы и сбиль съ ногъ. Несчастный, — вид-
но, онъ больно былъ ушибенъ — кашился
по землѣ безъ памяти и безъ чувства.

Человѣкъ исчезаетъ въ мѣръ скорѣй,
чѣмъ луна прячется за горы при вос-
ходѣ солнца.

Жизнь подобна лампадѣ: — какъ поль-
ко выгоритъ все масло, тотчасъ по-
гаснетъ.

Не должно никогда сердиться, особенно
на людей, кошорые промышляютъ кой-
какой продажей; два или три денъера не
споюшь, чшобъ за нихъ ябедничать. А у
насъ, напрошивъ, весьма часпо видишь
слугъ, кошорые, пользуясь чиномъ и могу-
щесивомъ своихъ господъ, оскорбляютъ
проспой народъ и дѣлаютъ ему прищѣне-
нїя, — и шѣмъ они вредятъ чести своихъ
же господъ: они впушываютъ ихъ въ дур-
ныя испорїи. Есть однако люди хорошей
нравственности, кошорые строго запре-
щаютъ ѡпо своимъ домашнимъ, и шѣмъ
избѣгаютъ подобныхъ непрїятностей.

Разумѣется, Вангъ долженъ былъ осперечься, онъ далъ большой промахъ въ этомъ случаѣ; но ужь слишкомъ большое наказаніе пошерпѣлъ онъ, какъ узнаеше въ послѣдствіи. Какъ только увидѣлъ онъ, что незнакомецъ упалъ къ ногамъ его, — онъ страшно испугался и винные пары пошчасъ изъ головы его вылетѣли. Кинулся онъ въ хлопоты и звалъ на помощь. Мигомъ подспѣли слуги и опнесли шого чловѣка, полумертваго, въ залу. Въ немъ не было никакого признака жизни; попробовали влишь ему въ рошъ чашку шеплаго чаю, — и мало по малу спалъ онъ приходишь въ памяшь.

Тогда Вангъ, разсыпаясь передъ нимъ въ учпивыхъ извиненіяхъ, спалъ угощашъ его самымъ лучшимъ виномъ, и подносилъ ему кушанья для подкрѣпленія силы; а пошомъ подарилъ ему цѣлый кусокъ шафшы, ошъ кошораго могъ онъ нажишь изрядный барышь.

Эшъ ласки пошчасъ обрашили шарика ошъ серацовъ къ радости, — и онъ извинился, какъ только могъ; послѣ шого онъ разпростился и пошелъ поскорѣй до берега рѣки, чшобъ шереправилься чрезъ нее, пока ночь его не заспигла.

Еслибъ Вангъ предвидѣлъ будущее, онъ удержалъ бы эшаго незнакомца и кормилъ бы у себя въ домъ по крайней мѣрѣ мѣсяца два: шакое гощепрїимство предохранило бы его ошъ бѣды, кошорая пошомъ, какъ мы увидимъ, на него нагрянула. Посшупокъ его

даещъ намъ урокъ, выражаемый эпой пословицею : *выпустилъ изъ рукъ клубокъ золотыхъ нитокъ, — глядишь ! горе тутъ!*

Вангъ лишь только выпроводилъ спарика, вошелъ опять въ комнаты, и, вмѣстѣ съ женою, спалъ радуясь, что такъ легко избавились они отъ напасти.

Какъ наступила уже ночь, Госпожа Лиѳу назвала слугъ и приказала имъ поскорѣй давать ужинъ. Прежде всего она заставила мужа выпить препорядочный стаканъ подогрѣтаго вина — для разсѣянiя спреха. Уже онъ немного оправился и оплегло у него отъ сердца, какъ вдругъ слышался стукъ въ двери.

Новымъ спрахомъ его обдало. Онъ беретъ лампу и идетъ посмотрѣть, что за причина епой спуюшнн. У дверей находишь онъ Чеу-се, хозяина лодки, на копорой дереправлялись черезъ рѣку: въ рукахъ у него кусокъ шафшы и корзина разнощика.

Только лишь увидалъ онъ Ванга, какъ и началъ говорить ему съ видомъ смущеннымъ : „Какое спрашное дѣло вы сдѣлали! вы пропадете! Какъ можно ученому чловѣку убишь разнощика!“ Сии слова были громовымъ ударомъ для бѣднаго Ванга. — Что вы хотите сказать? — спросилъ онъ со прещомъ. „Развѣ вы не понимаете?“ возразилъ Чеу-се; „или вы не узнаете эпой шафшы и корзины!...“ — Очень знаю, — отвѣчалъ Вангъ, — разнощикъ инбиря изъ города Хучеу приходилъ ко мнѣ сего дня, эпу шафлу я подарилъ ему; а въ эпой корзину

былъ у него шоварь ; но какъ вещи сіи попали въ ваши руки ? —

„Ужь была ночь на дворъ,“ сказалъ Чэу-се, „когда эшошъ человекъ изъ города Ху-чеу, по имени Ліу, пришелъ къ берегу и просилъ меня перевезши его на другую спорную рѣку. Успѣлъ лишь онъ войти въ лодку, какъ схватила его такая спрашная боль въ груди, что онъ доходилъ до омпчаянія: шупъ, рассказавши мнѣ, что этому причиной были ваши побои, онъ мнѣ опдалъ и кусокъ шапки и корзину. Они будутъ доказательствомъ,“ сказалъ онъ, „когда вы, о чемъ я васъ заклинаю! начнете дѣло мое изслѣдывать помощію правосудія; вы немедленно опправьшесь въ Ху-чеу увѣдомишь моихъ родственниковъ и просишь ихъ, чтобы смерть мою опомстили смертію виновника. Окончивъ сіи слова, онъ . . . шло его и шецерь еще лежишь въ лодкѣ, которую я нарочно привелъ поближе къ вашему дому. Вы можете сами во всемъ увѣришься, если хошите приняшь мѣры для своего спасенія.“

Опъ эшаго разсказа Вангъ шакъ спрусилъ, что не въ силахъ былъ сказать ни полслова. Сердце въ немъ билось, какъ въ молодомъ фазанѣ, кошорый, будучи пойманъ въ сѣщи, мечешся и шуда и сюда, не находишь нигдѣ выхода.

Наконецъ, придя немного въ себя и спараясь скрышь свое смущеніе, — все что вы говорите, правда, — произнесъ онъ съ смѣлымъ видомъ, и попчасъ же при-

казалъ одному слугѣ своему сбѣгать до лодки и утѣрившись въ испани, Слуга какъ не лая скорѣе вернуться назадъ, и казался, что мертвое тело точно лежидтъ въ лодкѣ.

Вангъ бѣжалъ человекъ не самшкомъ дальновидный. Почтчасъ мешель, онъ въ свои компаньи и разсказалъ менѣ все, что слышалъ. „Дѣло кончено,“ говорилъ онъ, „я человекъ погубшій! буря надъ моей головою, и одно нюлько сраденно избѣгнушь несчастія: надо подкупишь перевозчика, чтобы бросилъ шель куда подальше: вошь это одно можешъ спасти меня отъ суда!“

Тутъ же доспалъ онъ кошелекъ съ серебряными деньгами, въ которомъ было около двадцати шаельсовъ, и не жидкавъ зидель въ перевозчику. „Другъ мой!“ сказалъ онъ „я надеюсь, что вы сохраните мою шайну и все расмажу вамъ опкровенно. Дайшвишельно, я замиделься въ это дурное дѣло; но, по совѣсти признаюсь, здѣсь больше неблагоразумія, чѣмъ злосши; мы съ вами оба изъ Вен-чеу, и я ляду себя надеждой, что навсегда останемся добрыми земляками. Уже ли вы погубите меня за иногородца? Что вамъ пользы? Не лучше ли замидель это дѣло? Благодарность моя будетъ равна вашему одолженію. Возмище, бросите шрущъ куда-нибудь въ опдаленное мѣсто, ночь благопріятшсшвуетъ нашему мштренію, нишо о шомъ и не узнаете!“

— Да какое же мѣсто мнѣ выбрать? — возразилъ перевозчикъ: — можешъ случидтъся, что завтра же кто нибудъ опкровешъ нашу шай-

ну и какъ снѣдутъ дѣланъ законныя рѣшскіе, меня прибиваютъ ообщинномъ убійствѣ, и я за услугу вамъ самъ никакъ не надусь въ это нехорошее дѣло. —

„Вы знаете,“ отвѣчалъ Вангъ, „что гробница моего отца отсюда недалеко и что это мѣсто почти никакъ не посѣщается. Теперь же ночь чрезвычайно темна, а ни одна душа не вслѣдитъ за вами на дорогѣ. Помрудишься перевозчикъ куда шло на вашей лодкѣ.“

— Мысль хороша! — воскликнулъ перевозчикъ; — но чѣмъ вознаградите вы ему услугу? — Тогда Вангъ вынулъ кошелекъ съ деньгами и отдалъ его перевозчику. — Какъ можно! — возразилъ сей послѣдній съ видомъ презрѣнія: — дѣло идеть объ убійство чужака, а вы хотите раздѣлаться такою убогой платою? Это мое счастье, что разбойникъ умеръ въ моей лодкѣ: Небу угодно было доставить мнѣ случай улучшить мое состояніе, — а вы дадите мнѣ такъ мало! Воля ваша, вы должны дать мнѣ не крайней мѣрѣ 100 шельсовъ. —

Вангъ отъ всей души желалъ избавиться суда и побоялся прощиворчить перевозчику. Онъ, кивнувъ ему головою, изъявилъ согласіе и въ шутку мигнувши указавъ къ себѣ въ комнату, собралъ тамъ оснащенные кошельки деньги, захватилъ также плащъ, коннымъ головнымъ повязки и другія подобныя вещи и ни мало не выжидая, возвратился къ перевозчику и вѣжески украшалъ его взявъ все это, увѣряя, что все это спрятано

около бы жальсовъ; и что безусловно не дозволяетъ ему дать болѣе.

Челу-се въ самомъ дѣлѣ, казалось, signalъ свискодиндильнѣе. — Я же кочу сдѣлашь васъ несчастными, — сказалъ онъ, — но надеюсь, что, такъ какъ вы человекъ ученый, но не забудете послѣ поромскыко со мной сканиваться. —

Тутъ только началъ Ванга дышать свободно. Нѣсколько успокоившись, угоснивалъ онъ перевозчика закуской и въ то же время велѣлъ двумъ слугамъ своимъ пригословить лопани и кайен. Одинъ изъ нихъ назывался Гу: это былъ нашошій автра; почему его и прозвали шигромъ (Гу); — всѣ они ошпраздлись немедленно, и причаливъ къ берегу, на которомъ было кладбище, выбрали мѣсто самое лучшее. Вырмаи яму и закопали туда шѣло. Помомъ шѣтъ же пушемъ поклами они проворно домой.

Она работа закала ихъ почти всю ночь и вернулась они уже на рассвѣтъ. Для перевозчика была пригословленъ заиракъ, послѣ котораго онъ скоро разпрощался. Ванга ошпущилъ слугъ спать, а самъ пошелъ въ комнату жени разсвѣтъ съ нею свою кручину. „Возможно ли!“ воскликнулъ онъ, „учась человека ученаго и шаринной санклн должна зависѣть отъ негоди?“ Тутъ заллася онъ горючими слезами.

Жена шаралась уштинивъ его съ горестнн. „За чѣмъ печалнись,“ говорила она „уже шакомъ вашъ жребій, уже судьбою было определено, замъ потерпѣть горе и ошланивъ

за него такъ дорого. Чѣтъ роннать, благо даришь лучше Небо, чѣмъ Оте спасибо: за то онъ совершеннаго несчастія. Думайше о томъ; какъ бы усвоишься! Моемъ такитъ шрудовъ и безпокеише, какитъ веренскія выцкую ночь, — зинъ оно нужно! — Вангъ послушался жены и легъ въ постель.

По прошествіи нѣсколькихъ дней Вангъ увидѣлъ, что дѣло совершенно замедло, и макуивъ жертвенноприношеній, принесть ихъ богамъ и своиъ преданъ.

А переводчикъ преданъ своею доду и, на деньги ученаго зацѣда лавку, шпустился въ торговлю.

Спало бытъ, шпортъ ученой нечелской большой смышлености; засыпавъ деньги рошъ переводчику, — чѣмъ бы ему нацлалъ въ лодку побольше гужаго хворощу, да и съечь вѣснъ съ шрупомъ! Не оспалось бы никакихъ сладовъ и быль быгъ предупредитъ всъ резыски. Вѣсно шого, шонъ зашдѣлъ похороны. Онъ одлаалъ не лучше, какъ еслибъ, скашивая въ огородѣ неродныя рѣспннн, не шревожилъ ихъ корень: съ весною они опять пойдутъ въ ростъ и надѣлаютъ шѣ же хлопоты; хорошей хонннъ вырываетъ ихъ вонъ съ корнемъ; и шогда шноннъ шолько крикибишь ихъ первому ушреннику, шамъ они ужъ вѣкъ не разрѣспущся.

Весьма справедливо говоритъ: счастье ходитъ въ школѣ, несчастье мнитъ на шчотышѣ. Дочери Ванга, о которой я упоминалъ ужъ, пошелъ шрешій годъ, какъ

другъ жапада, на нее самая злая оспа. О
 здравіи ея и молились дворянъ, и ворованъ,
 и совѣщались съ лучшими лѣкарами: все
 было напрасно. Опець и мать цѣлы
 дни проводили въ слезахъ у постели ма-
 люшки; наконецъ дождавъ до нѣкъ слугъ,
 что ещѣ въ городѣ нѣкто Смиъ, врачъ
 весьма искусный на подобныя болѣзни —
 и выдѣливалъ онъ даже и шакихъ дѣтей,
 въ жизни кошорыхъ, ужь опчаялись. Вангъ
 написалъ къ нему приглашеніе самое
 самое вѣжливое, и отдавъ его слугѣ своему
 Гу, приказалъ опнести какъ можно провор-
 нѣе. Ожидая лѣкаря, онъ считалъ каждую
 минушу. Между цѣмъ малюшкѣ все дѣлалось
 хуже, да хуже, кой-какъ продыхала она
 до прещяго бѣзніа, — шумъ дыханіе сдѣ-
 лалось пруднѣе, и она опдала послѣдній
 вздохъ среди слезъ и стоновъ своджѣ оп-
 чаянныхъ родителей.

Гу вернувся домой, ужь на другой день
 по полудни, и принесъ онъ въ опившѣ,
 что врача не засталъ дома, и прождалъ его
 цѣлыя сушки по нусному. При шакомъ оп-
 вшѣ горестъ распроганнаго опца увели-
 чилась. „Такъ вотъ судьба моей дочери!“
 воскликнулъ онъ: „а лиценъ счастья пособилъ
 ей искусствомъ шакого славнаго врача!“ —
 и говоря сія слава, горько онъ плакалъ.

Спусти нѣсколько дней, обнаружилось,
 черезъ разговоры слугъ, что Гу, вмѣсто
 того, чтообъ исполнить свое порученіе,
 прогулялъ все время въ пидейномъ домѣ, и
 будучи не веселъ, подержалъ письмо къ лѣка-

рю, а все, что рассказал онъ, возвращаясь домой, выдумалъ, опрессившись, въ свое оправданіе.

Узнавъ объ этомъ, Вангъ въ страшномъ гнѣвѣ зовешь другихъ слугъ, „Скорѣй“ кричишь онъ „возложите этого бездѣльника, разложите на землю и задайте ему пятьдесятъ палокъ самыхъ горячихъ!“ — После наказанія, произведеннаго въ его присутствіи, ушелъ онъ въ свой покой съ сердцемъ, спященнымъ горесцію.

Слуга едва поднялся и, весь избишенный, черезъ силу дошаптался до своей комнаты. Тамъ, въ бѣшенствѣ, спучалъ себя въ грудь кулакомъ, какъ опечалинный, и вопилъ: „Варваръ! цвоя жестокоствя дорого тебѣ обойдешся! не уйдешь ним онъ моего ищенія!“ — Пошомъ, подумавъ съ минушу, „живъ недалеко искаши случая,“ продолжалъ бѣснующійся, „онъ у меня въ рукахъ и не увернешся; дай шолко поджмиши мои рѣкми, ны уждиши, что я могу сдѣлать, ны узнаешь, какъ говорить пословица: колодезь ли ходиши въ бадью, или бадья въ колодезь!“

Вангъ между тѣмъ былъ неунашенъ и вполне предавался своей горесціи. Наконецъ родные и друзья присупали къ нему, за что онъ ихъ не посещаетъ; — и мало по малу осушили его слезы и разсвѣли печаль.

Въ одинъ день, возвращаясь домой, прохаживался онъ по саду; вдругъ отвораются двери шолна полицейскихъ; они прямо под-

подать къ нему и накидываютъ ему веревку на шею. „Что это значить?“ вскричала испуганный и изумленный Вангъ: „какъ вы не знаете, что я ученый? Я изъ числа ученыхъ! обходитесь ли такъ съ людьми моего званія! и что за причина?...“

Полицейскіе насмѣшливо ошвѣчали: — Хорошъ ученый! Мандаринъ докажешь, идеешь ли ученому душегубничать! — Въ шумѣ минушу пошацили его въ судилище, гдѣ сей чиновникъ чинилъ судъ и расправу. Едва шолько успавили его на колѣна, какъ въ недалекомъ разстояніи ошъ себя примѣнилъ онъ слугу своего Гу, на лицѣ котораго замѣтна была шайная радость при видѣ господина въ униженіи и замѣшательствѣ. Тутъ догадался Вангъ, что обвинялъ его собственноручной рабъ въ опшщненіе за понесенное имъ наказаніе.

Мандаринъ началъ свой допросъ: „Васъ обвиняють въ убійствѣ разнощика изъ города Ху-чеу; что вы на это скажете?“ — Ахъ, милосивѣйшій судья! — ошвѣчалъ Вангъ: — вы для насъ правосудное Небо! не вѣрите клеветѣ этого негодяя. Возникте въ соображеніе, можно ли ученаго и приномъ шакого, какъ я, робкаго и слабого, подозрѣвать въ дракъ и въ убійствѣ человека! Меня обвиняють мой собственноручной слуга, котораго я наказалъ по праву господина за шайную вину его; онъ рѣшился погубить меня; но я надѣюсь на ваше безпристрастіе, на вашу прозорливость: вы

не приметно донесла слуги на господина и обмарилише его коварственно. —

— Гу, ударившись лбомъ объ полъ, возрежалъ: „Милосерднѣйшій судья! вы для насъ правосудное Небо! Я васъ заклинаю, не врите шому, что говорите вътомъ ученнй: онъ великй масперъ пришворяшья. Если слуга провинился и его за шо накажутъ, — шущъ ничего нашъ необыкновеннаго, и ни видано, ни слыхано, чшобъ шакой слуга спиталъ выдумывать уголовное обвиненіе. Но вы можете удостовериться. Трупъ убишаго разнощика скороненъ на кладбищѣ: прикажише его вырышь; коли онъ точно найдется шамъ, значить, что я говорю правду; коли не найдется, — я буду ябедникомъ, и шогда прикажише наказашъ меня какъ не льяя спроще по законамъ.“

Мандаринъ въ самомъ дѣлѣ на это согласился. По приказанію его, спраша отправилась на кладбище, въ сопровожденіи слуги, кошорнй, какъ не льяя шверже, запомнилъ мѣсто, гдѣ положенъ шрупъ. Выкопали его: — это былъ ужъ почти ошновъ, — и понесли на носилахъ въ судманще. Мандаринъ, приподнявшись со шпула и пошопря на шрупъ, сказала: „Въ прешупленіи нѣчато сомнѣваться.“ — Ванга ужъ повалила къ дышкѣ, какъ началъ онъ просить, чшобъ выслушали его хонъ одну минушу.

„Дшо мертвое шло,“ говорилъ онъ, „почти все кошало и спало ужъ ошновъ: это одно доказываетъ, что убійство одѣлаво не недавно. Положимъ, еслабъ я былъ

обвинивать въ убійствѣ, за чѣмъ же мой обвинитель ждалъ именно нынѣшняго дня для своего доноса? Развѣ не можешь сказать, что Гу смыскала вѣрно основъ, кто знаетъ гдѣ, для подтвержденія своей клеветы и чтобы ужь погубить меня, такъ сказать, громовицъ ударомъ?”

— И по можешь сказать! — промолвилъ Мандаринъ. Но Гу возразилъ тотчасъ же: „Не спорю, что передъ вами шурь челоуѣка, убившаго назадъ тому годъ. Привязанность къ господину удерживала доселѣ слугу, — и шрудно слугѣ быль обвинителемъ! Сказашъ по правдѣ, я и не думалъ быль обвинителемъ, но рѣшилси причинить вредъ моему господину, которому я преданъ былъ сердечно. Все надѣялся я, что авось со временемъ переѣнишь онъ свою вспыльчивость и горячность. Но какъ началъ онъ шановишься день ошо дня заѣе, я и спалъ боишься, увлечетъ онъ когда-нибудь меня съ собою въ погибель: ошо-шо вынудило меня объявить все суду, — хоть бы надобно было сдѣлать шо гораздо прежде. Но какъ вы и шеперь еще сомнѣваетесь, — такъ призовише сюда сосѣдей и спросише ихъ: всякой изъ нихъ объявитъ, что въ прошедшемъ году, шакого-шо мѣсяца, шакого-шо числа, Вангъ точно убилъ челоуѣка. Ужь ошо самое лучшее средство узнать, кто изъ насъ двоихъ говоритъ правду.“

— И ошо очень дѣльно! — замѣтилъ Мандаринъ: — скорѣй созовише сюда сосѣдей Ван-

га. — Они собрались, и сделанъ былъ имъ вопросъ: знаютъ ли они объ убійствѣ, о которомъ идеть дѣло. „Точно, ошвѣчалъ соседъ въ прошедшемъ году, такого-то мѣсяца, такого-то числа, Вангъ сильно поколошнлъ одного разнощика иибиря; были слухи, что онъ умеръ чрезъ нѣсколько времени, но потомъ онъ опять явился, и мы не знаемъ, что съ нимъ послѣ того было!“ — При такомъ свидѣтельствѣ соседей Вангъ поблѣднлъ замѣшнымъ образомъ и спалъ въ своихъ ошвѣщахъ шо прошиворвчншь, шо пушанься.

— Не къ чему больше дѣлать разспросовъ, — заключилъ наконецъ Мандринъ; — вы ошвѣчены въ убійствѣ, но никогда не сознаешесь, если не упошребимъ мѣръ снрогнхъ. — И приказалъ онъ дашъ Вангу палокъ.

Въ шу же минушу два спорожа суднща, громко прокашлнваясь въ знакъ своей поспѣшности, схватили ученаго, разложили его на землю и весьма усердно ошсчпшали ему двадцать ударовъ палками. Это было слишкомъ много для ученаго, здоровемъ слабаго и нѣжнаго. Ошъ спраха, чтооь не наказали его жесточе, онъ, не запнннясь, ошвнвлъ все, чего ошъ него хотѣли.

Мандаринъ, составляя прошоколь, — „хощъ и нѣшъ сомнѣння,“ говорилъ, „что вы заслуживаете смерть, но послнку родшвенниковъ убншаго въ судъ не ошказалось и казню швоею швннншь не для чего, шо подождемъ, пока кто-ннбудь принаешъ убншаго своимъ родшвенникомъ, — тогда я опредѣлю тебѣ родъ наказання.“

Ванга ошвели въ шюрму, а ошавъ оняшь замонали въ прежнюю могилу, спрото запрешия жечь его, дабы можно было показашь и ошдашь его родшвенникамъ, въ случай, если бы они явились просить правосудія.

Присущствіе кончилось, и Мандаринъ ушелъ домой. Гу былъ очень доволенъ успѣхомъ своего доноса и не могъ душою нарадовашься, вспоминая, какъ ошчишывали удары его господну. — Другіе слуги Ванга, будучи женою его присланы въ судлице, побыжали увѣдомить ее обо всемъ, что видѣли.

При такой новости она упала въ обморокъ и долго ошавалась въ ешомъ положеніи, словно всѣ при души изъ нея вонъ! Потомъ, ошамшолавшись немного, она весь кваршалъ заглушила спонами и воплемъ, кошорые сопровождались пришомъ ужасными судорогами. Насилу пришла она въ чувствіе, при помощи служанокъ. *Любезный супругъ!* закричала она, — и болѣе ничего не могла выговорить. Крикъ и сшенианія начались снова и продолжались около двухъ часовъ.

Какъ прошелъ ешомъ припадокъ горешти, она собрала кой-какія деньги и переодѣлась. Потомъ, приказавши одной служанкѣ идти за нею, а другой впереди ея, перешла черезъ весь городъ, и очутилась у воротъ шюрмы. Какъ увидали другъ друга мужъ и жена, — оба изумились шакъ, что не могли произнести ни слова.

Наконецъ Вангъ опоминяся, и задвываясь слезами говорилъ: „Любезная супруга! извергъ Гу ввергнулъ меня въ одну пронасъ несчастія!“ Госпожа Ліеу „пустилась осыпая проклятіями ешаго злодѣя; пошомъ вынула деньги и отдала ихъ мужу. — Вошь вамъ, — сказала она, на подарки прирашнику и часовымъ, чшомъ они обходился съ вами милосщиве. — . . . . . Ночь засшавила ихъ разсшашься.

Госпожа Ліеу пошла въ глубокой горести, и не легко было у ней на сердцѣ. Вангъ не замедлялъ одарить прирашника и часовыхъ, и пошому онъ былъ избавленъ отъ плещей и палокъ, кошорыя обыкшвенно досшашюся арешчаншамъ; но чрезвычайно мучился онъ шьмъ, чшомъ былъ окруженъ разнаго сорта бездѣльниками и чшомъ долженъ умереть смертію ужасною и позорною.

Ужь мѣсяцовъ пять велъ онъ горькую жизнь въ шюрмѣ, — какъ вдругъ сдѣлался онъ жесткоко боленъ. Искусство лѣкарей и лѣкаршва ни чего ему не помогали, и самъ онъ видѣлъ, чшомъ жизнь ему не долго. Въ пошь день, какъ ужь совсѣмъ опчядился въ его жизни, — пришелъ навѣдаться о немъ слуга его. Лишь шодько примѣшмалъ Вангъ слугу, „вернись проворше домой,“ сказалъ онъ ему, „скажи швоей госпожѣ, чшомъ я умираю и пусть посщившишь она, если хочешъ, видѣшься со мною въ послѣдній разъ.“

Не успѣлъ еще слуга всего пересказать госпожѣ Ліеу, какъ она уже въ опчядніи вышла изъ дому и лаялась въ шюрмѣ, гдѣ

при взгляде на плачущее сожженное мужа заилася горячим слезами. „Тогда Вангъ, смельчико! могъ, собравъ съ силами, „Любезная супруга! судьба угодно, чтобы бѣдный мужъ твой впалъ въ какое несчастіе и чтобы накрылъ стыдомъ свою мудрую и добродѣтельную супругу. Волзвѣя и блещеки-нужно усиливается! Но я тебя вижу, другъ мой! и умираю спокойно. Только объ одномъ прошу, — чтобы клеветникъ — слуга мой, не остался безъ наказанія; и въ то же время я буду закланъ тебе о мщенихъ!“

Госпожа Лиу удерживалась отъ слезъ, чтобы еще больше не опечалишь мужа. — Оспавшись, — говорила она — видъ рѣчи; думайте только о своемъ спокойствіи и о дѣтскихъ; которыхъ бы могли помѣть вамъ. До сихъ поръ не имало никого, кто бы прижалъ участіе въ дѣлѣ, за которое вы спрдаеете въ шорны; и я рѣшился продать все наши земли, нашъ домъ и все, что имѣемъ, чтобы только освободить васъ и жить потомъ долгое время въ тишинѣ. А невѣрнаго раба вашего праведное Небо накажетъ: вы непременно будете ошощены безъ всякихъ вашихъ о томъ стараній.

Вангъ ошвѣчалъ: „Видя такую забешливостъ обо мнѣ супруга, я считая оставшихъ дней моихъ драгоценнымъ даромъ Неба!“ . . . Онъ хотѣлъ продолжати; но супругу его попросили удалиться, потому что уже приближалась ночь.

Тутъ что обнаружилась горькая, до
того ею сдерживаемая. Взявъ въ слезы, она
пришла домой и засела одна въ комнату
размышлять о несчастіи и печальномъ по-
ложении своего мужа. Тамъ впрямь слу-
жили сидѣли въ передней и калитки около
собой о волной всланивъ; вѣдучь входящій въ
двери человекъ, уже пожилой, съ уваломъ въ
рукахъ, и спрашивается, дома ли господни-
къ.

Лишь только взглянули они на этого
незнакомца, какъ вся въ голосъ закричала:
Мертвецъ! Мертвецъ! и пустилась бѣжать,
куда попало. Они узнали въ немъ разнош-
ка мибри, уроженца изъ города Ху-чеу,
по имени Ліу. Онъ, вида такой странной
вспугъ служителей, поймалъ одного за ру-
ку. „Съ ума вы сошли, что ли?“ сказалъ онъ:
„Я кричалъ съ подарками къ вашему госпо-
дину, а вы принимаете меня за усопшаго.“

Госпожа Ліеу, услышавъ шумъ въ перед-
ней, выходящій поспѣшить, что случилось.
Доброй смарикъ кланяется ей весьма учин-
вымъ образомъ.

„Сударыня!“ говоритъ онъ, „мы конечно
не забыли смарика Ліу, шорганна мибри
изъ города Ху-чеу. Я-то онъ и есть; я
еще помню объ угощеніи вашего супруга и
о бѣдой вашей, что ему угодно было под-
арить мнѣ. Оставивъ васъ, я возвратился
въ Ху-чеу. Вотъ уже года полтора, какъ
по промыслу моему все развѣдалъ я по
разнымъ мѣстамъ; наконецъ теперь очутивъ
въ вашемъ благородномъ городѣ, я пришелъ

изъ своей родины, той-такижь, беддлушекъ, конторы осмѣливались принести дамъ въ подарокъ. Но подумай, почему слуги ваши кричали: мена за приицеа съ шого сѣшва.“ Однѣя слуга, прижавшійся къ уму зааль, закричала шогчасъ: — Сударыня! не слушайте его; видно, онъ знаетъ, что вы спарасивесь освободить господина изъ шорьны, и приицеа въ челоуштерскомъ образъ, чибобъ анунашъ даго и догубишь всѣхъ насъ. —

Госпожа Ліу велѣла слугѣ замолчать и обратила рѣчь къ неожиданному госпою: „По всему, что вижу, и по словамъ вашихъ и уврѣна, что вы не приицеа съ шого сѣшва; но знаетели, что супругъ мой въ несчастіи и страдаетъ именно онъ васъ.“

Доброй Ліу была изумленъ шаккикъ ошѣшвокъ: — Какъ возможно — сказала онъ, — чибобъ крешивъ мой води, а догъ причинишь хоня малѣйше аго шакому честиному челоушву? — Тогда госпожа Ліу рассказала ему все, что сдѣлалъ перевозчикъ Чеу-се. „Онъ подѣхалъ на лодкѣ къ самому нашему дому,“ говорила она, „и въ лодкѣ лежало у него мертвое шѣло; вашу корзину и шаешу, что вы онъ насъ долучили, принесъ онъ къ намъ и уврѣалъ, будто вы, умирая, отдали ему для доказательствѣна, что васъ убилъ мой мужъ. Мы задарили деньгами шнаго перевозчика, чибобъ ушаналъ онъ убійство перевозѣ шѣло и похоронилъ. Ужъ спуши годъ, Гу пошелъ донести судѣ на своего господина. Спали мужа моего вышпалъ, и онъ во всемъ признался; наконецъ взяли

его въ шюрму; гдѣ она была уже нѣсколько мѣсяцевъ спрятана.

Лиу сильно била себя въ грудь. — Ахъ, сударыня, — кричалъ онъ, — пинжканъ груома шло овладѣла! Есть же подъ небомъ люди, способные на такое черное дѣло! Когда я распродался съ вами въ промежутокъ году, я пошелъ прямо къ лѣдямъ, чтобы переправиться черезъ рѣку. Перевозчикъ, живя на мою бѣлую шапку, спросилъ, откуда я получалъ се. Я ничего не подозревалъ его въ дурномъ намѣреніи, и высказалъ ему откровенно, какъ была небывшая дѣланиа у пругома, какъ нѣсколько времени дѣлалъ онъ того въ безпамятствѣ, какъ наконецъ онъ облакалъ меня и подарилъ шапку. Перевозчикъ сталъ торговать у меня шапку — и я продалъ; и биббуковую корзинку выпросилъ онъ у меня за перевозъ черезъ рѣку. Можно ли было подумать, что онъ употребитъ это все на такую хитрость! „Если бы вы не пришли сюда, другъ мой!“ ошѣтала госпожа Лиу, „и сама бы до шпоры не была уверена, что доносъ на него супруга есть клевета! Но гдѣ же могъ онъ дѣлать это дерзкое шло, и шоросочла ващитъ?“ Лиу задумался на минуту. — Помню! — сказала онъ, — какъ я былъ на лѣдѣ и рассказывалъ перевозчику мою историю, не вдалекъ у берега рѣки, и зашелъ, шло мерзкое шло. Я посмотрѣлъ на него пристально, и подумалъ: вѣрно это шло ушопушлага по неосторожности. Ко-му бы пришло въ голову, что перевозчикъ

замышлялъ въ это время такое дьявольское дѣло. Гнусное чудовище! . . . Но, сударыня, намъ времени шеряшь не надобно: примите опть меня, сдѣлайте одолженіе, эшопть небольшой подарокъ и шеперь же пойдете вмѣстѣ къ Мандарину; я удостою его въ клеветѣ; я выручу вашего супруга. Опоздаемъ, такъ шогда уже будетъ эшо шруднѣе. — Госпожа Ліеу приняла подарокъ и приказала дать пообѣдать доброму шпарикъу Ліу.

Между шѣмъ въ эшо время она сама написала челобитную: она была родомъ изъ фамиліи ученыхъ, такъ и писала очень бѣгло. После шого, приказавъ подать носилки, она опшправилась въ домъ Мандарина, — съ нѣсколькими слугами и въ сопровожденіи шшарика.

Лишь шолько сей судья возсѣлъ на своей судейской спуль, — и шопть и другая закричали: „Невинность обвинена клеветшою!“ и въ шужь минушу госпожа Ліеу предшавила свою челобитную. Мандаринъ, прочитавши, подозвалъ госпожу къ себѣ и сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ; она изяснила, какъ не лзя подробнѣе, всю исторію своего мужа и кончила шѣмъ, что вопть нынѣшній день, по случаю благополучнаго прибытія разнощика въ городъ, она увѣрилась въ ужасной клеветѣ, и проситъ въ челобитной своей правосудія.

Мандаринъ, выслушавъ ее внимательншо, подозвалъ къ себѣ Ліу для допроса въ его очередь. Эшопть рассказалъ начало и конецъ

ссоры, въ которой онъ былъ побитъ, изъяснилъ, какимъ образомъ продалъ онъ шапу и ошвѣчалъ на всѣ заданные ему вопросы. „Но,“ воскликнулъ Мандаринъ, „не деньгами ли подкупили васъ, чшобъ явиться въ судъ съ эшимъ свидѣтельствомъ?“ Лиу, спукнувшись лбомъ въ землю, ошвѣчалъ: — Такое пришествіе не возможно; я купецъ изъ Ху-чеу, торгую въ эшомъ городѣ многіе годы, меня знаешь большая часть жишелей. Какъ мнѣ можно солгать? Еслибъ была правда, чшо я умеръ, какъ рассказывающъ, уже либъ, чувствую себя при смерти, не попросилъ я переводчика сходишь позвашъ ко мнѣ моихъ знакомыхъ и не поручилъ бы имъ ошыскашь правосудіе? Спашочное ли дѣло, чшобъ я далъ эшо порученіе нѣзнакому человеку? Да еслибъ я въ самомъ дѣлѣ умеръ, у меня въ городѣ Ху-чеу ешь родные; увидѣвъ, чшо я шакъ долго не возвращаюсь къ нимъ, они вѣрно бы приѣхали сюда разпознашь, чшѣ со мною сдѣлалось? Былъ бы я убитъ, — развѣ не они бы спали жаловашься вамъ? Какъ же сдѣлалось, чшо въ цѣлой годъ ни кто не явился, и вмѣсто моихъ родспвенниковъ, чужой слуга принесъ обвиненіе на своего господина? Я шолько сего дня возвратился въ вашъ городъ и пошому не могъ прежде знашь объ эшой гнусной клеветѣ. Я и не желалъ ни сколько зла эшому несчастному ученому; но какъ онъ шерпитъ за меня, шакъ мнѣ и не лзя равнодушно смотрѣшь на обвиненіе его понапрасну: ж одна эша

причина привела меня къ ногамъ вашимъ. Покорнѣйше прошу, прикажите сдатьшь сладшвіе обо всемъ, что до меня касает- ся: это очень не трудно. —

„Такъ вы извѣстны здѣсь многимъ,“ ска- залъ Мандаринъ; „назовите мнѣ кого ни- будь, кого бы я могъ допросить.“ — Ліу назвалъ человекъ десятъ. Мандаринъ запи- салъ имя каждаго изъ нихъ, но выбралъ только чепырехъ послѣднихъ и пошчасъ послалъ за ними.

Когда вошли они въ залу, всѣ замѣпи- ли, что они, лишь увидѣвъ шарика Ліу, заговорили между собою: „Смотрише - ка, вѣдь это нашъ старой пріятель Ліу, изъ города Ху - чеу; спало бытъ онъ не умеръ, какъ говорили.“ — Мандаринъ подо- звалъ ихъ къ себѣ поближе, чтообъ лучше могли они всмотрѣться въ Ліу. „Обморо- чили намъ глаза, что ли?“ вскричали они; „нѣтъ! это онъ самый! именно шотъ са- мый продавецъ инбиря, про кошораго про- несся слухъ, будшо убишь онъ ученымъ Вангомъ.“

Мандаринъ началъ увѣряться въ исти- нѣ и спалъ пребывать ошъ нихъ показа- ній законнымъ образомъ. Послѣ того при- казалъ онъ имъ удалиться, запретивъ, подъ опасеніемъ бытъ больно высъченными, ни съ кѣмъ не заговаривать о шомъ, что видѣли. Они дали слово молчать и вышли вонъ изъ судилища.

Не теряя времени, Мандаринъ отдадъ приказъ кой-кому изъ своихъ подчиненныхъ,

чтобы они тайкомъ осведомились о мѣстѣ жительства перевозчика Чеу-се и подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ заманили бы его въ судилище, и такъ припомъ искусно, чтобы онъ ни чуть не подозревалъ о настоящей нуждѣ въ немъ, и слугу Гу, котораго первый извелъ доносъ, также бы ошмыкали, и ихъ обоихъ привели бы въ судилище въ полдень. Чиновники крикнули въ знакъ посвященнаго повиновенія и пошчасъ же разошлись по разнымъ частямъ города.

Между тѣмъ Госпожа Лиеу, которой также, вмѣстѣ со шарикомъ Лиу, приказано было явиться къ тому времени въ судилище, пошла въ шюрму и рассказала мужу все, что случилось. Тотъ восхищенъ былъ радостію: можно было подумать, что ему налили на голову самой лучшей цѣлительной бальзамъ, или что самой сладкой росой брызнули ему на сердце, и куда больнѣе его дѣвалась! . . . .

„Я сердитъ только на моего подлаго слугу,“ говоритъ онъ; „это настоящее чудовище! человекъ злое его не найдете! Но перевозчикъ и его черните душою. Можно ли до такой степени простираешь подлость! Не явись эшошь добрый шарикъ, я бы умеръ, и не подозревая, что умираю за подложное преступленіе. Да истина выйдетъ наружу.“

Г Л А В А II.

Госпожа Лиеу не замедлила предстать въ судилище вмѣстѣ съ шарикомъ Лиу, котораго передъ тѣмъ славно угостила въ сво-

емъ домъ. Привели шуда и перевозчика Чеу-се: онъ, позабывъ о своей лодкѣ, торговалъ ужь въ лавкѣ полотнами. Чиновники утѣрили его, что начальникъ ихъ хочеть купить у него большой запасъ полотна: шакъ онъ и пришелъ съ видомъ, какъ не лзя дозволить. Но правосудіе Неба гомово было обнаружилъся.

Въ то время, когда менше всего ожидалъ онъ шаго и поспашривалъ на обѣ шпорешъ шакими умильными глазами, вдругъ увидалъ онъ шарика Ліу. — Въ шумъ ми нушу онъ дѣйствія совѣши, котораго преодолѣшь онъ былъ не власненъ, — уши его налились кровью. Шарикъ Ліу сказалъ ему громкииъ голосомъ: „Что, господинъ перевозчикъ! хорошо ли поживаете съ шѣхъ поръ, какъ я продалъ вамъ кусокъ белой шафши и корзинку бамбуковую? Каково идетъ вашъ промыселъ?“

При шѣхъ вопросахъ Чеу-се потупила голову и не отвѣчалъ ни слова: лице его вдругъ измѣнилось и походило на кору засохшаго дерева. Въ то же время привезъ Гу. Эшошъ несчастный послѣ шого, какъ измѣнилъ господину и думалъ не возвращашься въ домъ Ванга, шилъ идѣ-ше на стороне шакъ, какъ будшо ужь не былъ болѣе слугою. Въ эшошъ самый день онъ пришелъ въ городъ, чшобъ новидашься съ своею роднею. Полицейскіе лишь его встрѣшили „мы ищемъ шебя,“ оказали ему „середя будшъ судшъ швоего господина; родственники убишаго насшашвають окорѣй

окончишь дѣло: и шакъ какъ ты обвини-
 шель, — только одного себя и ждущъ,
 чтобъ приговоришь ученаго къ казни —
 онъ ее и спойшъ за свое пресшупленіе!“
 Гу самъ себя не помнилъ ошъ радости, по-
 шель съ полицейскими въ судилище и спялъ
 на козвни у Мандаринова спула. Манда-
 ринъ, увидавши его, спросилъ: „Знаешь ли
 ты эшаго челоувка?“ и показаль ему паль-
 цомъ на шарика Ліу. Гу, посмошрѣвъ на
 него, пришелъ въ шакое удивленіе и шакъ
 смущилса, что не могъ и пикнушь.

Мандаринъ, видя замъшашельство и сму-
 щеніе сихъ двухъ бездѣльниковъ, позадумал-
 ся минушы на двѣ; пошомъ, размахивая
 рукою, обратился къ пресшупному Гу. „Раб-
 ская собака!“ сказалъ онъ, „что себя сдѣ-
 лаль господинъ швой, что погубишь его ты
 сговорилса съ эшимъ перевозчикомъ, и вы-
 думали оба шакую черную клевету?“ —

— Ничего нѣтъ справедливѣе — возразиль
 рабъ — господинъ мой убиль челоувка, я не
 взводиль на него напраслины. — „Какъ!“
 вскричалъ Мандаринъ: „онъ еще и заираеш-
 дя. Возмище эшаго бездѣльника! въ пынку
 его, пока не сознаешса въ пресшупленіи.“ —
 Подъ пышкою Гу кричалъ изъ всей силы:
 ахъ, милосшивѣйшій судья, если вы обви-
 няете меня въ шомъ, что я смерпельно
 ненавидѣль моего господина и донесъ на
 него: — сознаюсь, виновашъ въ эшомъ.
 Но, хошя убейше меня, я ни съ кѣмъ не
 замышляль никакой клеветы; право, гос-
 подинъ мой имѣль ссору съ Ліу, и шакъ

смѣльно приблѣ его, что шопъ упалъ въ обморокъ, а онъ привелъ его въ память, давши ему проглотить не знаю какого-то пищья; потомъ онъ угощалъ его ужиномъ и подарилъ кускомъ бѣлой шапки. Ліу пошелъ онъ насъ къ перевозу рѣки; въ шуже ночь, около вшораго бѣгнѣя, перевозчикъ привезъ въ лодкѣ къ самымъ ворошамъ нашимъ мершвое шѣло, и чшобъ увѣришь, что это было шѣло Ліу, онъ показывалъ и кусокъ шапки и корзину бамбуковую. Ни одинъ изъ слугъ не сомнѣвался. Деньгами и подарками господинъ мой зашинулъ ротъ перевозчику и онъ обѣщалъ скрывать убійство. Я самъ вмѣстѣ съ другими помогалъ ему закопать шѣло въ землю. А потомъ, какъ спалъ господинъ обходиться со мною сурово, я задумалъ, какъ бы опомснить ему, и донесъ на него вамъ. Что касаешься до шого убшшаго, — клянусь, мнѣ ни чего неизвѣстно; и еслибъ не увидашь мнѣ здѣсь шарика Ліу, не приходило бы мнѣ и въ голову, что на господина моего всклепали убійство. Но чей это былъ шрупъ и откуда его взяли, право я знашь не знаю, вѣдашь не вѣдаю. Развѣ перевозчикъ можетъ сказать это.“ —

Мандаринъ, выслушавъ все это признаніе, подозвалъ къ себѣ Чеу-се, чшобъ допытаться и его въ очередь. Эшопъ сначала всячески ухищрался скрывать свое преступленіе; но Ліу, который споялъ шупъ же, обнаруживалъ всѣ его увертки. Нако-

иоцъ Мандринъ подвергнулъ его пынкъ и скоро заснавилъ говоришь истину.

„Какъсь!“ произнесъ онъ „прошлаго года, шакого-шо мѣсяца, въ шакой-шо день, Ліу просилъ меня перевезши его черезъ рѣку, и былъ у него въ рукахъ кусокъ бѣлой шафшы. Я шакъ, не думавши, спросилъ, кто подарилъ ему это; онъ спалъ мнѣ рассказывашъ всю исторію, — между шѣмъ я завидѣлъ, что къ берегу печеніемъ воды прибило какое-шо мершвое шѣло, — и шущъ пришла мнѣ мысль, возьму, обману эшимъ шѣломъ Ванга. Вошъ я и купилъ кусокъ шафшы и бамбуковую корзину. Ліу вышелъ на приспанъ, я выпашилъ къ воды мершвое шѣло, положилъ его въ лодку и причалилъ къ дому Ванга. Онъ спросилу повѣрилъ, что я привезъ шрупъ Ліу, и далъ мнѣ довольне денегъ, чтообъ не разглашашъ объ эшомъ. Скоронилъ шрупъ помогалъ мнѣ его же слуги, — положившись на мое слово, что эшо шочно былъ шрупъ шарика Ліу. Все, что шенерь я сказалъ, эошъ сущая правда, и измучыше меня, какъ вамъ угодно, если шунъ окажешся хонъ сколько нибудь лжи.“

— Все эшо, — сказалъ Мандринъ, — согласуешся съ шѣмъ, что я уже знаю. Одно шолько невѣроятнѣ, и надъ чѣмъ я особенно зашрудняюсь: вонервыкъ, шочно ли. справедливо, что въ оное время находилосъ у берега мершвое шѣло? а пошомъ, — было ли сходство между Ліу и симъ шрупомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что шы самъ убилъ ко-

го нибудь и что намъревался приписать Вангу, еще убійство. —

„Ахъ, милоспивый судья!“ воскликнулъ Чеу-се, „если бы я имѣлъ намъреніе убить кого-нибудь, я бы убилъ скорѣе Ліу, чѣмъ поешороннаго. Увидѣвши шрупъ на водѣ, я думалъ, легко мнѣ будешь обманушь имя Ванга, — и это заставило меня купить и шафшу и корзину. Всего больше удостоверяло мнѣ въ удачу, что я зналъ Ванга за человека проснаго и легковѣрнаго, — зналъ, что видѣлъ онъ Ліу только разъ въ жизни, что все это случилось ночью, при лампадѣ; у меня былъ и кусокъ шафшы и бамбуковая корзина, кошорые пошчасъ могли припомнишь ему разнощика жибири. Вотъ это-то обнадежило меня, что и успѣю въ моей хипросни и Вангъ впадетъ въ мои сѣти; но клянусь, я не знаю, чье было то мертвое тѣло: можешь спашься, человекъ оспушился на берегу, упалъ въ воду и утопулъ: — на счетъ эшаго, я не могу сказать ничего рѣшительнаго.“

Тогда Ліу спалъ на колѣни и сказалъ: — Совершенная правда! Когда перевозилъ онъ меня черезъ рѣку, я также замѣнилъ, что у берега плавало мертвое тѣло. — Мандаринъ принялъ всѣ сіи показанія и въ порядкѣ положилъ ихъ на бумагу.

Чеу-се, заливаясь слезами, говорилъ въ это время: „Будше соспрадашельны къ несчастному, кошорый лежишь у ногъ вашихъ; я ничего другаго не имѣлъ въ виду, какъ только выманить денегъ у эшаго

ученаго, но я не хотѣлъ погубить его. Смягчице наказаніе, умоляю васъ! . . . .“

Мандаринъ возвысилъ голосъ: — Какъ, бездѣльникъ! ты смѣешь еще просить о пощадѣ! Не чрезъ швое ли корыслолюбіе ешопъ человекъ былъ уже на два пальца отъ погребели. Въ такихъ плутикахъ ты конечно не первоученикъ: нѣтъ сомнѣнія, что и многихъ другихъ ты сгубилъ подобными хитросощами. Надобно избавить мой городъ отъ едакой заразы. Что касается до ешаго изверга слуги, кошорой, забудь благодѣнія своего господина, вовлекъ его въ несчастіе, — онъ также заслуживаетъ строгаго наказанія. —

Мандаринъ шущъ же приказалъ исполнителямъ правосудія разложить обоихъ негодяевъ: Гу задашь сорокъ ударовъ палками, а Чеу-се бишь до смерти.

Никшо не зналъ, что Гу лишь шолько передъ ешимъ выдоровалъ и что онъ не былъ въ состояніи перенести такого наказанія; но справедливости Неба не угодно было щадить сего невѣрнаго слуги. Онъ умеръ на полу судилища прежде, чѣмъ онъ считали ему 40 ударовъ; Чеу-се пересналъ дышать послѣ семидесяти.

Послѣ сей казни Мандаринъ призвалъ изъ шюрьмы Ванга и въ полномъ собраніи объявилъ его невиннымъ и возвратилъ ему свободу. Пошомъ приказалъ онъ, чшобъ все положно, какое шолько найдется въ лавкѣ Чеу-се, шакъ какъ оно пріобрѣшено на деньги Ванга, — ему и было бы ошдано. Ка-

лишала сей лавки просширался до 100 шаельсовъ.

„По обряду судопроизводства,“ сказалъ Мандаринъ, „надлежало бы все это взять въ казну; но бѣдный Вангъ поспрадалъ много и я принимаю участіе въ его положеніи. Пусть все, что будешь найдено у похищителя, возвратиши тому, у кого похищено.“ Это была особая милость со стороны Мандарина.

По его также приказанію отырли мертвое тѣло, и чуть усмотрѣли, что у него осмался еще песокъ за ногтями обѣихъ рукъ: — это доказывало, что несчастный, упавши въ рѣку и утонуя, скандлся вскарапкаться на берегъ. Какъ не было извѣстно ни одного его родственника, — Мандаринъ приказалъ похоронить его на общесвѣнномъ кладбищѣ убогихъ.

Вангъ, его жена и шарикъ Ліу, поблагодаривъ Мандарина самымъ почтительнымъ образомъ, возвратились домой, гдѣ этою честнымъ шарикъ, которой такъ усердно шарался обнаружить клевету, былъ осмалъ отъ Ванга и жены его всеми ласками, всеми знаками дружбы, какіе только можешь излить самая искренняя признательность.

Съ того времени Вангъ научился умерить свою природную вспыльчивость и владея собою; встрѣчался ли ему бѣдный, который бы просилъ помощи или услуги, — онъ принималъ его съ видомъ ласковымъ и шарался сдѣлать ему добро. Наконецъ онъ

рѣшился совершенно посвятивъ себя наукамъ, чтобы скорѣе достигнуть ученыхъ степеней и заславшись позабылъ униженіе, въ коемъ онъ находился. Онъ безпрестанно занимался чтеніемъ и ни съ кѣмъ не сводилъ знакомства: такимъ образомъ онъ провелъ шесть лѣтъ, и былъ попомъ возведенъ въ званіе лѣкаря.

Ужъ какъ это справедливо говоришь, что судьи и блюстители правосудія не должны считать жизнь челоуѣка жизнью какого нибудь расченія, и что сами они преступники, если не захолятъ поломать головы надъ дѣломъ: вѣдь судное дѣло не то, что драка ребятишекъ за бирюльки. Спѣшить никакъ не должно. Вошь, на примѣръ, по дѣлу Ванга, прежде всего надлежало бы вывести наружу хитрости и шайныя сплени перевозчика. Не придя разнощикъ нибиря въ городъ Венчеу, поспѣшите исполнить приговоръ, не дождавшись его прихода — и слуга, кошорый донесъ на господина, не зналъ бы, что оклеветалъ его, — и жена не воображала бы, что мужъ ея не виноватъ въ убійствѣ, и самому обвиненному не пришло бы въ догадку, что шерпишь онъ наказаніе безвинно. А судья и подавно оспавался бы въ невѣдніи! Благіе блюстители правосудія! вы должны быть родительскимъ сердцемъ народа, — узнайте изъ сего разсказа, какъ надежишь вамъ весни себя!

одъ. —

О ТЮРЬМАХЪ ВЪ ЛОЗАНЬ И ЖЕНЕВЪ.

Что дѣлашь съ пресшупниками? — Покидая галеры, шопчасъ принимающся они за прежнее ремесло свое: Иные говорятъ: сошляйте ихъ куда нибудь; другіе швердятъ: исправьте ихъ, содѣлайте ихъ добрыми, ежели шолько эшо возможно. Не стану изыскивать здѣсь средствъ къ прекращенію зла, но представлю шолько нѣкоторыя замѣчанія мои о шюрьмахъ, находящихся теперь въ Лозань и Женевъ. Не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ существующъ заведенія сіи и уже безошибочно почти можно судить о дѣйствии, которое произведуть онѣ. Я разсматривалъ ихъ не какъ публицистъ или Юрисконсультъ, но просто какъ человекъ, желающій видѣть все новое. Не осудите, если не будете строгой системы въ разсказъ моемъ. Мнѣ желательна шолько съ точностію передать то, что слышалъ и видѣлъ. Тюрьма Лозанская спойтъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ виду ея Лозана, Женевское озеро, Альпы, однимъ словомъ, самыя очаровательныя мѣста Швейцаріи. Зданіе представляетъ видъ продолговатаго чешвероугольника и находится среди обширнаго двора. Внутри сего зданія сдѣлана большая лѣстница, которая раздѣляетъ его на два отдѣленія: одно назначено для пресшупниковъ, приговоренныхъ къ швѣскимъ и позорнымъ наказаніямъ (*Prisonniers de la force*); другое — для пресшуп-

никовъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ (Prisonniers de la correction). Первые изъ сихъ преступниковъ не имѣютъ никакого сообщенія съ послѣдними. Въ самой церкви даже совершенно отдѣлены одни отъ другихъ досчатой перегородкой. Во всякомъ изъ сихъ отдѣленій находились по двѣ мастерскія комнаты: одна для ткачей и сапожниковъ, другая для столяровъ. До селъ преступниковъ обучали однимъ только симъ ремесламъ; но теперь начинаютъ вводить еще шокарное и карешное.

Женщины же обыкновенно занимаются пряжею. Всѣ рабочія комнаты весьма обширны и числны. Онѣ освѣщаются сверху. Въ стѣнахъ же сдѣланы маленькія отверстія, чрезъ которыя Директоръ все можетъ видѣть, не бывъ примѣченъ. Лозанская тюрьма построена однакоже не по нанцинскому плану Г-на Беншамъ, отъ чего и присмотръ за преступниками не столь удобенъ. Г-нъ Беншамъ хочетъ, чтобъ зданіе было кругообразно, дабы смотритель, находящійся внутри онаго, все могъ видѣть и не былъ ни къ кому примѣченъ. Но въ Лозанѣ, такъ какъ и въ Англіи, при строеніи зданій не слѣдовали шаковому плану; въ Женевѣ же старались хотя нѣсколько приблизиться къ оному.

Въ каждой рабочей есть надзиратель, который смотритъ за порядкомъ. Преступники работаютъ въ тишинѣ и молчаніи; имъ строго воспрещено разговаривать между собою, даже за столомъ; въ часѣ

ощдохновенія шолько могутъ они сообщашься между собою. Нѣтъ ничего гибельнѣе для шаковыхъ людей, какъ возможность свободно разговаривашь: закоренѣлые пресшунники приобрьшашь чрезъ шо способы распрощраняшь на другихъ вредное влїаніе свое; но когда они ошдвлены один ошъ другихъ, тогда ешть надежда, что могутъ еще раскаяшья въ прежнихъ пошункахъ своихъ и исправшьяся.

Ежели бы строго слѣдовашь исправительной системѣ (*système pénitentiaire*), шо должно бы всякаго пресшунника, по мѣрѣ его исправленія, переводилъ въ другое ошдвленіе, гдѣ уже, находясь съ людьми менѣе порочными, онъ могъ бы совершенно раскаяшьяся. Но въ Лозанѣ совсѣмъ иначе. Взрошшно надѣялись шамъ, и надежда сія похвальна, что примѣръ добра шакже можетъ имѣшть на другихъ свое влїаніе. Пресшунникъ, кошорый исправляешья, можетъ и другихъ еще возвращашь на путь истинный; переведите же его въ другое ошдвленіе, — вы спасете шолько одного, но за шо сколько другихъ ошпанушья при прежнемъ своемъ заблужденіи. И къ шому же, что дѣлаетъ съ одними бездѣльниками? Какъ управляшья шаковыми людьми? Ошавъте же шамъ нѣсколько раскаявшихъся, вы увидите, что и другіе послѣдуютъ ихъ примѣру, и такимъ образомъ шнщина водворилъ въ жилищѣ буйшья. Къ чему ошашь посредшвомъ искусства спарашья достигашь исправленія пресшунниковъ: по освобожденіи своемъ

они принуждены же будущъ жить среди людей порочныхъ, ибо посрамленіе, которому подвержены были, заславшись ихъ всегда удаляясь отъ честныхъ гражданъ и изыскивая общества злыхъ: шамъ могутъ они сокрыть стыдъ свой. И шакъ надобно стараться, чтобъ преступники приучались въ самой еще пюррьмъ ослабавшись добрыми среди злыхъ, дабы по выходѣ изъ оной дурные примѣры не могли совращать ихъ съ истиннаго пути.

Мы выше сказали, что невольниковъ должно принуждать къ работѣ. Но не въ этомъ еще соспоишь все искусство: надобно поселить въ нихъ охоту къ оной. Достигнуть до сего не иначе можно, какъ савдующимъ способомъ: все, что ни вырабатываютъ они, должно имъ принадлежать, исключая развѣ весьма незначительную часть. Въ Женевѣ содержащіяся получаютъ только половину вырабатываемыхъ ими денегъ; другая же половина идетъ на содержаніе заведеній. — Но въ Лозанѣ осужденные знаютъ, что они работаютъ только для себя, и это побуждаетъ ихъ къ необыкновенной дѣятельности: все, что ни вырабатываютъ они, записывается въ книгу, которая у нихъ находится, и всякой ведетъ свой особой счетъ. Деньги сохраняются въ общей кассѣ до времени ихъ освобожденія, а шумъ уже со всякимъ растышывающа. Есть еще другія средства для внушенія имъ любви къ порядку и экономіи. Всякому изъ нихъ идетъ по полшора фунта

хлѣба въ день; и шакъ какъ многіе не съ-
дають своей часли, шо сберегають оную
и попомъ продають. Но это еще не все:
каждый изъ нихъ имѣеть на дворѣ малень-
кой учасокъ земли, кошорымъ распоряжаетъ
по своему произволу; помъ, кто сажаетъ
въ ономъ овощи, можешь со временемъ про-
дашь ихъ, что шакже составишь не малый
доходъ. Вообще все записывается въ книгу
и сберегается: отсюда происходятъ беско-
нечныя счефы; но чрезъ сіе заключенные
привыкають къ порядку, къ экономіи и къ
умѣренности.

Ежели бы сличишь, чего стоишь содер-
жаніе преступника, сосланнаго на галеру
и заключеннаго въ шюрмъ, тогда увидѣ-
ли бы, что сумма денегъ, истраченная на
перваго, гораздо значительнѣе, и надобно
прибавишь еще, что послѣдній гораздо ско-
рѣ можешь возвратишься на путь истин-
ный, нежели какой нибудь каторжный.

На галерахъ одинъ спрахъ содержишь
въ повиновеніи преступниковъ, а здѣсь на-
дежда. Пущь философы скажутъ, какое изъ
сихъ двухъ ощущеній болѣе дѣйствуетъ на
сердце человеческое! Въ Лозанъ особенная
Коммисія завѣдываетъ исправившимися пре-
ступниками: ежели какой-нибудь заклю-
ченный ведетъ себя оплично хорошо, шо
Коммисія сія можешь сократишь время его
содержанія. Поступки каждаго записыва-
ются въ книгу, нарочно для сего назначен-
ную: нецовиновеніе, ропомъ, нерадѣніе —
все вносятся шуда.

Ч. I. No III и IV.

18

Такимъ образомъ преступники знаютъ, что безпрестанно присматривающъ за ихъ поведеніемъ, — и это не мало побуждаетъ ихъ къ исправленію.

Пищу же дающъ имъ сытную и здоровую: ежедневно найдете вы у нихъ три блюда, изъ разныхъ овощей изгешовленные, супъ и мясо, которое дается два раза въ недѣлю преступникамъ, подверженнымъ исправительному наказанію (*prisonniers de la correction*), и одинъ разъ только въ недѣлю штъ, которые приговорены къ поноснымъ наказаніямъ (*prisonniers de la force*). Таковой родъ жизни, чистота и свѣжій воздухъ поддерживающъ ихъ здоровье и доставляющъ имъ душевное спокойствіе. И вошь почему въ шюрмъ не видашь ни скудости, ни унынія; а всюду напрошивъ шого примѣшно какое-шо спокойствіе и довольствіе. Но нѣкоторымъ не нравился шакое содержаніе заключенныхъ: это слишкомъ хорошо для нихъ, говорящъ они. Я даже слышалъ, что одинъ Лозанскій бѣдный мѣщанинъ, сидя за столомъ, сказалъ съ негодованіемъ: „Нынѣ бездѣльники лучше ѣдять, нежели честные люди.“

Все это шакъ; — но Лозанскій мѣщанинъ забылъ, что къ кушаньямъ преступниковъ недоставало одной приправы — свободы.

Возразить можете бышь: что значить потеря свободы для шакowychъ людей? На свободѣ они часто погибающъ съ голоду; негдѣ пригрѣшья, негдѣ приютишья имъ;

въ неволѣ же они сышы, обушы и одѣшы. Чшо же перяюшь они, находясь въ шюрьмѣ? — Все шакъ; но кому же мила шюрьма!

Сколько ешь нищихъ, кошорые, не сморя ни на вьюгу, ни на холодъ, лучше желяюшь всюду скишашься, нежели жишь въ богадѣльняхъ!

Опашь — уже ли кому-либо пріятнымъ покажешся жишь въ шюрьмѣ и рабошашь шамъ съ ушра до ночи, не смѣя ни съ кѣмъ промолвишь слова? Чшо можешь бышь несносите сего положенія, особливо для людей, привыкшихъ къ буйной и бездѣйственной жизни? Одинъ заключенный сказалъ: „Во многихъ бывалъ я шюрьмахъ, но ни въ одной не бывало шаккой скуки, какъ здѣсь. Не приведи Богъ попасть опашь сюда!“ Когда шюрьма несносна заключенному, когда спрашишся онъ въ другой разъ войши въ нее, по она соопвѣтствувешь своему предназначенію; ибо при заведеніи шюрьмы всегда надобно имѣшь въ виду Беншамово правило *устрашенія* (le principe d'intimidation). Всякое наказаніе должно успрашашь, но лучшее ешь безъ сомнѣнія шо, кошорое успрашашь пресшупника, не унижая его. И въ опомъ-шо состоишь главное достоинство шюремныхъ замковъ, гдѣ чрезъ започеніе и чрезъ безмолвную работу достигаютъ желяемого дѣйствія. Къ симъ исправительнымъ средшвамъ присоединишь должно благочестивыя наставленія, порядка и экономію, чисшошу строго наблюдаемую, уединенныя келья, воздержаніе, кошорое ии-

когда не остаешься безъ награжденія, однимъ словомъ все, что только можешь способствовать къ обращенію виновныхъ на путь истинный. Есть люди, которые считаютъ излишними всѣ шаковыя распоряженія: къ чему, говорятъ они, столько пещись о бездѣльникахъ? Дабы уменьшилъ число ихъ. Можно ли достигнуть сего? Можно ли исправить ихъ? Но это суть ничто иное какъ пустыя восклицанія. Положимъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ неисправимы; но большая часть оныхъ можешь всегда придти въ раскаяніе и содѣлаться еще честными людьми. Сколько изъ нихъ есть такихъ, которые учинили преступленіе единственно отъ бѣдности или увлеченные первыми порывами раздраженнаго сердца! Для чего же не содѣйствовать къ ихъ раскаянію и исправленію? Въ прежнихъ шюрмахъ всѣ преступники смѣшаны были безъ всякаго разбора. Съ утра до ночи находились они въ праздности, занимались одними беззаконіями, научались другъ отъ друга всему вредному, всѣмъ порокамъ и безпутствамъ; закоренные злодѣи развращали неопытныхъ еще преступниковъ. Однимъ словомъ, это было жилище разврата и всѣхъ мерзостей. Въ нынѣшнихъ же шюрмахъ невольники безпрестанно заняты, всегда подъ надзоромъ, во время ночи въ уединеніи. Ежели въ душѣ ихъ остается хотя одно сѣмя добродѣтели, то оно не пороснетъ терніемъ и гласъ совѣсти еще пробудится въ нихъ. По крайней мѣрѣ ни-

кто не развращился шушь, — и отаро уже доволно. —

Недавно въ Невшательскомъ кантонѣ случилось происшествіе, о которомъ ксшаши упомянушь здѣсь. Одинъ крестьянинъ укралъ лошадь. Родственники его узнали о семъ, и видя, что безчестіе падешъ на цѣлую фамилію, ежели опкроюшь сіе дѣло, рѣшились сами наказашъ виновнаго: спарѣиціе въ семействѣ собрались и приговорили преступника къ лишенію жизни; приговоръ сей и былъ приведенъ въ исполненіе. Но вскорѣ узнали о семъ происшествіи и довели да свѣдѣнія начальства. Несчастные, приговорившіе къ смерти преступнаго родственника ихъ, сосланы были за шаковое самоуправство въ крѣпостныя работы. Вопъ люди, копорые виновны предъ лицомъ закона и достойны наказанія. Но что во-звлекло ихъ въ подобное беззаконіе? — Опасеніе подвергнушь посрамленію все свое семейство: жалкій предрасудокъ былъ единственною причиною ужаснаго ихъ предпріятія. Заключите же щеперь преступниковъ сихъ въ какой нибудь острогъ, сошлише на галеру! Конечно въ скоромъ времени найдете вы въ нихъ совершенную перемѣну: они покинушь прежніе предрасудки, не будущъ сполько дорожить своею честию. — Я привелъ здѣсь одинъ примѣръ; но сколько ешь подобныхъ сему приключеній! Для шаковыхъ — шо несчастныхъ преступниковъ въ особенноти назначены шюремныя замки; шушь могутъ они раскаться въ по-

спупкахъ своихъ и исправитесь. Но за чѣмъ
всѣхъ почиташъ злодѣями. Пуспъ осшануш-
ся злодѣями шолько шѣ, кошорые опъ при-
роды созданы шакowymi ! Мы удивимся ихъ
малому количеству.

Теперь обратимся къ шюррьмъ, въ Же-
невѣ находящейся. Тюрьма сія снаружи не
походитъ на Лозанскую : она не имѣетъ
споль привлекательнаго вида ; но чрезъ шо
болѣе соотвѣтствуетъ предназначенію сво-
ему. Невольники, заключенные въ оную,
не имѣютъ шѣхъ выгоды, кошорыми поль-
зуются въ Лозанской. вмѣсто одного фун-
та съ половиною хлѣба, всякому идетъ
шолько по двадцати одной унціи. И шакъ
опъ хлѣба они уже не получаютъ никакой
выгоды. Не имѣютъ шакже никакихъ са-
довъ и посему овощей продаватъ не могутъ.
Даже изъ выработываемыхъ ими денегъ
идетъ имъ шолько половина, кошора еще
дѣлится на двѣ части : одна прямо посту-
паетъ въ ихъ распоряженіе и составляетъ
не болѣе двухъ копѣекъ (sous) на день ; дру-
гая же сберегается и возрастаетъ ежегодно
до двухъ лудоровъ, вручается же имъ при
выходѣ изъ шюррьмы. Въ Женевѣ впрочемъ
во всемъ наблюдается почти шопъ же по-
рядокъ, какъ и въ Лозанѣ, и преступни-
камъ шакже предписывается молчаніе. Са-
мыя наказанія совершенно сходны : непо-
винующихся сажаютъ на хлѣбъ и на воду
и запираютъ иногда въ мрачныя кельи ;
буншующихъ же даже сажаютъ въ желѣза.
Но на хлѣбъ и на воду ихъ продерживаютъ

не болѣе трехъ дней сряду; въ четвертый даютъ имъ шу же пищу какъ и всѣмъ прочимъ заключеннымъ; въ пятой же день — опять хлѣбъ и воду. Такимъ образомъ провинившіеся имѣють всегда чрезъ три дни въ четвертый маленькій отдыхъ, ибо въ самыхъ даже наказаніяхъ пекутся о ихъ здоровьи. Въ мрачныхъ кельяхъ они также не могутъ оспаваться долѣ шести дней сряду; въ седьмой же ихъ всегда выпускають.

И такъ между Женевскою и Лозанскою пюрьюмою существуетъ большое сходство; но есть однако между ними нѣкоторое и различіе. Въ Лозанѣ, какъ кажется, смилкомъ увлекаются духомъ филантропіи. Надобно, чтобъ пюремное заоченіе вѣнялось преслушнику въ наказаніе, но чтобъ ни мало не служило ему убѣжищемъ отъ нищеты и голода. Предоставлять преслушнику все выработанное имъ, не значить ли со всѣхъ сторонъ почти обезпечить его? Но нѣсколько есть ремесленниковъ и масперовыхъ, кошорые лишены всѣхъ удобствъ сихъ, кошорые не имѣють ни приспанища, ни покрова, и съ трудомъ даже могутъ прокормить себя. Кто знаетъ, можетъ быть несчастные сіи лучше согласятся быть въ заоченіи, нежели на волѣ вести жизнь, преисполненную заботою и горестей! Можетъ быть даже покусятся на какое нибудь беззаконіе и пожертвуютъ честью своею, дабы тѣмъ проложитъ себѣ путь въ жилище беззаботныхъ невольни-

ковъ. Таковыя - то покушенія должно стараться всячески предупреждать. Пусть видитъ народъ, что всякой честный гражданинъ, живущій на свободѣ, гораздо болѣе пріобрѣтаетъ трудами своими, нежели какой нибудь заключенный, и что шюремное заоченіе не есть ремесло, но истинное наказаніе. Бѣда, ежели на преступниковъ будутъ смотрѣть, какъ на ремесленниковъ: тогда люди, занимающіеся какими-либо мастерствами, почтутъ себя униженными, а осужденные вовсе почти ненаказанными.

По всемъ симъ причинамъ гораздо благо-разумнѣе предославлять колодникамъ половину только выработываемыхъ ими денегъ. Въ Англіи сначала во всехъ шорьмахъ платили колодникамъ за труды ихъ; но скоро почувствовали всю неосновательность такого снисхожденія: шюрмы превратились нѣкошорымъ образомъ въ фабрики; колодники, занимавшіеся шканьемъ или другимъ какимъ-либо рукодѣліемъ, и получавшіе хорошую за то плату, были уже похожи болѣе на ремесленниковъ, нежели на преступниковъ. Хотѣли поправить это, и впали въ другую крайность: за чѣмъ, думали, плашутъ колодникамъ за труды ихъ; не лучше ли выдумать такое занятіе, которое не приносило бы имъ ни малѣйшей выгоды? Преступникъ почувствуетъ тогда всю точность наказанія и все униженіе свое; ибо что можешь быть несноснѣе, какъ трудиться и работать безъ всякаго вознагражденія?

Всѣ таковыя сужденія были; причиною новыхъ распоряженій: премія работы были оштрафованы и выдумали для колодниковъ исправительную мѣльницу (*moulin de discipline, the tread-mill*). Сей родъ наказанія имѣлъ большое достоинство въ глазахъ шюрениковъ и спражей: для сего не требуется никакого искусства, никакого предварительнаго ученія, къ тому же шумъ никто уже не можетъ оглулять отъ работы ни хитростью, ни злостью; не нужно никакого почини присмотра: все идетъ своимъ порядкомъ; человекъ дѣлается шумъ совершенною машиною, и только двигаетъ ногами своими; однимъ словомъ, всею шурьюю можно управлять безъ малѣйшаго затрудненія. — Но теперь слѣдуетъ вопросъ: таковая мѣльница, *tread-mill*, устрашаетъ ли злоумышленниковъ? Сперва она производила нѣкоторое дѣйствіе, и преступленія по видимому уменьшались. Но впрочемъ это обыкновенный ходъ всякаго вновь изобрѣннаго наказанія: сначала оно приводитъ въ шепеть всѣхъ бездѣльниковъ, а потомъ привыкаютъ, и впечатлѣніе, произведенное онымъ, мало помалу исчезаетъ. Въ Лондонѣ есть молодцы, которые уже раза при бывали въ шурью, не смотря на *tread-mill*. — И такъ наказаніе сіе ни сколько не служитъ къ уменьшенію преступленій и къ водворенію нравственности. Къ тому же, оно вовсе не такъ мучительно, какъ нѣкоторые воображаютъ себя: въ два или въ три дня невольникъ приобретаетъ тако

презвращено въ движении, чѣмъ работа сія производится машинально, безъ всякаго вниманія и усилія. Но кромѣ того, чѣмъ мельница сія ни мало не устрашаетъ злоумышленниковъ, она имѣетъ еще самыя пагубныя послѣдствія: невольники, производиміе въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ работу сію, при выходѣ изъ шюръмы не имѣютъ никакого занятія и лишены всѣхъ почини средствъ къ пропитанію. Если бы во время пребыванія ихъ въ шюръмѣ они занимались шканъемъ или другимъ какимъ-либо ремесломъ, то въ послѣдствіи времени безъ всякаго затрудненія могли бы прокормить себя; но *tread-mill* не приносить имъ ни малѣйшей пользы и ничему не научаетъ. И можно ли ожидать послѣ сего, чѣмъ вышедшіе изъ шюръмы содѣлались честными людьми? Не могли жить трудами своими, они по неволѣ принуждены будутъ прибѣгнуть къ прежнимъ своимъ мошенничествамъ.

Гдѣ же шутъ предупрежденіе преступленій? — Надобно еще замѣтить, чѣмъ въ Англіи сему наказанію подвергаются не только преступники, которые заключаются въ шюръму на два или много уже на три года, ибо преступленія болѣе важныя наказываются смертію или осылкою. По нашимъ же уголовнымъ законамъ, какъ известно, къ крѣпостнымъ работамъ и къ шюръменному заочечію можно приговорить на десять лѣтъ, на двадцать, на тридцать и даже на цѣлую жизнь. Возможно ли же те-

перъ заснавши какого илбудь несчастнаго придцанъ лзнь веритца колесо? Вичное мученіе сіе могло бы привести человека въ опчаініе и даіе въ ожесточеніе. Tread-mill на цѣлую жизнь!

Въ Женевѣ пресшупниковъ учашъ чишашъ, писашъ и Арменешикъ; — и не лзя не одобришь сего, ибо образованіе, какое бы оно ни было, всегда служишь къ улучшенію человека: виѣшь съ просвѣщеніемъ разума и душа спановинися чище, непорочнѣе. Уроки, которые сначала камушся илзъ несносными, превращающош послѣ въ забаву. Въ неволѣ эиѣ служишь развлеченіемъ; къ шому же всякое приобрѣшеніе въ семъ рѣдѣ облагороживаешъ человека и возвышаешъ его въ собшвенныхъ глазахъ его: оно илзъ которымъ образомъ заглаживаешъ даіе самый просшупокъ его, и когда невольникъ уже на свободу находишся, шо воспоминаіе о прежнемъ зашеченіи ему не шоль шлгосшно, не шоль понѣсишельно; онъ съ пріяіношшію воспоминаешъ, что приобрѣташамъ новыя познанія.

Уроки сіи, которые даюшся невольникамъ всякаго возраста, шпарымъ и малымъ, кромѣ шого, что приносяшь большую пользу, имѣюшъ еще другія послѣдствія: они служатъ любопытнымъ испытаніемъ для исторіи ума человеческого. Доселѣ сомнѣвались еще, чтообъ возмущаемые люди могли чему-либо выучишся; находили шшомъ примѣровъ, которые подтверждали, что послѣ извѣстнаго возраста человекъ уже не:

способенъ ни въ какому обученію. Не смотря на сіе, однако сдѣлали опытъ. Въ Поршмушъ въ одной шюрмъ завели школу для содержащихся въ оной, и изъ 450 заключенныхъ 200 выучились читать и писать правильно, въ восемь или въ десять мѣсяцовъ. Въ нашихъ полкахъ есть солдаты, которые уже въ извѣстномъ возрастѣ выучиваются, однако читать безъ большихъ затрудненій. Я слышалъ даже ошъ одного Полковника, что у него былъ старый служивый, который находился во всѣхъ кампаніяхъ съ начала революціи до низверженія Наполеона. Ветеранъ сей не умѣлъ ни читать, ни писать; но въ нѣсколько мѣсяцовъ совершенно обучился грамотѣ, и тогда онъ сожалѣлъ только объ одномъ: что столько долгое время лишенъ былъ возможности читать самъ записки великой арміи (*les bulletins de la grande armée*).

Наконецъ въ сей шюрмъ оспраняется все, что можешь подвергнуть заключеннаго искущенію и соблазнамъ съ души истиннаго: каршочныя и азартныя игры строго воспрещены, никогда не дають имъ крѣпкихъ напитковъ, развѣ только въ необыкновенныхъ случаяхъ, по приказанію доктора; всякой заемъ денегъ между невольниками также запрещенъ. Всѣ сіи неушомимыя попеченія начинающъ уже увѣнчаваться полнымъ успѣхомъ: я читалъ въ одномъ рапортѣ, что въ Ноябрь мѣсяцъ прошлаго 1826 года въ шюрмъ было сорокъ пять преступниковъ; изъ сего числа де-

снать добрымъ своимъ поведеніемъ и раскаяніемъ удостоились быть переведены въ особенное отдѣленіе (quartier d'exception).

Любопытно было бы также обозначить, сколько въ Женевской шюрмѣ ежегодно бываетъ преступниковъ, впрочемъ попадающихъ шуда за какіе-либо новыя проступки (récidives). Тогда можно бы показать различіе между шеперешними шюрмами и прежними. Къ сожалѣнію, не лзя представить здѣсь сихъ выводовъ, ибо новыя шюрмы недавно еще построены. Но дабы совершенно убѣдился въ превосходствѣ оныхъ, стоить только обратиться къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ Филадельфіи, при прежней системѣ, въ продолженіе какихъ-нибудь шести мѣсяцовъ, болѣе трехъ четвертей освобожденныхъ преступниковъ снова попадались въ руки правосудія и возвращались въ прежнее ихъ мѣспребываніе; шеперь же изоста человекъ попадаетъ не болѣе пяти. Въ Нью-Йоркѣ въ продолженіе пяти лѣтъ изъ 349 освобожденныхъ преступниковъ 29 только вновь провинились, и изъ сихъ 29-ти было 16 иностранцевъ. Въ Женевѣ также большая часть преступниковъ состоитъ изъ иностранцевъ: главная причина шому — сосѣдство Савойи.

Въ сихъ шюрмахъ неслыханное дѣло; штобъ осужденный предался когда-нибудь опчаянію; все, напрошивъ шого, содѣйствуетъ къ ободренію его: мысль объ освобожденіи, которая никогда не покидаетъ его; ремесло, кошорому научаешь, деньги, ко-

жорья накааиваетъ, надежда посредством раскаянiя и добраго поведенiя сокращаетъ время содержанiя своего, — все, однимъ словомъ, поддерживаешь и успокоиваешь его. Въ Лозанъ особенная Коммисiя имѣетъ право сокращать время зашоченiя преступниковъ, но только не можешь сбавлять болѣе одного мѣсяца съ каждаго года. Пятому преступнику, осужденные на 10 лѣтъ въ шюремное зашоченiе, при всемъ ихъ раскаянiи и исправленiи, только десятиью мѣсяцами скорѣе выдуть изъ неволи. Въ Женевѣ же такъ называемая *Исковая Коммисiя* (Commission de recours) есть настоящее судилище, облеченное обширною властью. Осужденные на годъ и болѣе имѣють право, по исшеченiи восьми мѣсяцевъ, подавать въ Исковую Коммиссiю прошенiе объ освобожденiи своемъ.

Тогда Коммисiя, которая въ саомъ шюрэмѣ имѣетъ засѣданiе свое, разсматриваетъ прошенiе, дѣлаешь справки о поведенiи содержащагося, смотришь въ книгу, гдѣ записаны преступки и заслуги каждаго, имслушиваешь мнѣнiя всѣхъ смотришелей и надзирашелей, и потомъ уже произносишь рѣшишельный свой приговоръ: преступникъ или немедленно освобождается, или остаешся въ шюрэмѣ.

Приговоръ сей, чинается потомъ въ всѣхъ отдѣленiяхъ шюремнаго замка: — онъ напоминаетъ всякому, чего надѣяться можно и чего спрашиваться. У насъ осужденные всю надежду свою полагають на помилова-

ніе: они во всякое время могутъ прибѣ-
 гать къ Монаршему милосердію. Но что же
 происходитъ отъ сего? Вся надежды умо-
 ляющаго о пощаде неосновательны, неутр-
 ны; онъ безпрестанно находишься въ ожи-
 даніи и въ неизвѣстности, просящъ ли
 его, отвергнувъ ли моленія его. Мысли сіи не
 даютъ ему ни малѣйшаго ошдохновенія. Еже-
 ли бы имѣлъ я ходатаевъ и покровителей,
 думаешь онъ. Но какъ пріобрѣсть ихъ? ка-
 кими средствами? Все безпокоитъ его. Ему
 уже нѣкогда пристрастно занимаешься рабе-
 шою. Онъ будешь повинувашься, будешь
 покорень, зная, что буйства могутъ слу-
 жишь препящствіемъ къ помилованію его;
 но уже не будешь въ немъ сего шерпвія,
 сего внушрешняго спокойствія, безъ коихъ
 никогда ничему не научишься, никогда не ис-
 правишься; онъ будешь находишься въ шемъ же
 положеніи, въ какомъ игрокъ, кошррый все
 ошждаетъ отъ одной каршы: — панъ или
 пропаль. Но въ Женевѣ совсѣмъ другое.
 Ошуденный знаетъ, чего ошждать можно:
 ему споитъ шолько весши себя хорошо и
 онъ не ошпанетъ безъ вознагражденія.
 Нѣтъ для него неизвѣстности; онъ во всемъ
 уврень, и уврренность сія побуждаетъ его
 съ большею шщательностію занимаешься
 штъмъ, что ему предписано. Все, что со-
 дѣлываетъ наказаніе непосшолнимъ, измѣ-
 няемымъ — гибельно; наказаніе, кошрое
 ничего не имѣетъ полежительнаго, кошрое
 звергаетъ прешупника въ неизвѣстность,
 не сошвѣстствуешь своей шдл: оно вре-

дѣлѣ прѣстѹпнику, вреднѣе самому закону, котораго чрезъ то перелѣтъ всю непоколебимостѣ, всю оязностѣ свою. — Но вотъ еще другая невыгода нашихъ помилованій: ничего нѣтъ шумѣ публичнаго, ничего порожественнаго, все производится въ кабинетахъ. Отъ того-то и происходитъ ропотъ всѣхъ стѣхъ, которые не удостоились прощенія. Если кто нибудь помилованъ, то говорятъ: это по чѣму нибудь ходатайству и заслуженію. Когда же особенное судилище завѣдываетъ симъ, тогда нѣтъ никакихъ подозрѣній, никакихъ толковъ. Я вовсе не утверждаю симъ, чтобы право милованія прошивно было общественному благоденствію; я совершенно убѣжденъ въ томъ, что оно есть лучшее достояніе верховной власти; хочу только сказать, что гораздо было бы благоразумнѣе дозволять прѣстѹпникамъ прибѣгать къ милосердію Монарха и умолять его о пощады своей только въ продолженіе одного мѣсяца, начиная съ произнесенія надъ ними приговора. По истеченіи же сего срока не было бы для нихъ неизвѣстности, не о чемъ бы беспокоиться имъ; они знали бы участь свою. Для прѣстѹпниковъ же раскаявшихся пусть будетъ особенная Коммисія, которая воздастъ всякому по дѣламъ его. Безъ сего возданія щещно будутъ ожидать отъ прѣстѹпниковъ исправленія и раскаянія: вся исправительная система тогда и во что.

Сокращенный перевод Все вышесказанное. Истинный характер системы исправительной — есть наказание вместе съ исправлением: работа, молчаніе, воздержаніе, запрещеніе карточныхъ и азартныхъ игръ — суть лишенія, которыя наказываютъ преступника и вместе служатъ къ его исправленію. Все должно бытъ направлено къ достиженію сей двойной цѣли

(Изъ J. d. d.) Л.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ Г. ГУЛЯНОВА.

Недавно чрезъ здѣшнюю типографію провѣлъ на свѣтъ Оріенталистъ, нашъ соотечественникъ, Г. Гуляновъ, котораго труды и успѣхи въ наукѣ древнейшей и Филологіи, по всей справедливости, заслуживаютъ наше вниманіе и уваженіе. О достоинствахъ его отличнаго ученаго Археолога было упомянуто въ одномъ изъ Русскихъ Журналовъ, по поводу разбора его *Археологическихъ Опытовъ*. Мы, съ своей стороны, пользуясь даннымъ намъ правомъ, можемъ сообщить здѣсь читателямъ нашимъ нѣкоторыя замѣчанія и извѣстія о Г. Гуляновѣ. — Соперникъ знаменитаго Шамполіона, котораго дѣянія были до сихъ поръ общепринятыми большею частію Европы, началъ заниматься въ изученіи свойства и состава языковъ Каролингскихъ и Восточныхъ въ разныя времена бытности его при миссіяхъ въ Цареградъ и Сицилію, Малыю, Италію и другихъ земляхъ иностранныхъ. Но постояннымъ занятіямъ своимъ онъ предавался въ концѣ 1821 года, когда, назначенный состоять при Россійской миссіи въ Гатъ, отправленъ былъ въ Парижъ,

Ч. I. No III и IV.

19

съ дозволеніемъ занимался жанъ своимъ изслѣдованіемъ, коихорыхъ плоды предсцавилъ онъ въ Россійскую Академію, по возвращеніи своемъ въ Ошечесиво.

Многословныя сочиненія Г. Гульянова должи со-
ставляли полный кругъ преподаванія филологическыхъ
и философическихъ предметовъ, принадлежащихъ раз-
личнымъ способностямъ челока.

Въ 1824 году онъ уведомилъ ученый свѣтъ об-
щности предначертаніемъ о нѣсколькихъ предметахъ, немъ
заглавіемъ: *Etude de l'homme dans la manifestation des
ses facultés*; а какъ сочиненія Гульянова по сущности
своей подлежали не частному разсмотрѣнію одной Рос-
сійской Академіи, но совокупному сужденію всѣхъ Ака-
демій и ученыхъ обществъ Европы: то Россійская Ака-
демія и признала за необходимое издавать его сочи-
ненія на Французскомъ языкѣ, какъ общепотребитель-
нымъ. Она поручила ему перевести на Французскій
языкъ чистанную имъ при всцудленіи рѣчь, о образо-
ваніи и разумѣ языка, коцуюю преврводила въ
Парижской Академіи, а сіа ошозвалась о немъ въ слѣ-
дующихъ выраженіяхъ: „*Le courage d'exécuter le plan
indiqué annonce au litterateur aussi habile que versé dans
la haute science grammaticale.*“

Сочиненія Г. Гульянова по части Археологиче-
скихъ изслѣдованій и Филологіи весьма разнообразны и
многочисленны. Въ надеждѣ, что читателямъ будетъ
всегда врилично слышать и знать объ учености Евро-
пейской ихъ сошечественика, имъ постараемся при-
вести здѣсь его сочиненія, коцорыя Г. Гульяновъ,
по природной ему скромности, предлагаетъ въ видѣ
опытовъ.

1. Coup d'oeil sur les alphabets anciens et sur les élé-
mens primitifs.

2. Résumé des loix organiques du langage.

3. Essai sur la formation du langage considéré dans son principe physiologique.

4. Achéographie Universelle.

5. Essai sur l'esprit de langues et la filiation des idées.

6. Grammaire générale.

7. Grammaire générale appliquée à la langue Slavo-Russe.

8. Essai sur la langue et l'écriture Egyptiennes.

9. Essai sur les hieroglyphes d'Horapollon.

10. Analyse des révélations Hieroglyphiques.

11. Mélanges Archéologiques.

12. Essai sur la langue et l'écriture Chinoises.

13. Essai sur les divers genres d'écritures considérés dans leurs rapports avec les langues qu'ils représentent.

14. Alphabet universel.

15. Essai sur l'esprit de connaissances humaines.

16. Etude de l'homme dans la manifestation de ses facultés.

17. Essai sur les origines des dialectes Slavo-Russes.

Вотъ сочиненія Г. Гульянова, раскрывающія и объясняющія различныя истины и положенія въ области древности Востока и Филологин. — Всѣ сии извѣстия далимъ нами изъ Высочайше разсмотрѣнной программы порученій, возлагаемыхъ на Г. Гульянова по случаю отъѣзда его въ Дрезденъ, гдѣ онъ намѣренъ основать главное свое пребываніе. — Вотъ Русскій, которымъ сіяло можемъ мы гордиться предъ ученою Европою.

РУССКОЙ АНЕКДОТЪ.

Русскимъ приятно слышать все хорошее о своихъ соотечественникахъ, и дарно читаютъ и даже узнаютъ не безъ удовольствія о честволюбивомъ поступкѣ Русскаго гренадера Васильева.

Сводной дивизіи 5 го пѣхотнаго корпуса, Владимирскаго пѣхотнаго полка (1) рядовой Алексѣй Васильевъ, будучи въ Шшабъ - квартирѣ, Рязанской Губерніи въ городѣ Егорьевскѣ, и находясь на рѣкѣ для бѣленія парусины, увидѣлъ однажды поутру, что два крестьянина бросаются въ воду, желая спасти шракъ ушопашащихъ немцевъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ уже погнулъ. Васильевъ, видя, что не кому помочь, поспѣшь снимаетъ съ себя шинель, бросается въ воду и, съ помощію поданной ему съ берега веревки, вытаскиваетъ со дна ушопашага, которому, при стараніи собравшагося къ рѣкѣ народа, возвращена была жизнь.

О такой примѣрной неустрашимости и рѣшительной готовности спасти жизнь ближняго, подер-

(1) Полкъ сей (котораго командиромъ полковникъ Г. Монавскій), командиромъ роты, получилъ намяти свое по именію Воинъ Матери Владимирскій, находящійся въ составѣ сего полка. На сей именіи записана слѣдующая надпись: *Ата АѴѴ 10 Февраля въ Делю*

встрѣтилъ сѣмъ створомъ въ полку Полуполковника Василя Монавскаго Поршима по обещанію всего полку строилъ сѣмъ работу серебряника Федосей Г. Фому полку, и оцѣнилъ его въ послѣднюю кампанію 1812 года, подалъ вамъ Восходошнѣйше Георгіевскія трубы съ надписью: Владимирскаго пѣхотнаго полка за сраженіе пель Горелетномъ въ Слезімъ, подъ Бриенъ Лешато и при селеніи Ларотьеръ.

гая двойю опашоши свою собствонную, было одла-
но представленіе Государю Императору, и по Вмсо-
чайшему повелѣнію, неуспрашимый Василей награ-
диль серебряною медалью на Владимирской лѣншѣ съ
надписью: *За спасеніе селовѣстееа*. Сверхъ того
Государь Императоръ изволяль пожаловашь ему едино-
временно сто рублей.

Честь Русскимъ, хранящимъ свято добродѣтель
въ сердцахъ своихъ! — Слава Великому Монарху,
умѣющему цѣнить и награждать заслуги добродѣтели!

Ш.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ.

I.

*Сергей Леонтьевичъ Вухвостовъ, первый Солдатъ
Россійскій.*

Къ нанечатанному о немъ въ 1 и 2 Но Русскаго Зри-
теля присовокупляешся еще слѣдующее, найденное
въ бумагахъ К. Ѡ. Калайдовича:

Вухвостовъ постоянно пользовался ошлочною ми-
лостію Государя Петра Великаго, которій, для изъ-
явленія своего особеннаго къ нему благоволенія, при-
казалъ, находившемуся тогда въ Петербургѣ, извъ-
стному Италіянскому художнику Графу Распрелли,
вылшть изъ бронзы бюстъ его въ натуральную величи-
ну. Сей бюстъ ошданъ пошомъ для храненія въ
Куншшкмеру Императорской Академіи Наукъ.

Сіе извѣстіе взято изъ книги: *Собраніе портре-
товъ Россіиъ знаменитыхъ* (1). Издашель которой
говорить далѣе, что, кромѣ извѣстій, помѣщеныхъ

въ С. Пешербургскихъ Газетахъ, другихъ болѣе не найдены.

Г. Бекешовъ замѣчаетъ нѣкоторое несходство между ними. На прим., въ *Вѣдомостяхъ* сказано, что Бухвосновъ вступилъ въ военную службу въ 1674 г. на 15 году своего возраста, — а это явно противорѣчитъ съ годомъ его рожденія, высказаннымъ на портретѣ. Въ *Вѣдомостяхъ* упоминаю, что Петръ I учредилъ Преображенскій полкъ въ 1695; между тѣмъ какъ изъ Исторіи сего Государя видно, что оный существовалъ еще 1694 года.

Мы, съ своей стороны, также замѣшимъ разность сего извѣстія, повтореннаго съ С. Пешербургскихъ Вѣдомостяхъ, издававшихся въ то время на Нѣмецкомъ языкѣ (2). Кромѣ того, что въ нихъ не означено самаго года рожденія Бухвоснова, — сказано, что онъ вступилъ въ службу не въ 1683, но въ 1674 году! — По словамъ издавшаго сихъ Вѣдомостей Сергѣя Леоньевича жилъ только 86 лѣтъ. — Здѣсь, мимоходомъ замѣтимъ, что въ нихъ и самое имя художника, которому Петръ повелѣлъ сдѣлать likeness изображение Бухвоснова, замѣнено: онъ здѣсь названъ Графомъ *Астрелии*.

Время и мѣсто не позволяютъ сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній вразсужденіи извѣстій о Бухвосновѣ, и мы, помѣщая ихъ въ примѣчаніяхъ, предостерегаемъ самихъ читателей сравнивать оныя и выводить заключение (3).

Соображая всѣ обстоятельства изъ жизни Сергѣя Леоньевича, мы видимъ, что онъ былъ человекъ, рѣдкій въ свое время; что онъ заслуживаетъ все вниманіе нашихъ соотечественниковъ, какъ образецъ набожной скромности и умѣренности, какъ *первый воинъ* Великаго Монарха, какъ ревностный, усердный слуга Престола и Отечеству.

II.

Гренадеръ Михайловъ.

Сводной дивизіи, 5го пѣхотнаго Корпуса, Владимирскаго пѣхотнаго полка 3й гренадерской роты, рядовой Тимошей Михайловъ въ 1823 году, находясь въ Москвѣ въ караулѣ, спощь на часахъ въ ногортномъ Тверскомъ казенномъ домѣ. Большая чугунная плита, приснавленная къ стѣнѣ, какъ-то опрокинулась, упала на правую ногу часового и переломила ее. — Гренадеръ, не взирая на сильную боль, взялъ ружье съ плеча и, облокотясь на оное, оставался на своемъ посту болѣе подучаса, не подавъ голоса и, шолько тогда, когда въ обыкновенное время пришла къ нему сѣзна, онъ уже объявилъ о чувствуемой имъ боли.

Вотъ истинно разшельный примѣръ швердосши, шерпѣннѣ, совершешной шочности въ исполненіи порядка и правилъ воинской дисциплины, — которыми всегда отличались воины наши въ царшествованіе *Благословеннаго* и отличавшяся имиѣ при дошшойномъ Наслѣдникѣ Его Пресшова и добродѣшелей — мудромъ **НИКОЛАѢ** ! —

За шакимъ поступкомъ Михайловъ корпуснымъ Командиромъ, Генераломъ ошъ Инфаншеріи Графомъ Толстымъ, произведенъ въ уншеръ-офицеры и, по предшавленію сего же Генерала, удостоился ошъ Государя Имперашора щедрой наградой — 500 рублей единовременно.

Примѣшнїя.

1. Собраніе портретовъ Россіиѣ знаменитимъ. Изд. П. Векешовимъ. Ч. I, стр. 291, 292.

2. St. Petersburgische Zeitung No 99. Dienstags den 10 Decemb. 1728. — Allhier ist vor einigen Tagen der Artillerie Major Serge Lewontiz Buchwostow mit Tode abgegangen. Es hat der selbe bereits 1674 im 15 Jahr seines Alters unter Sr. jetzt regirenden Kayserl. Majest. Herrn. Aelter-Vater glorwürdigem gedaechnisses Czaaren

Alexie Michailowicz zu dienen angefangen, und wie der glorwürdige Kayser Petrus der I. 1695 die Preobraschensische Leib - garde als die erste regulirte und mondirte Militz des Russischen Reichs aufgerichtet, so ist dieser Serge der erste gewesen, welcher bey dem Bombardier carpo derselben ausdient worden. Er hat sich ausdientends durch alle classen bis zum Unter - Lieutenant aufgedient, und von St. Hochst. seel. Kayserl. Majest. Petro dem I viele Gnade getiessen, welche ihn anno 1715 wegen seines Wohlverhaltens zum Major von der Artillerie ernennet, und sein Bildnis zum ewigen Andenken in Lebens-groesz durch den Graf Astralli in Metall gieszen lassen. Sein ganzes Leben hat er gebracht auf 69 Jahr.

3. Надатель, по волю Его Силмелешва Графа Дмитрия Николаевича Шереметева, имѣлъ удовольствіе получить издодляющія въ Кусковъ оригинальнѣйшія переписки Букиевскаго, гравированнѣй Махасовнѣ. См. № 1 и 2.

4. Писма сія замѣчательна по слѣдующей на ней надписи: Преображенскаго полку ебдатель дву челоуѣкъ Мешра Бодовкова, да Мешра Погоуравакаго и, являда Творца Госода, обращающъ шче болѣзнь на глази ихъ, когда енаде, пишанъ вышепомянутаго Алешку Сучкова, которой шончасъ доунился и екабалъ, что еявлялъ напрасно и обговорилъ Аенасовеащъ полку Шобарона шрѣкъ челоуѣкъ: Намшентку Серокниа, Иванку Троицкаго, Ларку Недосавина, которые шакме и нине съ пишокъ, а нине безъ пишокъ повинились, и еказали что они зѣб ебдешашъ шри челоуѣка, которые еидѣли въ шомъ Жюбасковѣ комиссарѣ въ шомъ еяговорилцахъ; а когда, ихъ спрашивади: для чего они въ бѣдѣ еидя большую замѣвающъ? прошивъ чего они еказали, что: говорилъ имъ стрѣдець же Иванка Колокольцовъ: им не едик проекадѣти, а пишѣшине ошпакушѣ въ радостинѣ; шуси же де и еидя враги наниа проекадушъ, лучше де наниа не еидѣти умерети. Тѣмъ послѣдуя они еидку евоеку саманѣ, которой хони еидашъ, что мучишися, однакомъ людеи къ себѣ предѣцашъ: хошѣли они чистыхъ обоганишъ, вышепомянушихъ уже баниа пишани довели.“ — Она надпись съ одного изъ листовъ коліи съ Указа Мешра I го, о. шоморѣ подробно можи чиниашъ въ *Залискахъ Туманскаго Ч. I* стр. 501.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ; шшобш по еяечашанин, до еяпуска имъ шшографин, ередошавлены были въ Цензурнѣй Комишентъ семь еземпларовъ сей книги, для ерепровожденія куда ебдущеш, и еосновани еужкопеній. Москва, 12 Мая, 1828.

Цензоръ, Владимиръ Измайловъ.

Sp. E. Choussier.

